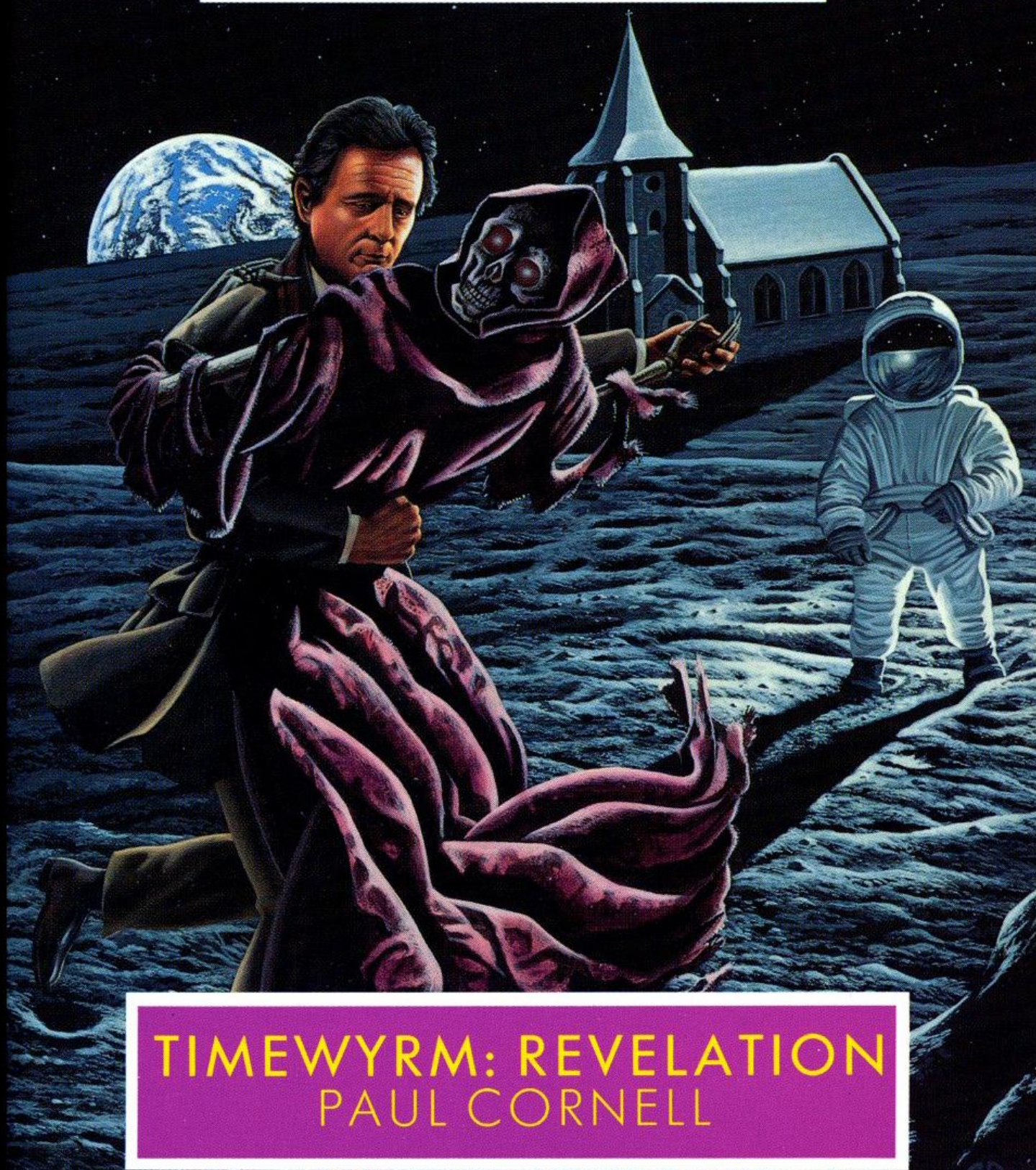

THE NEW

ADVENTURES

TIMEWYRM: REVELATION
PAUL CORNELL

Доктор Кто

Новые Приключения

New Adventures

Книга 4

(NA 04)

Времяточец: Откровение

Пол Корнелл

TIMEWYRM: REVELATION

Paul Cornell

1991

Перевод **ssv310**

ПРОЛОГ:

Гимн из деревни

— Но если бы не было снега, как бы могли поверить в бессмертие души?

— Какой интересный вопрос, мистер Уайльд. Но объясните, что вы хотели им сказать?

— Не имею ни малейшего понятия.

Оскар Уайльд,
ведя на ужин излишне серьёзную даму.

Говорят, что не бывает двух похожих снежинок. Но никто не удосужился это проверить. Над Академией они клубились в огромном множестве, они проносились вокруг углов тёмного здания, словно желая подчеркнуть его строгие линии. Гора Кейдон, высочайшая вершина Галлифрея, вытянулась вверх до границ атмосферы планеты, а Прайдонская Академия стояла высоко на её склонах.

Череда одетых в алые балахоны послушников бродила по башням в бесконечной зубрёжке протоколов и процедур. Со двора доносились звуки математической муштры: инструктора требовали мгновенных ответов на сложные задачи по

темпоральной индукции. Некоторых особых учеников обучали в высоких башнях более тёмным предметам.

Но позади здания Академии кто-то ухаживал за цветком.

Растение расцвело крохотным жёлтым бутончиком, укрывшись в трещине серо-зелёного склона горы. Рядом с ним было сломанное дерево, а под деревом сидела фигура в балахоне и созерцала цветок. Это был простой, но выносливый цветок. Галлифрейцы называли его сарлейн, но Отшельник знал людей, которые могли бы назвать его ромашкой, или розой, или нарциссом. Он был сложный и странный, края его лепестков были в зазубринах и жилках. Он был очень красивым, но Отшельник знал, что для того, чтобы понять его, людям пришлось бы дать ему какое-то определение.

Это, на его взгляд, было самой неотложной задачей во всей вселенной.

Послушник спешил вверх по склону; он тяжело дышал, выдыхая облачка пара. Слезы замерзали на его щёках. Он подошёл к мужчине в балахоне и сердито, словно собирался что-то у него потребовать, сказал:

— Они дураки! Слепые, равнодушные дураки! Они не видят, к чему это всё идёт, они не...

— Сядь.

Успокаиваясь и утирая лицо рукавом балахона, послушник сел и поклонился тёмной фигуре.

— Я рад, что ты хочешь продолжать своё... другое образование. Ты приготовил стих? — шептал голос из-под капюшона.

— Да. Я постился три дня и три ночи, я молил... те силы, которые ты назвал. Меня раскрыли.

— Тебя не накажут.

— Я почти ничего не понимаю в том, что написал.

— Конечно! — засмеялся старик. — В этом-то и смысл. Ты ещё слишком молод, чтобы помнить большую часть этого. Прочти.

И, дрожа от ветра и от надвигающегося времени, послушник начал читать.

Голова под капюшоном кивала, из темноты поблёскивал один глаз.

Пройдёт несколько веков, прежде чем послушник поймёт значение своей работы. А вот понять её саму... Возможно, это не случится никогда.

Было воскресенье перед Рождеством 1992 года, и прихожане деревни Челдон Боннифейс в графстве Норфолк одевались, запирали двери своих домов и выходили наружу. Было чудесное утро, вдали звонили колокола. Те, кто жил на окраине, недалеко от болот, приезжали на велосипедах или на машинах, покупали в центральном магазинчике воскресную прессу.

Морозный воздух был приятен старшему поколению, которое вспоминало о юности, о временах до телевидения, когда они лепили снеговиков и бегали по лесу, разыскивая друг друга по следам. Запах был такой, словно снег был уже близко.

Приближался не только снег. Об этом много говорили по пути на небольшой холм, на котором стояла церковь св. Христофора. Старики рассуждали о том, увидят ли они ещё одно Рождество, жёны говорили, что для этого времени года

это необычная погода, и винили во всём какой-то там озон, а мальчишки думали о том, не растут ли они, потому что всё вокруг становилось каким-то другим.

К такому же выводу пришли те, кто был внутри небольшой церкви. Преподобный Эрнест Трэло, викарий, ходил туда-сюда по проходу между скамьями и спорил.

Среди праздничных украшений и подношений никого рядом с ним не было. Органистка, миссис Уилкинсон, заболела. Но Трэло был не один.

С ним был Саул.

Саул был голосом, присутствием, с которым Трэло познакомил его отец, предыдущий викарий. Саул жил в этой церкви точно так же, как Трэло жил в своём теле, и был в этом месте под разными обличьями уже много веков. Трэло мог общаться с ним молча, но однажды уборщицы услышали, как Саул напевал гимны, и прозвали его призраком старого Саула Бредона, умершего в прошлом веке во сне, сидя на скамье.

Но Саул не был призраком. Он был скопившейся мудростью, разумом, сформировавшимся за очень долгое время в фокусе множества почтительных сознаний. Кельты-сеноманы называли его *Sernwn*, а каждый последующий народ давал духу холма своё имя.

Когда христианские миссионеры попытались провести над ним ритуал экзорцизма, Саул почти не удивился. Но его потрясло, что они, не преуспев в этом начинании, нашли прагматичное решение проблемы.

Они построили вокруг него церковь и объявили, что он то ли ангел, то ли милость Господня. То ли что-то другое.

Лишь первый преподобный Трэло, прадедушка Эрнеста, заговорил с Саулом вместо того, чтобы молиться ему. Осознав, что эта церковь — независимое существо, вовсе не божественное, старый Доминик занялся её образованием, как светским, так и религиозным.

В 1853 году, во время полуночной службы, Саул был крещён своим особым способом, разбрызгивая своими психическими мускулами по сторонам воду.

За исключением Трэло, при этом присутствовал лишь один свидетель, который утверждал, что мало знает о религии. Это был путешественник, известный как Доктор. Мудрый старик — обладатель орлиного взгляда, гривы седых волос и эксцентрической натуры — поднялся на этот холм и вошёл в церковь как раз в тот момент, когда должна была начаться церемония. Он, по его словам, зная, что предстоит счастливое событие, оставил своих спутников в деревне.

По непонятным причинам Саул сразу проникся к нему доверием. За многие годы Саул встречался с Доктором неоднократно, и всегда это было частью какого-то приключения, какого-то героического квеста. Об этом церковь и викарий сейчас и размышляли, раскачивая вместе колокола.

— Что-то стало иначе, — сказал Саул, чей голос напоминал бесконечный церковный хор. — Ткань реальности изменилась.

— Быть может, Доктор возвращается, — пробормотал Трэло в сторону стропил. — В прошлый раз я подумал, что всё закончилось слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Согласен. Должен признать, что когда он входит в мои двери, мне кажется, что сейчас разверзнется ад.

Трэло улыбнулся. Иногда Саул вёл себя поразительно по-детски, в частности, выбирая метафоры. Что же касается его самого, то он не знал, хотелось ли ему, чтобы Доктор их навестил. Во время своего последнего визита Доктор, опять в новой форме, просто привёз свою племянницу Мелани в Челдон Боннифейс, чтобы срисовать несколько рельефных изображений.

— Быть может, Саул, это просто погода тревожит наши старые кости... — Трэло прервался, потому что двери церкви распахнулись. Там стояли недавно приехавшие... как же их фамилия?

— Хатчингсы, — молча сообщил ему Саул. — Питер и Эмили. И Питер тебя слышал.

— Доброе утро, вы немного рановато, застали меня за репетицией проповеди, — Трэло пожал мужчине руку, жалея о том, что у него нет помощника.

Питеру Хатчингсу было слегка за тридцать, он был высокий и крепкий, но слегка сутулый, как человек, который проводит больше времени за столом, чем на спортплощадке. Костюм на нём сидел неудобно, а бороду он отрастил такую, что позавидовал бы любой отшельник.

— Приятно с вами познакомиться, преподобный, — пробормотал он, немного сконфуженно. — Это моя жена, Эмили.

— Очень приятно, — Трэло пожал протянутую холодную руку.

Миссис Хатчингс была моложе мужа, и у неё было очень красивое лицо. Преподобный, обративший на это немного больше внимания, чем готов был признать, представил её себе

беззаботной студенткой, разъезжающей по Оксфорду на велосипеде. Лицо у неё было почти аристократическое, но этот аристократизм был смягчён склонностью к юмору. Красновато-коричневые волосы, стрижка каре.

— Здравствуйте, — негромко сказала она и с рассеянным видом пошла дальше в церковь. Подавив в себе желание проводить её взглядом, Трэло повернулся к Питеру.

— И что же вас привело в Челдон?

— Решил сменить обстановку. Я взял отпуск из Кембриджа, и подумал, что пришло время вложить свои сбережения во что-нибудь полезное и обосноваться где-нибудь.

— Из Кембриджа?

— Я профессор математики. Я сейчас работаю над новой статьёй. Теория узлов. Это очень абстрактно.

— Боюсь, что мои познания в математике не выходят за пределы средней школы, — улыбнулся Трэло.

Начали прибывать другие прихожане. Он извинился и пошёл заниматься подготовкой службы.

— Она очень печальна, — беззвучно сказал Саул, мысленным жестом указывая на Эмили Хатчингс. — Но есть в ней что-то очень многозначительное. Она — действующее лицо очень важной истории.

— Ты думаешь? — также беззвучно ответил Трэло, рассматривая лица своей паствы. — Интересно, где сейчас Доктор?

Уже занявшая место на скамье Эмили внезапно подняла взгляд, словно ей что-то послышалось.

— Кажется, кто-то только что прошёл по моим могилам¹,
— пробормотала живая церковь. — По всем.

По случаю Рождества окна школы св. Бенедикта в Перивейле были украшены. Воздух пах морозом и дымом. На игровой площадке шумно носились дети. Стоя рядом с главным зданием школы, мисс Маршалл дула на чашку и пила горячий кофе. Ей бы их энергию.

На краю толпы стояла Дороти. О боже... Как всегда одна, отчаянно пытается войти в игру, но не знает, как это сделать. Маленькая девочка в панике смотрела на круг своих одноклассников, которые, взявшись за руки, водили хоровод. Она ждала, что ей предложат присоединиться, но никто не предлагал. Мисс Маршалл прекрасно понимала, что ей нельзя в это вмешиваться. От этого стало бы только хуже. Но Дороти нужен был друг, нужен был кто-то, кто приглядывал бы за ней.

В этот момент Алан Барнс поцарапал коленку, и учительница отвлеклась, чтобы найти дезинфицирующее средство. Как раз вовремя. Сейчас должно было произойти нечто чрезвычайно важное.

За школьными воротами стоял и внимательно наблюдал тёмный силуэт. Его глаза беспокойно бегали по площадке в поиске кого-то из детей.

¹ В английском языке выражение «почувствовать, как кто-то прошёл по моей могиле» означает «неожиданно вздрогнуть». В данном случае обыгрывается наличие при церкви кладбища.

Дороти.

Словно почувствовав внимание к себе, девочка в латаной куртке с капюшоном обернулась. Ей было страшно, она была злая и растерянная. Где-то была опасность.

Чуть в стороне, в группе мальчишек угрюмо стоял Чед Бойл. Ему было восемь лет, он был исполнен злобы, у него была армия последователей, а в голове был ужасный зуд. Сосредоточенно нахмурив брови, он внимательно прислушивался к своему внутреннему голосу. Увидев, что учительница зашла в школу, он тот час же поднял половинку кирпича с кучи, оставленной рабочими, строившими пристройку. Он просто повиновался приказам.

— Ты чё с ним делаешь? — спросил один из его приспешников, указывая на кирпич.

— Эта гадкая Дотти. Сейчас она у меня получит. Я её убью, — со смаком сказал Бойл.

Его банда одобрительно крикнула. Они знали, что им достанется, если они его не поддержат.

Как и у большинства хулиганов, у Бойла было несколько приспешников, которые любили наблюдать за тем, как он делает то, на что сами они не решались. Они поддерживали его своим молчанием, своим невысказанным одобрением. Но это не значило, что Чед им нравился. В глубине души он это чувствовал, и от этого становился ещё злее.

За день до этого, на общем собрании Бойл наступил Дороти на ногу. Дороти довольно небрежно ударила его локтём в живот и сделала подножку. И директор отчитал его за плохое поведение!

И вообще она была странная. Никто с ней не хотел играть. Она говорила, что хочет стать астронавтом, а это же глупо — девочки не могут быть астронавтами, это всем известно.

Он подпрыгнул к девочке и, пока она была к нему спиной, занёс руку.

Даже сквозь варежки он чувствовал, какой кирпич холодный и твёрдый. Его занесённая рука была силуэтом на фоне низкого солнца, и девочка обернулась, увидев резкое движение тени.

Она закричала.

Бойл со всей силы взмахнул своим оружием и расколол ей череп, убив на месте.

Позвали старших. Мисс Маршалл не отчитывала Чеда. Она не знала с чего начать. Сама идея ругать ребёнка за убийство казалась фарсом. Приятели Бойла, его банда, разошлись от него в стороны, охваченные каким-то суеверным страхом.

Было принято решение передать дело в суд по делам несовершеннолетних, а пока оставить ребёнка под домашним арестом, под надзором его матери. Директор лично пошёл к родителям жертвы. Он не пытался замять это дело, а наоборот, созвал специальное родительское собрание, посвящённое этому событию.

Впервые все родители его слушали.

Каждое утро, раздвигая на окнах шторы, миссис Бойл чувствовала стыд. Вначале она постоянно плакала, снова и снова спрашивала Чеда о том, как он мог такое сделать. Она отшлёпала его старым тапком, тем самым, которым раньше пользовался её муж, но Чед молча принимал эту боль, как будто это было всего лишь мелкое неудобство.

Всё это время он смотрел на неё скорее с удивлением, как если бы ответ на её вопрос был очевиден. Наконец, когда она его начала трясти, он сказал:

— Ангел сказала мне сделать это.

От этих слов миссис Бойл не стало легче. Она уверилась в том, что её сын безумен, что теперь им будут заниматься психиатры. Она и сама была какое-то время их пациенткой и знала, что соседи об этом знали. «Наследственное», — скажут они. — «Грехи отцов».

Она не могла заснуть. Она жалела, что Эрика уже нет. Быть может, его влияние на ребёнка было бы сильнее. Временами она слышала, как за стеной спальни Чед разговаривает сам с собой, смеётся и бормочет что-то.

Но в одну из ночей мисс Бойл услышала нечто ещё более странное.

Это было в три часа ночи, когда она, обняв подушку, всё ещё пыталась заснуть. В соседней комнате бормотал Чед, его голос становился всё громче.

Вначале звук был тихий, а затем поднялся до крещендо. Потом что-то чавкнуло, словно механизм разорвал живое существо. Он доносился сквозь стену, заставил дрожать деревянное распятие, висевшее высоко над холодной постелью миссис Бойл. Затем раздался последний стук, и звук утих.

Миссис Бойл вскочила, с трудом сдерживая крик. Трясаясь от страха перед неизвестным, но подгоняемая беспокойством о сыне, она прошла к двери своей комнаты и выглянула в тёмный коридор. Из-под двери комнаты Чед сиял голубой свет; она слышала его смех.

— Чед? — позвала она испуганным голосом. — Что ты делаешь?

Всхлипывая, она заставила себя подойти к двери и открыть её. То, что она увидела, убедило её в том, что это *она* сошла с ума.

Держа за руку странного невысокого человека, Чед входил в старую полицейскую будку. Глаза у мужчины были закрыты, а голова была странно, неестественно наклонена. Но он уводил Чеда.

Мальчик обернулся и улыбнулся своей матери:

— Всё будет хорошо, мам. Его за мной Ангел прислал. Мы убьём Дотти ещё раз.

Они зашли в будку, и та растаяла с таким же адским рёвом. Закричав, миссис Бойл рухнула на пол.

ГЛАВА 1

Первый шаг

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царём бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

«Гамлет»

Уильям Шекспир,
перевод М. Лозинского.

Эйс резко села в постели и не закричала. Она сделала то же, что она делала, когда была маленькой — убедилась, что всё вокруг так, как должно быть. Комната, конечно же, была необычная — это была спальня в ТАРДИС. Но в окружении постеров группы «Happy Mondays», стереосистемы и ящика взрывчатки Эйс чувствовала себя здесь уютнее, чем в любом другом месте.

И, разумеется, всё было в порядке. Она встала с постели и комната прореагировала на это, увеличив яркость освещения так, чтобы можно было осмотреть все углы.

Ей что-то снилось... Что? Наверное, что-то о доме, о том, чтобы вернуться туда и воспользоваться ящиком нитро-9, когда это было нужно.

Но всё-таки... Она потёрла лицо рукой, прогоняя гадкий сон. Эйс было двадцать с небольшим, но она была не по годам мудрой, что было свойственно бродягам четвёртого измерения. Её лицо могло быть мягким и красивым, но могло

внезапно гневно нахмуриться, и тогда казалось, что этот гнев может разнести всю планету за её грехи. Что ей иногда и хотелось сделать. Несколько вещей Эйс ценила превыше всего. Это были преданность, уважение и взрывчатые вещества. Может, в ней и был лишний килограмм сверх того, что предписывала мода, но это были сплошные мышцы, и она слишком любила бутерброды с беконом, чтобы переживать по этому поводу. К тому же, если она когда-нибудь познакомится с Тимом Бутом, он ведь полюбит её за её ум, правда ведь? Иначе могут быть проблемы.

А затем она услышала. Где-то далеко в тёмных коридорах ТАРДИС кто-то кричал, низким далёким голосом:

— Старина? Берегись! Оно внутри!

— Профессор? — позвала девушка из Перивейла, но никто ей не ответил. Сбросив с себя одеяла, Эйс пошла на разведку в одной ночнушке.

ТАРДИС была странным кораблём, огромным изнутри, с целыми милями коридоров, с бассейном, и даже с тренажёрным залом, который Эйс взялась переделывать под свои предпочтения. Но снаружи ТАРДИС выглядела милой и старомодной, как экспонат музея. Она выглядела как полицейская будка; Эйс не знала, что это такое, потому что идея о том, что легавый побежит за угол к телефону вместо того, чтобы воспользоваться рацией, была очень странная. Она считала, что Доктор не менял внешний вид корабля потому, что он ему нравился. А может, и нет. Он же, в конце концов, пришелец, не так ли? Он рассказывал о некоем Галлифрее, о доме, в который ему не хотелось возвращаться. Эйс это

устраивало. Раз он не хотел возвращаться домой сам, то и её заставлять вернуться не станет.

По вечерам Доктор заваривал им по чашке какого-нибудь горячего напитка, и они беседовали об истории, политике, науке. Затем он обычно говорил, что ему нужно что-то доделать и желал ей спокойной ночи.

Эйс считала, что это «доделать» означало, что Доктор готовит какие-то новые фокусы. Иногда она беспокойно просыпалась посреди ночи от того, что до неё доносились звуки материализации. Когда это случилось впервые, она спросила у Доктора, чем он занимался ночью.

— Расставлял реквизит, — сказал он, — убеждался, что люди знают свои роли, иногда оставлял пометки на полях сценария. Вся вселенная — театр, Эйс. Быть актёром мне недостаточно. Я люблю быть режиссёром.

Эти маленькие штришки, ночные ходы в игре повелителя времени, не производили впечатление опасных. Они заключались в перемещении мебели, изучении того, когда что произошло, и в предотвращении знакомства некоторых пар. Последнее было несколько жестоко.

Однако во времена между приключениями, когда Доктор планировал следующую кампанию, такая активность обычно снижалась. Они только что покинули Кирит и, поскольку их поиски Времяточца были безрезультатны, Эйс думала, что Доктор в конце концов поспит, или что он там в таких случаях делает. Но его активность не прекращалась.

Просто теперь, когда она спрашивала его об этом, он говорил, что ей, должно быть, показалось, что он всю ночь провёл у себя в комнате.

Идя по тёмному лабиринту, Эйс подумала о том, что она лишь предполагала, что он спит. Да, он запирался на ночь в своей комнате, но речь ведь шла о том, кому не нужно бриться. Подойдя к его двери, она тихонько постучала.

— Профессор? У тебя всё в порядке?

Через секунду дверь слегка приоткрылась. Доктор, всё ещё полностью одетый, посмотрел на неё так, словно она была ужасным монстром, который пришёл, чтобы его похитить. Мальчишечье лицо наполнилось ненавистью, тем лютым чувством, которое мог проявить только исключительно невинный. Оптимист, который много раз ошибался.

Этот взгляд всегда ей нравился, когда Доктор направлял его на врагов, он сразу ставил врага на место. И теперь она поняла почему. От него ей стало плохо, она почувствовала себя маленькой и беспомощной, и это её разозлило.

— Доктор? Это я! Ты кричал!

Повелитель времени моргнул, понял, где он находится, и широко ей улыбнулся, что было всегда приятно, странно и немного смешно, как старый мультик. Он приоткрыл дверь ещё немного.

— Да. Прости. Плохой сон приснился.

— Мне тоже. Ты что-то кричал. Голос был как будто не твой.

— Да. Это проблема путешествий во времени. Тяжело придерживаться режима. Какао, — швырнув Эйс халат, он пошёл в направлении отсека управления.

Когда Эйс тоже пришла туда, Доктор ходил вокруг консоли, проверял показания приборов, щёлкал тумблерами. Лицо у него было мрачное, она его ещё таким не видела.

— Куда мы направляемся, Доктор?

— Никуда. Повсюду. ТАРДИС ждёт. Ждёт меня.

— Что-то случилось, да?

Доктор словно задумался, и на мгновение Эйс почувствовала себя ребёнком на Рождество, которому сейчас скажут, что Санта-Клауса не существует. Затем он снова улыбнулся и вышел из отсека. Эйс вздохнула и опустила руки глубоко в карманы халата.

Ступнёй ноги она что-то задела. На полу отсека управления лежал пустой шприц. Эйс быстро понюхала иглу, но запах был ей абсолютно незнаком.

Доктор вернулся, и Эйс спрятала шприц в карман. Повелитель времени принёс на подносе две чашки какао. Эйс осторожно взяла одну из них. Возможно, она бы заговорила о шприце, но Доктор в кои-то веки начал что-то объяснять, а она не хотела пропустить такую редкую возможность.

— Я беспокоюсь. После Кирита. Времяточец пропал на следящих приборах ТАРДИС, а это значит, что он прячется. Со злом всегда так. Коварное, незаметное...

Эйс вздохнула, понимая, что Доктор говорит скорее сам с собой, чем с ней. Последние несколько дней их курс был хаотическим, несколько последовательных попыток обнаружить темпоральные нарушения. Они приземлялись в Левишэме в 1977 году и посетили паб «Роза из Ли». Они ходили по улицам Рима в 1582 году; они сидели и медитировали в Глазе Ориона. Казалось, что Доктор пытается найти закономерность, увидеть какой-то смысл в этих разнообразных событиях. Похоже, он был в отчаянии.

— Сны — вот причина того, что люди спят, Эйс. Нет смысла спать, если не видишь сны. У тебя бывает когда-нибудь такое чувство, словно кто-то пытается тебе что-то сказать?

— Нет, — Эйс хотела что-то сказать о том, что Доктор никогда ничего не рассказывает, но он снова вышел, а затем вернулся, неся в руках нечто вроде древнего глазурованного горшка.

— Подарок царя Вена. И-Дзин. За оказанные услуги.

Он высыпал содержимое горшка на пол — кучка палочек.

— Профессор, что...

— Тсс. Простой макроскопический оракул. Отражает вселенную в малом действии. Наше восприятие зависит от масштаба. Малое подобно большому.

Он отложил одну палочку в сторону, разделил кучку на две, а затем начал сложные манипуляции: брал пальцами палочки, кидал их обратно в кучу и быстро пересчитывал. Наконец, он вскочил и ввёл в компьютер ТАРДИС последовательность цифр.

— Комбинации палочек определяют последовательность цифр. У меня выпало 541322, а остальное пускай устанавливается случайно.

Центральная колонна начала подниматься и опускаться, выбрав новый курс.

— И куда же мы теперь направляемся? — встала Эйс.

— К приключениям. К конфликту.

Доктор загадочно улыбнулся, Эйс усмехнулась ему в ответ.

— И что, будет смертельная опасность?

— Да. Тебе лучше одеться.

ТАРДИС мчалась сквозь Вихрь, на её оболочке отражались пурпурные спирали коридора времени.

Пока Эйс натягивала лосины, толстовку с капюшоном, доставала из шкафа рюкзак, они уже приземлились. Доктор снял с вешалки зонт, поправил на голове шляпу и направился прямо в неизвестное, даже не посмотрев на сканер.

В последнее время так часто было. Идя за ним, Эйс надеялась, что он не просто хвастается, а действительно знает, что делает. Казалось, что он всегда всё знает, но Доктор, словно профессиональный фокусник, не любил раскрывать секреты своих фокусов.

Это было нормально, когда сидишь в зрительном зале, но страшно, если ты — кролик в шляпе.

Полная луна сияла над засыпанным снегом пейзажем, над протянувшимся внизу густым лесом и болотами, лёд на которых отражал лунный свет. Вдали горели огни деревни. Воздух был морозный и чистый; перед ними был тихий загородный пейзаж, словно ожидавший чего-то. Эйс застегнула змейку куртки.

— За городом. Гадость.

— Ты так думаешь?

— Да. Если тут с тобой что-нибудь случится, никто об этом не узнает. И некому будет помочь.

Они побрели по снегу, и Доктор облизал палец, чтобы оценить направление ветра.

— Помнится, Шерлок Холмс делился похожими чувствами.

— Да? — заинтересовалась Эйс. — Ты с ним встречался? Ах да, он же не настоящий.

— Если кто-то не настоящий, это ещё не значит, что с ним нельзя повстречаться, — с лукавой улыбкой пробормотал Доктор.

Он продолжал идти, а Эйс на мгновение задержалась.

— Ага, — сказала она и пошла за ним.

Они вышли на хребет, с которого было видно деревню, и Доктор кивнул. Вокруг центральной лужайки сгрудились крытые соломой дома. Чуть в стороне была кузница, а таверна гостеприимно сияла и гудела голосами.

— Челдон Боннифейс. Норфолк. Англия. Земля. Середина девятнадцатого века, судя по домам. Хм, нужно быть осторожнее.

— Осторожнее? Почему?

— Потому что тут могу быть я. Я несколько раз бывал в этой деревне.

Эйс нахмурилась, представив двух Докторов в одном месте.

— Это было бы так плохо?

— Это потенциальная катастрофа. Совпадений не бывает. Нет, мне кажется, что сегодня совсем другая игра, — внезапно, словно решив, что рассказал слишком много, он сменил тему: — Ты знаешь происхождение слова «Эйс»²?

Они начали спускаться с холма.

— Нет.

— Из латыни, это мера веса.

— Спасибо, Профессор.

² По-английски «Асе». Видимо, она взяла себе такое прозвище потому, что одно из его значений — «круто, клёво».

— Французы этим словом называли пилота, сбившего десять вражеских самолётов.

Они продолжали этот разговор до тех пор, пока не дошли до таверны, рядом с которой в конюшне были оставлены лошади. Над входом, качаясь, скрипела вывеска «Чёрный Лебедь».

— И, конечно же, есть ещё выражение «to bate an ace».

— Что оно означает?

— Оно означает «давать противнику начальное преимущество». Чтобы казаться равным.

— Значит, оно не связано с тем, чтобы использовать «эйс» как приманку?

— Вовсе нет. После вас, — он жестом предложил ей зайти в таверну.

Вначале она услышала шум. Хозяин таверны, большой коренастый мужчина с кустистыми бакенбардами и румяным лицом, пытался пробраться к столу, неся на подносе кружки с пенящимся пивом. Вокруг него было полно людей, развесёлых жителей деревни, странников во всё ещё заснеженных сапогах, музыкантов и нищих, все они громко и весело распевали рождественские песни.

Эйс захотелось присоединиться. И тут она поняла, что это может быть не так просто. В прошлом веке её лосины не будут писком моды. Не придётся ли ей весь вечер отбиваться от пьяных мужиков?

— Не переживай, — сказал Доктор, закрывая за собой дверь. — Никто не заметит.

Он протиснулся к барной стойке и обратился к толстой женщине, разливавшей по кружкам горячую медовуху.

— Марта! Который сейчас час?

Женщина подняла взгляд и рассмеялась:

— Доктор! Мы столько лет вас не видели! Но вы всегда задаёте этот вопрос! Только что пробило десять часов, сегодня сочельник!

— Да что вы? — крикнул в ответ Доктор. — Есть ли в таверне свободные места?

— Только не цитируйте мне Писание³, — засмеялась Марта. — У нас есть две комнаты, — она подмигнула Доктору: — Вам обе понадобятся?

— А... Да... — Доктор на мгновение смутился. — Как вы и сами знаете. Мне нужно поговорить с Джорджем.

— Ну, как только он освободится. Джордж, смотри, кто пришёл!

Джордж — оказалось, что речь идёт о хозяине — оторвался от разговора с одним из посетителей. На мгновение Эйс показалось, что он обеспокоен. Затем он рассмеялся:

— Доктор! Из семьи Докторов! Как поживает ваш парень? — он тряс руку Доктора сильнее, чем тому хотелось бы.

— О, с ним всё в порядке. Продолжает играть в крикет. Я хочу снять у вас две комнаты.

— Они ваши. Вы из тех гостей, кому я рад в день открытых дверей, не то что эти... — он кивнул на группу бродяг, которых в честь праздника пустили погреться. — Честно

³ Евангелие: «...и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

говоря, — он наклонился ближе, — я как раз хотел поговорить с кем-нибудь образованным. Не хотите сыграть в шахматы?

Доктор заинтриговано кивнул.

Эйс тихо заказала себе медовухи и, широко улыбаясь, уселась за стол среди бродяг. Своими нечёсанными шевелюрами и тщательно завязанными пожитками они ей напоминали панков-анархистов, которых ей доводилось встречать.

— Привет, меня зовут Эйс.

Суровые мужчины удивлённо посмотрели на неё.

— Ух ты, какая деваха! Сладенькая, наверно.

Это вызвало общий смех. Эйс сверкнула взглядом:

— Не знаю, что это значило, босяк, но приветливым мне это не показалось.

— О, не обижайтесь, мадам, — вмешался ирландец в грязной шляпе-цилиндре. — Мы просто пользуемся гостеприимством Джорджа, пока он не запер своё заведение и не выгнал нас в церковь, к началу службы. Меня зовут Рафферти. А это моя жена, Бриджит, — стройная розовощёкая женщина кивнула Эйс. — Что касается меня, то если за небольшую молитву меня пустят погреться, я не против.

— Джордж настолько верующий?

— Богобоязненный.

Эйс надпила медовуху, наслаждаясь вкусом мёда и плавающих сверху трав. Доктор незаметно похлопал её по плечу и шепнул на ухо:

— Развлекаешься?

— Да. Исторически.

— Я отлучусь, чтобы провести небольшое расследование. У тебя комната на втором этаже. Встретимся там через полчаса.

— Хорошо.

Он развернулся и пошёл, но тут же вернулся:

— И не заказывай больше медовуху.

Эйс вздохнула и упёрлась локтями в стол:

— Ну что, кто хочет спеть?

Доктор поднимался по лестнице рядом с Джорджем, в руках у которого была свеча. Свет мерцал, освещая лестницу, и пробегавшие по лицу хозяина тени подчёркивали то, что подозревал Доктор. Хозяин боялся. Боялся темноты.

Он открыл дверь небольшой гостиной на втором этаже, зажёл лампу, проверил ставни на окне. Затем он достал шахматы и расставил их на старом дубовом столе.

— А как же ваши клиенты без вас? — с любопытством спросил Доктор, садясь за стол.

— Поздно уже. Марта может вынести им ещё пирогов и эля. Вы давно играли, Доктор?

— Достойных противников давно не было, — ответил повелитель времени. — Белые, пожалуйста.

Они начали играть. Доктор сдерживал себя, ожидая атаки Джорджа.

— В церкви были неприятности, — через какое-то время начал хозяин.

— Неприятности?

— Преподобный Трэло ведёт себя как-то странно. Он считает, что в церкви живёт какой-то дух.

Доктор слегка улыбнулся:

— Возможно.

— Но ему там что-то мерещится. Говорит, что демоны.

Доктор был похож на охотника, заметившего дичь. Джордж взял его пешку. Он укреплял свои позиции.

— И вы пойдёте туда сегодня?

— На полуночную мессу, как всегда.

— Хорошо. Мы тоже придём.

— Да, — улыбнувшись и взяв ещё одну фигуру Доктора, поднял взгляд Джордж. — Я надеялся на это.

Эйс почувствовала усталость. Она вспомнила, что её биологические часы считают, что сейчас около четырёх утра. Медовуха тоже бодрости не добавляла. Она встала.

— Ты нас бросаешь? — спросил Рафферти.

— Боюсь, что да. Тут, внизу, недостаточно весело.

— А наверху будет веселее?

Эйс хлопнула себя ладонью по лбу и пошла наверх, думая о том, что на ночь нужно будет заклинить дверь изнутри стулом. Марта крикнула ей вслед, чтобы она спустилась в полночь, и Эйс кивнула в ответ.

Комната оказалась клёвой. Большая старая кровать и кувшин на шкафчике. Эйс бросила рюкзак на кровать и открыла на окне ставни, заметив, что комната освещена лампой.

Лес потрескивал в лунном свете, густой и тихий.

Была ещё одна причина, почему она не любила бывать за городом. Слишком тихо. Ей, чтобы заснуть, нужен был гул транспорта или ТАРДИС. Тут, конечно, этой проблемы не будет. Через двадцать минут придёт Доктор, полный планов и

стратегий. Эйс надеялась, что в этот раз он ошибся, и в этом спокойном месте нет никаких улик о пребывании Времяточца.

Она легла на кровать, заложив руки за голову. Может быть, ей просто отдохнуть? В конце концов, дверь-то она заперла.

Через минуту она заснула.

— Я боюсь. Боюсь этих демонов. Они за пределами моих знаний, а что мы не знаем... того мы все боимся, да, Доктор?

Доктор внимательно изучал лицо Джорджа, словно пытался что-то найти в его чертах. Его внимание всё меньше занимала игра, которую он вот-вот мог проиграть.

Джордж посмотрел на доску, сделал ход, и потенциальный проигрыш стал реальным.

— Впервые мне удалось у вас выиграть, — усмехнулся он.

— Правда? — нахмурился Доктор. — А разве тогда, когда... — он снова посмотрел на трактирщика и улыбнулся. — Да, конечно, вы правы, — его лицо посуровело, его глаза, казалось, пронзали вуаль пространства и времени. — Не бойтесь, — прошептал он. — Я избавлю вас от ваших демонов.

Внезапно напрягшееся лицо Джорджа тут же расслабилось.

— Да, Доктор, — вздохнул он. — Конечно, вы справитесь.

Доктор и Джордж снова спустились по лестнице. В таверне стало тише, и Доктор заметил, что Эйс ушла, как они и договаривались. Он заказал себе пирог и сел за стол.

— Ну что, парни, — сказал Джордж, — до полуночи ещё есть время. Давайте ещё spoём!

Эйс снилась школа. Ряды одинаковых парт, на одной из которых она выцарапывала своё имя. Учитель — убеждённый фашист с дрожащей губой — кричал, чтобы она прекратила, а в руках у него была шкатулка. Музыкальная шкатулка. Заведённая, готовая играть. Но эта шкатулка может хранить внутри секрет. Угадай, что в ней сегодня? Это Доктор. Куда это вы, Доктор? Понятно, отправляетесь в космос, сражаться с монстрами.

Можно и нам с вами? Но когда Доктор кивал, соглашаясь, из-за задней парты встал мальчик и направился вперёд, сквозь шумный класс. Он остановился у парты Эйс и сердито посмотрел на неё.

Чед Бойл. Чёртов псих, который её чуть было... который...

— Дотти, — широко улыбнулся он. Нет, это ей снится, она должна контролировать ситуацию. — Первое, что узнаёшь в школе, это то, что зло — это не просто отсутствие добра. Зло реально. А второе, что узнаёшь, это то... — он схватил её за волосы и замахнулся испачканным кровью кирпичом, — что тебе никогда не стать астронавтом!

И рядом был астронавт, он нагнулся над партой, в его шлеме отражалось её лицо.

Она закричала. Ей показалось, что она проснулась, но перед самым её носом по-прежнему было искривлённое отражение её лица.

Шприц воткнулся в вену на её шее, и Эйс, дрожа, упала на кровать.

Астронавт был низкого роста, всего лишь метр двадцать. Он осмотрел спальню, словно она его впечатлила, а затем протянул руку и проверил у Эйс пульс. Грубо взяв её на руки,

он плавно направился к окну. Спрыгнув, он медленно опустился на землю, словно плавно опускающаяся инопланетная снежинка.

Шторы открытого окна трепетали на морозном ветерке.

К ужасу Марты, Джордж начал петь. Скоро ему начали аккомпанировать звон кружек и гармошка.

Из леса летела кукушка,

Ку-ку!

Прилетела к кормушке

и радостно крикнула:

Ку-ку!

Прыгала, приседала,

по кругу летала.

Ку-ку!

Доктор зевнул, встал, и потянулся.

— Поздно уже. Пойду, пожалуй, загляну к Эйс.

Джордж засмеялся, возможно, заметив, что лицо Доктора снова насторожилось.

— Она, наверное, к медовухе непривычна. Ну же, вы к своему пирогу даже не притронулись!

Расслабившись, Доктор взял пирог и собрался откусить:

— А который сейчас час?

Джордж посмотрел на своё запястье.

Доктор бросился к лестнице. Жители деревни вскочили со своих мест и бросились за ним, их руки хватали его за полы пиджака, ткань трещала. Доктор отбился от них, сделав лидеру подножку зонтом.

— Держите его! — разъярённо кричал Джордж.

— Почему? Почему? — кричала Марта. — Что он сделал?

Вырвавшись, Доктор взмыл вверх по лестнице и наткнулся на запертую дверь комнаты Эйс. Осмотревшись, он бросился в гостиную и изнутри подпёр дверь тяжёлым столом. Раздались сильные стуки в дверь с другой стороны.

Он отодвинул штору и осмотрел окно. Старомодная рама-решётка. Он не сможет её сломать.

Он замер и успокоился.

— А может быть смогу, — тихо сказал он.

Закрыв глаза, Доктор вслепую налёг на окно, и оно вывалилось в ночную темноту. Дверь не выдержала, стол отлетел в сторону, и Доктор бросился в окно. Мгновение полёта, и он уже катился по снегу. Из дверей таверны выбегали люди, и он помчался к лесу.

От него не отставали крики обезумевших селян.

— Стойте! — велел им Джордж. — Он нам нужен целым. Он вернётся.

Джордж крепкими руками разорвал не съеденный Доктором пирог и порылся во влажной смеси фруктов и свинины. Он быстро нашёл то, что искал.

Омела.

— Поцелуй смерти, — улыбнулся Джордж и поднял его над головой жены. Перепуганная Марта поцеловала то, что считала её мужем.

Маленький астронавт скакал по сельской местности с Эйс на руках. Его прыжки были высокие и длинные, он описывал дуги над сверкающей белой землёй и грациозно приземлялся, вздымая небольшие тучки снега. Вокруг была тишина.

Существо смотрело на свою ношу и качало головой, словно оно тоже не понимало, что происходит.

Эйс снились всё те же старые сны. Группы детей, то далёкие и недоступные, то сгрудившиеся вокруг неё и пинающие её ногами, таскающие её за волосы, плюющие на неё. «Грязная Дотти, Грязная Дотти⁴...» И всё из-за мамы.

Чед Бойл был тогда её проклятьем, это имя она никак не могла забыть. Дома, в своей маленькой комнате с плакатами с Луной и музыкой (а её музыка всегда, всегда была лучше, чем то дерьмо, которое слушали другие школьники) ей это имя даже не приходило в голову. Оно означало грязь на лице, разодранную асфальтом кожу. Оно означало необходимость драться за всё, за каждый грамм уважения. И эти драки не приводили ни к чему. Независимо от того, как хорошо ты дерёшься. Другие дети знали правила. Девочки не дерутся с мальчиками, мальчики не дерутся с девочками. На Дотти эти правила не распространялись.

Чед, конечно, нарушил это правило первый, начав приставать к Дороти. Всё, что ей нужно было сделать — сказать «в чём дело, я тебе что, нравлюсь?» и он бы застеснялся и отстал.

А может и нет. Может быть, она действительно ему нравилась, и это заставляло его неокрепшие мозги нарушать все правила? Поджидать её у двери её дома, доставать её во время уроков, даже если это видели учителя. Всё это время, все эти ужасные годы казались теперь Эйс сплошным мучением. Она вырвалась, выросла, завела себе в старших

⁴ Дотти (Dotty) созвучно со словом грязный (dirty).

классах друзей. Друзей, которые тоже были аутсайдерами. Она стала настоящей личностью.

А может и нет.

Эйс раскрыла глаза и увидела мчавшуюся к ней навстречу белую землю.

Это было по-настоящему. Хорошо! Когда астронавт сжал ноги для очередного прыжка, Эйс резко дёрнулась. Они оба упали, подняв столб снега, покатались, и она бросилась на своего похитителя и ударила его в грудь. Мгновение спустя он выпустил её из рук, она мельком увидела невысокую фигурку своего противника, а затем развернулась и бросилась к лесу. Первое, что нужно сделать — забежать за деревья. По крайней мере, астронавт оказал ей услугу, захватив вместе с ней её рюкзак.

Прыгнув в кусты, Эйс обернулась посмотреть, что делает враг. Он вставал на ноги; он кричал, держась руками за шлем. Но она же его не настолько сильно ударила!

Затем, похоже, боль резко прошла, и астронавт огляделся по сторонам; в стекле его шлема отражались заснеженный склон и деревья.

Эйс пригнулась. Она почувствовала, что у неё кружится голова, в сознании всплывали странные сны и фрактальные узоры раскалывающегося времени.

Это будет интересное Рождество.

Осторожно пересекая болота, Доктор замедлил шаг. На его лице была сосредоточенность, но ни капли беспокойства. В конце концов он дошёл до небольшого холма, на вершине которого была церковь святого Христофора.

— Саул! — кричал Доктор, и в его голосе были нотки отчаяния. — Мне нужна твоя помощь.

Но ему никто не ответил, церковь оставалась тихой и тёмной, мрачной глыбой за защищавшими её от порывов ветра деревьями.

Доктор схватился за ручки древних дверей и распахнул двери настежь. Внутри было сыро. Скамьи были холодные, повсюду пахло гнилью. Увядавшие цветы торчали в вазах, как палки. Золотой орёл на кафедре был покрыт инеем.

— Саул! — снова позвал Доктор. — Ты тут?

Он быстро пробежал по проходу. Не было ни психического следа, ни единого признака присутствия в церкви.

Лицо Доктора помрачнело, когда он, бредя вдоль стены и изучая кладку, почти невзначай осмотрел один из кирпичей. Наконец, он бросился к порогу.

Закрыв за собой двери, он посмотрел на деревню. Там был страх. Страх и вполне реальная угроза безумия.

— Злу нужно противостоять, — пробормотал он. Он словно пытался убедить самого себя.

Доктор глубоко вздохнул и пошёл сдаваться врагу.

В современной деревне Челдон Боннифейс у преподобного Трэло были проблемы с проведением службы.

— И в эти беспокойные времена мы должны черпать мужество в насыщенном событиями периоде жизни Господа нашего на Земле... то есть... «насыщенный событиями» — не совсем... о боже, — викарий теребил в руке очки.

Питер Хатчинсон хмурился так, как обычно хмурятся люди, которые на самом деле с трудом сдерживают хохот. Он

так сильно прикусил щёки, что стало больно. С самого начала церемонии он тихо размышлял о теории узлов, но неординарная речь Трэло привлекла его внимание. Кроме того, его мозги, похоже, этим утром не были настроены на математику. Каждый раз, когда он пытался сформулировать девятимерное узловое уравнение, он сбивался.

Как будто кто-то развязывал его узлы.

Он посмотрел на Эмили. Слава Богу, ей тут нравится. Он пришёл сюда только ради неё. Ни он, ни она не отличались особой религиозностью, но горожанка Эмили решила, что посещение местной церкви — хороший способ влиться в местное общество. По крайней мере, так она сказала. Одна из её интуитивных догадок. Неожиданно было услышать такое от женщины, чей интерес к религии не выходил за пределы свадеб... Или крещения. Боже, какая же она красивая, даже после всего того, через что она прошла. Питер вспомнил, какое у неё было лицо, когда она потеряла Томаса, отголоски этой боли. А затем боль сменил вакуум, когда врачи сказали ей, что она не сможет пережить ещё одни роды.

Если бы не он, она бы всё равно могла рискнуть.

Чувствуя, что его смех вот-вот превратится в слёзы, Питер нежно коснулся волос жены. Трэло посмотрел на озадаченные лица его паствы. Он был недоволен собой. Его всё больше охватывало чувство ожидания, вкус перемен, пришедший вместе с морозом. Из-за этого у него, несмотря на годы службы, возникло волнение перед аудиторией. От этого его слушатели нервничали, а он запинался.

— И... что же, позволю вам самим сделать выводы, — пробормотал он. — А теперь мы... хм...

— Гимн номер шестьдесят четыре, — прошептал Саул.

— Да, именно его, — сказал Трэло пастве. Толпа озадаченно загудела. — Я имел в виду гимн номер шестьдесят четыре, — добавил викарий, сожалея, что в своё время не стал водопроводчиком.

Эйс подобрала толстую палку и размахивала ею, прокладывая себе путь через лес в ту сторону, где, по её мнению, была деревня. Впереди деревья были освещены иначе, и она надеялась, что это первый признак населённого пункта. Теперь, когда у неё было время подумать, скафандр того существа казался ей ужасно знакомым. Он был точно такой, как тот, который Доктор ей показывал в пыльном углу гардероба ТАРДИС. Они искали наряды для карнавала в Хай Барнете, и Эйс предложила скафандры. Доктор не согласился, сказав, что он не хочет расстраивать жителей эпохи короля Эдуарда, и что он бережёт скафандр...

На снежный день. Вот, блин.

Оно выскочило перед ней из-за деревьев, сверкая среди снега шлемом. Если честно, этот карликовый астронавт выводил её из себя. Тем, что в его лице отражалось её лицо, тем безумным весельем, с которым он резвился, ни капельки не боясь того, что она может сделать. Её голова была уже так переполнена снами, что в некоторые моменты он казался выдумкой, милой маленькой галлюцинацией. Его одетые в перчатки пальцы сжимались и разжимались, он смещался то влево, то вправо, оценивая её реакцию.

Эйс вцепилась крепче в палку.

— Ну, иди сюда, коротышка, — крикнула она.

Маленькое существо прыгнуло на неё, ногами вперёд. Эйс шагнула в сторону, позволяя ему свалиться на ледяную землю. Она была не из мягкотелых, но ей не хватило жестокости с размаху ударить его палкой; она лишь пригрозила ему, когда он снова встал на ноги.

— Я не побоюсь ударить, приятель.

Не обращая внимания на её слова, астронавт расстегнул карман и вынул пистолет. Эйс не могла дотянуться, чтобы выбить его, поэтому сделала ложный выпад палкой и побежала, карабкаясь вверх по склону холма.

Вспышка красного света разнесла ближайшее дерево в щепки. Эйс подумала, что её ничего не заслоняло. Если этот маленький ублюдок пытался её убить, он был совсем косой. Она забежала в кусты ежевики, и сразу же пожалела об этом: шипы вонзались в неё, мешали идти.

Ей казалось, что она приближается к краю леса. Оглянувшись, она вырвалась из цепкого куста и помчалась к свободе. На свет. На ослепительный свет.

Её ноги подняли огромную тучу серо-коричневой пыли. На мгновение Эйс была слишком удивлена, чтобы понять то, что она перед собой видела.

Она добежала до края леса. Вон он, остался позади, укрытый снегом; и деревня, и болота.

Внутри лунного кратера.

Над ней сияла не луна, а нечто невозможное, нечто, что давным-давно смотрело на неё со стены её спальни. Облака, моря и зелень.

Земля, какой она видна из космоса.

Выбегая, она вырвала за собой немножко атмосферы, и её последний шаг оторвал её от грунта.

— ДОК... — вырвалось из её лёгких, и она обнаружила, что не может больше вдохнуть.

Последняя мысль в голове падающей на лунную поверхность Эйс была о том, что ей всё-таки удалось совершить это.

Маленький шаг для человека.

И огромный просчёт девушки из Перивейла.

Ей казалось, что она видит своё собственное лицо, с посмертной улыбкой.

ГЛАВА 2

Искусство и артикуляция

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.*

Уильям Блейк,
перевод С.Я. Маршака.

Доктор раскрыл дверь «Чёрного Лебедя» и зашёл вовнутрь. За ним в помещение проник морозный воздух, и жители, которые в это время снова пили и веселились, замолчали. Одна из свечей погасла.

— Где Эйс? — проревел повелитель времени, надвигаясь на Джорджа.

Хозяин таверны усмехнулся:

— Не здесь, в безопасном месте.

— Джордж, что-то не так, — сказала Марта, лихорадочно оглядывая людей. — Что мы все делаем? В нас что, бес вселился?

Джордж вздохнул и поманил жену к себе. Она нерешительно подошла.

— В нас не вселился бес, Марта. Давай я тебе покажу.

Он мягко провёл рукой по её волосам, и Марта, принимая это за проявление чувств, наклонилась ближе к нему. Постепенно, по мере того, как рука Джорджа гладила её

волосы, у неё на затылке начал образовываться серый порошок.

Она обеспокоенно моргнула и потянулась рукой к шее. Другие местные жители с ужасом смотрели на это и крестились.

— Джордж, что ты со мной делаешь? — морщинистой рукой она набрала порошок и осмотрела его.

— Я ослабил силу, которая не даёт тебе рассыпаться, — улыбнулся Джордж. — Ещё немного, и тебя не станет.

Доктор шагнул к ней, но его схватили двое крепких бродяг.

— У вас нет причин так делать! — отчаянно сказал он.

— У меня нет причин так не делать, — подмигнул ему Джордж. — Смотрите.

Марта в отчаянии оглядывалась, надеясь, что ей кто-нибудь поможет. Тоненькая струйка порошка превратилась в ровный поток, её затылок рассыпался рекой серой пыли. Развернувшись, она потянулась рукой, чтобы схватиться за барную стойку, но рука рассыпалась облаком пыли. Ноги у неё подкосились, и она опустилась на пол, умоляя мужа о помощи. Дёргаясь и извиваясь, женщина постепенно превратилась в грудку грязной одежды. А затем и одежда превратилась в расползающуюся пыль. В конце концов не осталось ни единого признака того, что когда-то она существовала.

— Достойный конец, — пробормотал Джордж, — для того, кто везде находил пыль.

Доктор посмотрел на него с отвращением:

— Избавьте меня от своего грязного юмора.

— Доктор, успокойтесь. Она никогда не была живой. Вымыслу не бывает больно.

— Вымыслу?

— Вот именно. Эта деревня, эти люди. Это иллюзии, — он махнул рукой в сторону окна. — Их жизни значат не больше, чем жизни снежинок.

Местные жители удивлённо переглядывались.

— Вы до сих пор не поняли? Это западня. Гроссмейстера переиграли.

Доктор прищурился, словно приняв решение:

— Кто вы?

Драматическим жестом Джордж потянулся рукой и схватил себя за затылок. Он потянул, и со звуком рвущейся ткани всё его лицо сползло, открыв под собой серебристую поверхность шлема астронавта. Лицо упало на пол, скорчилось, и рассыпалось в пыль.

— Простая биологическая конструкция, — засмеялся астронавт, вынимая из кармана скафандра пистолет.

— Но там же не было места! — истерическим голосом вскрикнула Бриджит, жена бродяги. — Эта штука не могла поместиться в голове!

— Она и не помещалась, — тихо сказал Доктор. — Наше восприятие изменили.

— Правильно, — астронавт освободил зажимы у себя на шее и снял с себя шлем.

Под шлемом была копна чёрных волос и лицо с острыми чертами, растянувшееся в мрачной умной улыбке.

— Лейтенант Руперт Хеммингс, *Britischer Freikorps*⁵. К вашим услугам, сэр.

⁵ Британские освободительные силы.

Маленький астронавт затащил Эйс обратно в атмосферный пузырь и понёс её вверх, к тёмной церкви святого Христофора. Открыв ногой дверь, он зашёл вовнутрь и положил бесчувственную девушку на алтарь.

Затем он отошёл и снял шлем. Копна рыжих волос вывалилась на завистливое личико, скривившееся в ухмылке. Свиные глазки, приплюснутый нос. Красотой Чед Бойл не отличался. Если бы Эйс была в сознании, она бы удивилась, почему хулигану из её детства до сих пор всего восемь лет. Чед же удивлялся тому, что Дотти была до сих пор жива, хотя он убил её несколько лет назад. Пока что ему это никто не объяснил.

Мальчик вздрогнул, злость на его лице сменил холодный расчёт. Он протёр глаза и моргнул, размял свои мышцы. Затем его тело пронзила боль, и на мгновение он завизжал и согнулся пополам. Затем он с огромным усилием выпрямился.

— Не сопротивляйся! — прорычал он сам себе. — От этого только больнее будет! Это для твоего же блага.

Он раскрыл карман на скафандре и вынул из него крохотное металлическое существо. Похожее на паука, оно жужжало и пищало, высовывало микроскопические зонды, чтобы ощупать своё окружение.

— Манипулятор шишковидной железы, — усмехнулся он. — Для особого случая. Заставь её мысленно прочувствовать много боли.

Он шагнул вперёд, смахнул со лба Эйс волосы, и положил туда существо.

— Ты выросла, — хихикнул Бойл. — Ты теперь такая старая. Сейчас узнаешь.

Он отошёл от неё, а существо принялось за работу. Оно ощупывало голову Эйс, немного подстраивая своё положение. Затем оно выдвинуло тонюсенький зонд, и тот потянулся к коже Эйс, чуть выше её носа.

Едва начав приходить в себя после удушья, Эйс потянулась рукой, чтобы смахнуть со лба что-то неприятное. Но в тот же миг зонд проколол её кожу. Её тело дёрнулось, веки заморгали, а затем она замерла.

— Проснись, Дороти, — смеялся Чед Бойл. — Ты мертва.

Доктор мрачно кивнул:

— Да. Это многое объясняет.

Доктор встречал Хеммингса на Земле, изменённой действиями Времяточца, на Земле, на которой нацисты завоевали Англию. Тогда он был палачом, второстепенной фигурой в той игре. А здесь он, похоже, был центром всей постановки.

— Всё я вам, разумеется, не могу рассказать, — примирительно махнул рукой Доктору Хеммингс. — Я работаю на богов, следую за своей судьбой с той точки, где вы её оборвали, — Хеммингс поставил шлем на барную стойку.

— На богов? — нахмурился Доктор, проявив интерес.

— О, да. Древние северо-германские боги. Так я, во всяком случае, считаю. Именно в них я верю, так что вряд ли мне явились бы какие-нибудь другие. Возможно, это боги Рагнарока, хозяева конца света.

— Нет, — улыбаясь, тихо сказал Доктор. — Но, продолжайте, пожалуйста.

— Я бы на вашем месте отнёсся к этому серьезнее, — предупредил Хеммингс. — Мне повезло увидеть мельком невиданный мир, о существовании которого я подозревал всегда. С учётом этого, у вас, как у моего врага, весьма опасная роль.

— Западня. Как обычно.

Хеммингс проигнорировал понимающую гримасу Доктора.

— Ну, по крайней мере, в этой ловушке есть немного артистизма. То есть, актёрская игра, конечно, была на школьном уровне, но веточка омелы внесла некоторую оригинальность. Хитрец Локи использовал омелу, единственную слабость Бальдра, для того, чтобы прикончить его. Я счёл омелу подходящей случаю.

— Какой вам сейчас до меня интерес? И почему вы здесь? — горящий любопытством взгляд Доктора словно прожигал мозг противника.

— К вам? Да никакого. Но мой повелитель, похоже, считает вас достойным того, чтобы охотиться на вас, а я, всю свою жизнь поклонявшийся этим богам, едва ли мог проигнорировать божественное наставление. Мне известна лишь часть общего плана, Доктор. Ваша спутница похищена, и вы в нашей власти. Вот, грубо говоря, и всё.

— Вы работаете на что-то, чего вы боитесь, не так ли?

— Я ничего не боюсь.

— Да, боитесь. Вы боитесь, что то, на что вы работаете, сочтёт вас более не нужным.

— Молчать! — рывкнул Хеммингс, махнув в сторону Доктора пистолетом. — Я знаю о ваших методах, Доктор. В этот раз вы столкнулись с врагом, который приготовился.

— Да что вы? — улыбнулся повелитель времени. — В вашей подготовке вы не уделили внимание наручным часам, — его улыбка пропала. — И анахроничным песням. «Кукушка» — как это в тему, — внезапно он закашлял и согнулся пополам: — Воздух... Что...

Хеммингс бросился к своему шлему. Доктор вскочил, вырвался из державших его рук, и бросился к двери.

— Остановить его! — крикнул Хеммингс. — Он нам сейчас нужен.

Люди выбегали в двери вслед за Доктором, а Хеммингс думал о том, как легко было управлять ими. Марионетки. Всего лишь органические создания, но с собственными сознаниями, так что не нужно было отдавать им приказы из-за каждой мелочи. Они думали, что они живы и свободны. Доктор был прав в своих последних словах. Эта очевидная аналогия пугала его. Он подавил в себе страх. Его жизнь мало значила по сравнению с волей богов.

Поднимаясь вверх по склону, Доктор бежал напрямик из деревни к ТАРДИС, а за ним неслась толпа селян. Он бежал через лес, а вокруг него бушевала метель. Над лесом по-прежнему сияла луна, и он воспользовался этим, прячась за сугробами ослепительной белизны. Перебегая от дерева к дереву, Доктор настолько сбил своих врагов с толку, что к тому времени, когда он добежал до ТАРДИС, они разбились на много маленьких групп, прочёсывающих весь лес.

Все, кроме двоих. Эти двое стояли перед ТАРДИС.

Доктор аккуратно вышел из-за укрытия, наблюдая за их реакцией. Это была чета бродяг, одетых в заплатанные одежды: Рафферти и его жена Бриджит. Они его ещё не заметили.

— Здравствуйте, — сказал он, шагнув вперёд.

Они повернулись на голос, готовые кричать и хватать его.

— Нет! — Доктор поднял палец. — Послушайте! Джордж управляет вашим разумом. Но вы свободны. У вас есть свободная воля.

— Я... — Рафферти покачал головой. — Я не понимаю всего этого, но я знаю, что должен вернуть вас в таверну. Я сожалею об этом.

— Я тоже, — прошептал Доктор и произнёс слово, которое звучало как звон бьющегося стекла.

От этого звука двое жителей деревни закричали, попытались обнять друг друга, но, шагнув друг к другу, взорвались облаками серебристой пыли, медленно оседавшей на лунную поверхность.

— Прах к праху, — пробормотал Доктор.

Слегка вздрогнув, он переступил через них и открыл двери ТАРДИС.

Доктор медленно обошёл консоль ТАРДИС, проверил показания, зонтом запустил перекалибровку приборов.

Год, похоже, был 1992. Он не посмотрел, не стал проверять. Он просто вышел в снег. Он часто так делал, но всё равно...

Расположение в пространстве его тоже удивило. Озеро Сновидений, обращённая к Земле сторона Луны. Эта игра с каждым мгновением становилась всё серьезнее.

На мгновение он облокотился на консоль, а затем принялся лихорадочно работать.

Готовиться к грядущей битве.

— Слив памяти уже закончился? — пробормотал Бойл, протянув руки вверх.

Манипулятор шишковидной железы зачирикал в ответ, и один из его фасеточных глаз загорелся зелёным светом.

— Твоя память, Дотти; всё, чем ты есть... — Бойл протянул руку и схватил металлическое насекомое. — Я мог бы тебя убить, правда? Легко.

Снова вернулась боль, она заставила его отвести взгляд от своего трофея.

— Но я не убью. Конечно, не убью. Это было бы глупо.

Боль ослабла. Бойл потёр голову. Было такое ощущение, кто кто-то забивал ему в макушку иглу.

И он знал, кто это делал. Ангел.

Впервые Ангел навестила его когда-то ночью, когда он уже лёг спать. Мама сказала ему, что не будет читать ему сказку, потому что он уже достаточно большой, чтобы засыпать без неё. Это была чушь, потому что всё в его комнате в темноте было страшным, там было полно чудовищ, которые подкрадутся к нему ночью. Сказка была лишь поводом удержать маму рядом, чтобы он мог уснуть.

И вот, одной перивейлской ночью, когда ветер завывал в лабиринте троп, окружавших заброшенные фабрики, Чед Бойл проснулся. Что-то постучалось в его окно, и он уткнулся лицом в подушку, боясь посмотреть.

— Мам! — слабым голосом позвал он, но мама не услышала или, что более вероятно, решила проигнорировать.

А затем Ангел назвала его по имени. Любезно. Как в какой-то глупой сказке. Он посмотрел на окно и увидел, что за окном что-то светится. Маленький, порхающий в воздухе огонёк, который, казалось, складывался сам в себя как... ну, как эти всякие умные взрослые слова, которые он когда-нибудь выучит и станет учёным.

Ангел говорила нежным женским голосом, говорила о том, что пришла из давнего прошлого и из далёкого места, почувствовав его боль и одиночество.

— Я не одинокий, — всхлипнул Чед. — Я сильный.

Ангел согласилась и сказала ему, что к нему все относятся несправедливо. Другие дети должны были его любить, потому что он крутой и знает классные анекдоты. А затем она спросила, не хочет ли он отправиться в приключение.

Чед согласился, и она сказала, что скоро прийдёт за ним кого-нибудь. Тот, кого она прийдёт, на самом деле плохой человек, с которым Ангел воюет; но пока этот человек спит, Ангел может заставить его делать то, что было нужно ей.

Чед подумал, что это круто.

А тем временем ему разрешалось обращаться как угодно плохо с глупыми детьми, которые смеялись с него. Они не были такими важными, как он. Чед знал, что это правда. В частности, была одна девочка, которая его очень раздражала. Что же, у Ангела были на неё планы. Она шепнёт ему о них завтра на ушко.

Ангел сдержала своё слово, но всё было не совсем так, как это представлял себе мальчик. Ангел иногда говорила за него

и заставляла его что-то делать до того, как он соглашался. Когда он не слушался, она вызывала у него боль.

Он посмотрел на неподвижную Эйс. Было в этом и хорошее. Он нажал большим пальцем на спинку металлического насекомого, и у того включился огонёк передатчика. Зазвучало бульканье передаваемой информации.

Сознание Эйс угасало на ветру.

Наконец, звук затих. Существо зажужжало и посмотрело на мальчика, ожидая следующего задания. Бойл оторвал ему крылья, кинул его на пол и растоптал его, хохоча.

Раздражённый внезапной болью, Доктор утёр пот со лба. Боль прошла так же внезапно, как и возникла. Он протянул руку к консоли.

Эйс плыла в потоке всплывающих пузырьков, поднимающихся из тёмной пучины в сердце водоворота. Но она плыла не в воде, а в словах, в языке. Вокруг неё были фразы и смыслы, и иногда казалось, что она часть течения, что её ощущение себя лишь гребень волны, которая сейчас обрушится на пляж и исчезнет, снова смывая её в абсолютное ничто.

— Вселенная больше не ньютоновская, — сказала море, — а подвержена синхронности, основанной на очень плотной паутине на первый взгляд не связанных друг с другом событий.

‘Knights and squires, doctors and dicers-’⁶

⁶ Фраза из книги Вальтера Скотта «Певерил Пик».

‘You're twisting my melon, man!’⁷

Со словами являлись и образы, несмотря на то, что у неё не было глаз, чтобы видеть их. Образы говорящих голов, символы, изображения богов. Они все бурлили и сливались, произносили что-то и исчезали.

Приходилось напрягать память, чтобы удерживать целым представление об Эйс, но ей было не привыкать драться за своё имя, от Дорри к Дотти, от Дотти к Дороти, от Дороти к Эйс. О том, кем она есть, она узнавала в постоянных испытаниях, и она не собиралась расстаться сейчас со своей индивидуальностью ради этого соблазнительного ощущения общности.

Бывало, она просыпалась посреди ночи и слышала звуки из-за стены, думая о том, что может быть ей лучше пойти завтра в школу и полюбить эту глупую музыку, глупую девчачью одежду, просто ради того, чтобы подружиться с кем-то. Но всегда что-то в ней отговаривало её от этого.

И вот снова этот выбор, в более откровенной форме. Она может страдать от боли и вины как Эйс, или же она могла сбежать в толпу слов и стать ничем, плавающим нигде.

Ну ладно, боль так боль.

В языке бурлило какое-то движение, как будто что-то рождалось или что-то уносило домой. Впереди была точка замерзания — то ли библиотека, то ли словарь — и язык этого очень боялся, поэтому на мгновение Эйс тоже испугалась. Но затем она услышала сопровождавшие эту точку слова: «Импульсивный, идеалист, готовый рисковать своей жизнью

⁷ Строка из песни группы «Happy Mondays».

ради благого дела... Ненавидит тиранию и притеснение... Никогда не сдаётся... Никогда не бросает... Верит в добро и борется со злом... Хотя он часто попадает в ситуации, где много насилия, по натуре он мирный. Ему не свойственны ни жестокость, ни трусость».

И Эйс знала, что в этом было что-то большее, чем она, что-то, что было ей ужасно, до боли небезразлично. Что-то, что никогда не будет частью толпы. Символом этой потрясающей доброты была роза непередаваемого цвета; роза, покрытая шипами, которые могли колоть и ранить любого, кто к ней слишком близок.

Эйс схватила эту розу и держалась, чувствуя, как её личность снова наполняет её: воспоминания, запахи, вкусы и древние, полузабытые детали.

Она посмотрела на появившуюся перед ней её руку. Розы не было, не было и ран от неё.

Встав, она увидела, что она на пляже, на обычном пляже. Тёмная набережная с похожим на скелет пирсом, почерневшим от ржавчины. Вокруг неё шипел и вздыхал прибой. Отряхнув мокрые волосы, она пошла к пирсу.

По опыту Эйс, в таких странных ситуациях действие обычно полезнее слов. Но её мучила ужасная мысль. Последнее, что она помнила — сжавшиеся лёгкие, ужасные попытки вдохнуть, когда вдыхать было нечего. Она посмотрела вокруг.

— Не... Это Кроумер⁸.

⁸ Прибрежный город в Норфолке.

На входе на пирс вспыхивал красный фонарь, и она решила идти туда. В небе парили чёрные чёрточки пронзительно кричавших чаек. Дальше, за набережной, был город, но все магазины были закрыты, в пассажах было безлюдно. Наверное, не сезон.

Она поднялась на набережную и направилась к пирсу. Красный фонарь горел на вершине небольшой карусели, возле которой стояла поразительно красивая женщина, одетая в длинный серый балахон с капюшоном.

— О, здравствуйте! — приветливо сказала она, блеснув красивыми голубыми глазами. — Я не ожидала, что сейчас кто-то прибудет.

Она спрыгнула с аттракциона и зашла в будку-кассу, стоявшую у входа на пирс. Взяв в руки красивый блокнот и ручку, она улыбнулась Эйс:

— Итак, прежде всего, у вас есть какие-нибудь вопросы?

— Да, — Эйс прикусила верхнюю губу и решила начать с самого простого. — Скажите, я случайно не съела что-то... нет?

— Нет, нет, — засмеялась женщина. — На этот счёт ваша репутация осталась незапятнанной до самого конца. О боже, я проговорила!

У Эйс расширились глаза. Она сжала кулаки. Она хотела стучать ими по будке, орать во всё горло, но это будет выглядеть совсем не круто. Через секунду она взяла себя в руки.

— То есть, я умерла?

— Да. Сожалею. Я должна плавно подводить людей к этой мысли. Боюсь, у меня это не очень хорошо получается.

Эйс огляделась. Ветер, обдувавший её кожу, казался настоящим, капельки дождя были мокрые и холодные. Всё, кроме этой женщины, было обычного серого цвета. Это место напомнило ей о том, как она ездила автостопом в Морекамб, чтобы попасть на концерт трэш-металл группы.

Умерла.

— Как это произошло?

Женщина сверилась с книгой:

— «Недостаток кислорода, вызванный нахождением на Луне с уверенностью в том, что это Норфолк». Думаю, это уникальный случай.

— И что мне делать дальше?

— Ну, я внесла ваше имя в списки. Это значит, что вам нужно пройти к Вратам, где вас будут судить и... отправят дальше.

— А что это за место?

— Его называют лимбо... Мистики, которые заглядывают сюда на чай, а потом возвращаются. Всё это, — она обвела рукой своё окружение, — это своего рода иконка, символическое изображение. Я могу сменить её на что угодно, что символизирует тревогу и меланхолию, но мне нравится именно так.

— А я могу остаться здесь?

— А хотите ли вы этого?

Эйс осмотрелась: пляж, чайки, серые дома престарелых. Воздух тут пах тоской, как в лондонском метро в начале зимы. Привкус несбывшихся мечтаний и желаний. Ну, в этом же и есть смысл взросления, правда? Прекратить мечтать и начать что-то делать.

Она жила очень быстро, но умерла очень молодой. Ну, по крайней мере, на Луне теперь есть симпатичный труп. И много сожалений.

— Нет, — наконец, сказала она. — Не могу улыбнуться. Я только что поняла, что... Это ведь не шутка?

— Нет. Вы действительно умерли. Боюсь что этот... Доктор просчитался.

— Чего?! — дёрнулась Эйс.

— Видимо, он рассчитывал на то, что вы переживёте эти несколько секунд декомпрессии, — женщина указала на установленный в её будке маленький чёрно-белый телевизор.

— Мне так нравится эта передача.

— Профессор меня уколошил, — прошептала Эйс, а затем закричала: — Он всё-таки доигрался!

— Не сердитесь, — предупредила женщина. — Это может плохо сказаться на том, что с вами будет дальше. Вы готовы к божественному суду?

— Да, — мрачно улыбнулась Эйс, надевая на плечи рюкзак. — А он ко мне готов?

Доктор смотрел на сканер, пытаясь проанализировать ложь Челдон Боннифейс.

— Для этого нужно столько энергии... — бормотал он. — Такая глубина иллюзии... Даже гравитация. Как это делается?

Он вынул из кармана часы и мельком посмотрел на них, словно боялся, что кто-то подсмотрит. Так же быстро он их спрятал.

Хеммингс ходил по таверне, пиная ногами стулья. Он удивлялся, что эта непрекращающаяся рождественская атмосфера, вечное ожидание, так его раздражает. Быть может, это потому, что в его доме Рождество было таким приятным временем. Его отец готовил большущий завтрак, они обменивались у камина подарками.

На луне время не было так связано с церковью, здесь не было ни праздников, ни служб, только медленный распад камней под действием радиации. Рано или поздно, разумеется, наступит рассвет, но немного снега и несколько украшений, выбранных со злым умыслом, ещё не сделают утро рождественским.

Да и почему ему вообще хотелось, что бы Рождество было настоящим? Разве его не беспокоила судьба?

Что ж, какая-то далёкая, невозмутимая часть его сознания ответила, что судьба — это для детей. Хватит ему игрушек и в виде местных жителей. Но что произошло, когда пришёл Санта-Клаус?

Он прицелился в латунную деталь упряжи, украшавшую бар, дунул на неё, и она рассыпалась лунной пылью.

Мистер и миссис Хатчингс подпевали гимну, сидя на скамье в церкви святого Кристофера, двигая губами в такт словам, которых не могли вспомнить.

«Но в тёмных улицах сиял неугасимый свет. Надежды, страхи прежних лет сегодня собрались».

Эмили слышала немного напряжённые голоса сидевших вокруг неё прихожан, сидевшего рядом мужа, но помимо них пел ещё кто-то, высоким и красивым голосом. Голос был

мужской, но в нём была способность и к женскому диапазону. Эмили вспомнила, что уже слышала что-то похожее, когда была подростком и болела. Она сказала маме, что куча одежды на стуле была на самом деле носорогом. Мама, конечно, посмеялась с этого, а воспалённый мозг Эмили обиделся. Ведь одежда только что бросилась с разгона рогом на каминную полку. Она дрожала, боясь, что умрёт, и слышала что-то неясное, что она рационализировала как звук включённого на первом этаже телевизора, но что казалось чем-то переданным с расстояния в несколько световых лет.

— Страх, — бормотал этот голос, — всех нас делает спутниками.

И в этой церкви было что-то похожее на тот голос, напоминавшее о тех годах учёбы и слёз. Эмили очень надеялась, что это не Бог. У неё было нехорошее предчувствие, что если она его когда-нибудь встретит, то попросит уйти, потому что если честно, она в него не верила, и она не хотела быть той, кто беседует с божествами.

— Это с вашей стороны лицемерие, — сказал голос в паузе между куплетами.

— Подержите минуточку, — пробормотал невысокий шотландец, вручая ей ребёнка.

И тут Эмили сделала то, на что, как ей раньше казалась, она была неспособна. Нечто очень старомодное.

Она упала в обморок.

Устав ждать, Чед Бойл пинал в церкви лунные камни.

— Уже недолго осталось, — сказал в его голове голос Ангела. — Я отправила её в системы, в которые наше

присутствие не может проникнуть. Он, сам того не осознавая, ослабил защиту, потому что она ему так хорошо знакома. План уже идёт полным ходом.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — пожаловался Чед. — Я хочу есть, я хочу делать с Дотти ужасные вещи.

— Какие ещё ужасные вещи? — спросил женский голос.

— Набить её рот червяками или повыдёргивать ей ногти из пальцев ног. По-настоящему ужасные вещи.

И тогда Ангел показала Чеду картины по-настоящему ужасных вещей. Она показала ему войну, траур, пытки, геноцид и жестокость. Она показала ему, что это было распространено повсюду, и повсюду на это закрывали глаза, когда речь шла о возможной выгоде. Она показала ему, какой была вселенная в её глазах.

Это был почти экзамен, чтобы увидеть, насколько хорошо её маленький партнёр годится для её великих замыслов. Или же это была отчаянная попытка найти собеседника. Увидев всё это, Чед начал плакать и бормотать слова кошмара.

Когда всё закончилось, он открыл глаза, потрясённый и немного постаревший.

— И это тоже, — прошептал он. — Это я с ней тоже сделаю. Но сначала я хочу найти червей.

— У тебя будет такая возможность, — успокоил его голос. — Всему своё время.

Эйс брела по пирсу, обуреваемая сомнениями.

При жизни у неё как-то не было времени на то, чтобы верить во что-то. Она верила только в своих друзей. Это плохо

закончилось. Так же, как и её отношения с Одри, её матерью. Тяжело сглотнув, она пошла дальше.

Теперь уже слишком поздно.

В конце пирса стоял театр, его щиты для афиш были пусты и серы, остатки плакатов давно сгнили. Огромное свободное пространство было словно создано для граффити, но Эйс подумала, что ей лучше вести себя хорошо.

Дверь заведения была открыта.

Спокойная, как слон, Эйс зашла вовнутрь.

В её сознание что-то скакнуло — должно быть, так чувствует себе телевизор, когда его выключают — и Эйс оказалась на сцене. Сидевшие в рядах кресел зрители смотрели на неё с нетерпением. Она не видела, кто там был, но она словно оказалась среди старых друзей, было множество знакомых звуков и запахов, которые, казалось, она вот-вот узнает.

Она почувствовала сонливость, словно это ей снилось. На неё направили луч прожектора, и она прикрыла глаза рукой. Зрители ей аплодировали.

— Всё должно быть иначе, — крикнула Эйс. — Где ворота из жемчуга?⁹

— Всё меняется, — тихо сказал женский голос откуда-то из-за пределов освещённого круга; что же, одно подозрение подтвердилось — бог был женщиной. — Ты должна отправиться в первый пункт назначения.

⁹ «Сами же ворота были из жемчуга, по одной жемчужине на каждые ворота. Улицы города были вымощены чистым золотом, как прозрачное стекло». Откровение 21:21

— Минуточку! Я должна спросить...

— Никаких вопросов. Тут всё не так просто. То, что ты должна сделать, должно остаться тайной.

Эйс собралась ожесточённо спорить, но вдруг оказалась совсем в другом месте.

Позади неё зрители зашевелились. Они знали, что увидят её снова, потому что они разбирались в этом лучше, чем кто-либо другой. Они сидели и оживлённо болтали, в приятном предвкушении.

Предвкушение пахло серой и розами.

ГЛАВА 3

Перец и архитектура

Человек, возвращающийся сквозь Дверь в Стене, никогда не будет тем человеком, который в неё зашёл.

Олдос Хаксли.

— Где он? — требовала Ангел. — Хеммингс уже должен был его доставить сюда.

Чед только пожал плечами. Он вообще не понимал что происходит.

— Жаль, я не могу видеть глазами того, на кого охочусь, — говорила Ангел. — Тогда я бы смогла понять, где он есть. Что же, пока что можно предпринять несколько шагов для уменьшения расхода энергии.

Не успев понять, что он делает, Бойл поднял руки. Он понял это лишь когда тряхнул головой, словно освобождаясь от паутины. В последнее время он, казалось, просыпался каждые пять минут. Может быть, это всё сон, и скоро зазвенит будильник? Пора будет идти в школу и бить детей, пока они его не любят.

Он попытался вспомнить, как он сюда попал. Был как-то случай на игровой площадке, с Дотти и кирпичом. Красным кирпичом в его руках. Он обращался к своей шайке, ругал Дотти, и вдруг решил, что это и есть тот момент, о котором говорила ему Ангел. Он поднял с земли кирпич, подкрался к

ней, глядя на её светловолосую голову, затем на её пронзительный взгляд.

Он поднял кирпич, ещё не зная зачем.

А затем в его затылок воткнулся четырёхмерный зонд. Он пронзил кору его головного мозга и добавил к серому веществу референсные гиперпространственные материалы. Было больно, как будто сверлили. Всё закончилось в считанные секунды, и когда он опускал кирпич, он уже не был тем мальчиком, который им замахнулся.

Что-то храбро выпрыгнуло из своего логова наружу, проползло по гиперпространству и схватило его. Так же быстро оно снова исчезло. Мама! Прогони этот сон! Чед был готов заплакать, но в его сознание влилось что-то тёмное, и вместо плача он почувствовал ненависть. Он посмотрел на лежавшую на алтаре Эйс. Даже сейчас она не была беспомощной. Даже сейчас она выглядела уверенной в себе. Он ненавидел её за это. Эта ненависть дала силы тому, что было в его сознании, оно снова пересилило его, взяв командование на себя.

Задрожав, Чед Бойл соединил ладони поднятых рук. Гремя в бесконечной ночи, сотрясение охватило всю церковь, даже лунный вакуум. Пузырь атмосферы, внутри которого в Озере Снов находилась деревня Челдон Боннифейс, треснул. Молекулы полетели во все стороны, воздух сменила пустота, и пыль взметнулась вверх безмолвным лунным ураганом. Те немногие земные астрономы, которых всё ещё интересовала Луна, возбуждённо махали руками и звали коллег посмотреть. Столб пыли поднимался на лунном диске, свет сменяла волна темноты.

В центре этой бури Хеммингс поспешно проверял предохранители своего скафандра. Скорость, с которой он надел шлем, выдавала в нём человека, который не знал, что может с ним сделать вакуум, но проверять это на себе не хотел. Иногда он задавался вопросом, откуда у него скафандр? Он наткнулся на странное устройство, на синюю будку. Это он помнил. В лондонском штабе Freikorps. Он удрал от Доктора. Он вошёл в синюю дверь. А затем позади него кто-то появился и прижал что-то к его шее.

Он очнулся здесь, в скафандре, и он говорил с богом. Бог был крохотным сгустком света, чем-то, на что тяжело было смотреть, не потеряв при этом рассудок. Бог спросил у него, знает ли он, где находится.

— На Луне? — неохотно предположил он.

Его всегда восхищала астрономия, величие космоса, служившее для жизни на Земле моделью спокойного порядка. Хёрбигер¹⁰, которого Хеммингс читал, сидя у отца на коленях, сказал, что луна состоит из льда, и она обрушится на Землю, освободив заключённых в планете богов. Хеммингс сказал об этом божеству.

Божеству это понравилось, оно даже рассмеялось, и спросило, не хочет ли он служить в обмен за особую честь.

Человек из Фрайкорпс ответил, что согласен служить без вознаграждения, что он мечтал об этом моменте, подсознательно предвидел его в своих картинах. Юнг, чьи

¹⁰ Ганс Хёрбигер (нем. Hans Hörbiger; 29 ноября 1860 — 11 октября 1931) — немецкий инженер, автор псевдонаучной космологической доктрины вечного льда.

работы были запрещены, но тем не менее содержали мудрость для тех немногих, кому можно было доверить прочесть и понять, говорил об архетипических богах. Воины и образованные люди должны принимать то, что они видят, за реальность. Хеммингс относил себя и к тем, и к другим. Он поклонился богу.

Бог мгновенно наполнил его мозг информацией. Трактирщик Джордж, увиденный чьими-то глазами, данные об истории и географии Челдон Боннифейс. Информация о террористе, известном как Доктор.

Именно тогда Хеммингс понял, почему избрали именно его. Он встречался с этим печально известным преступником, едва не поймал его. Боги увидели, что он не смог осуществить свою судьбу, и дали своему ребёнку ещё один шанс.

Хеммингс задумчиво улыбался, а таверна тем временем рассыпалась в пыльную бурю. Прикрыв рукой лицевую панель шлема, он опёрся на барную стойку, и та рассыпалась под его весом, превратившись в массу серебристых частичек.

Когда Хеммингс опустил руки, «Чёрного Лебедя» не было. Стены, балки и мебель рассыпались кучей лунного материала, который быстро расползлся и медленно оседал в низкой гравитации. Хеммингс сделал осторожный шаг, и оказалось, что гравитация тоже вернулась в норму.

Его пугала та мощь, которая требовалась для осуществления этого. Псионный вес добавлялся к каждому шагу каждого существа в псевдо-деревне, а органы чувств Доктора и его спутницы были изменены так, чтобы компенсировать различие в скоростях.

Хеммингс вспомнил, как создавалась эта деревня, как он стоял на лунной поверхности, не пробыв там ещё и часа, и слушал лекцию карликового аватара в скафандре. Маленькое существо описало великий и могущественный план богов, план поимки и использования Доктора. Большая часть рассказанного была за пределами понимания Хеммингса, но, попросив об определённых гарантиях, он согласился. Одной из гарантий был кислород, который словно по волшебству подавался в его ранец жизнеобеспечения снизу, из голубого шара.

Для осуществления этого требовались огромные силы, скрытые силы. И, несмотря на предоставленные ему две возможности, он не сумел выполнить приказ.

Перед Хеммингсом в жёстком земном свете протянулась лунная равнина. Он проверил клапан на ранце жизнеобеспечения и непроизвольно вздрогнул.

От фантомной церкви Святого Христофора остался лишь алтарь, вырезанный из лунного камня — единственная реальность среди иллюзии. Эйс дышала в пузыре обновляемого воздуха. Она всё ещё была нужна.

— Что же, — проворковала Ангел, — я довольна своим умением устроить зрелище. А теперь можно внести некоторые изменения. Хочешь попасть вовнутрь?

— Вовнутрь чего? — спросил Чед, нервничая из-за делового тона голоса в его голове.

— В сказочную страну, где можно играть. Туда, где Дотти.

— Это будет больно?

— Совсем немножко, а потом больше ничего никогда не будет болеть. Я обещаю.

Сидевшее в голове Бойла существо почувствовало панику мальчика, когда его руки потянулись отстёгивать шлем. Его собственные пальцы открывали замки, а его глаза расширялись от страха и ужаса.

— Доверься мне, — прошипела Ангел, но существо из плоти продолжало дрожать. Шлем был снят.

— Это космос! Тут нет воздуха! — а затем Бойл начал судорожно раскрывать рот, его лицо начало замерзать от абсолютного холода вакуума.

Ему было всё равно, что это то же самое, что должна была почувствовать Эйс, он лишь хотел, чтобы контроль над руками вернулся к нему, пока ещё не...

Слишком поздно.

Кислород и химикаты из системы жизнеобеспечения фонтаном вырывались из скафандра, и это было всё, что инопланетное существо могло сделать, чтобы остановить дёрганье и крики своей марионетки.

Это, конечно, была чистая эстетика, желание покрасоваться, но Ангела раздражало то, что она заперта в такой неуклюжей форме. Здесь она нашла себе передовую базу, место, из которого она могла псионически удерживать иллюзии, используя её новый источник психической энергии. Главный носитель ничего не подозревал. Теперь потребности в ловушке больше не было, и она могла перенести сознание мальчика в главную базу внутри носителя, а это тело использовать непосредственно.

Газы вырывались вокруг лица мальчика, и существо занялось художеством: пользовалось энергией, которую ему удалось насобирать (так много, и так и не использованной!) чтобы изменять потоком газов форму плоти, где-то что-то добавляя, где-то что-то убирая.

Нервные окончание Бойла визжали от боли, но существо успокоило его сознание, заставило замолчать плотское существо, лицо которого изменялось. В конце концов оно отпустило сознание мальчика и позволило ему сбежать на главную базу Ангела. Это было похоже на то, как человек выпускает насекомое.

То, что возникло после рассеивания из шлема последнего облачка газа, нравилось Ангелу гораздо больше. Блестевшие металлической синевой угловатые челюсти торчали из морды вперёд. Сверху были изогнутые длинные сужающиеся алюминиевые уши. Общее впечатление было хищного животного, ненасытного дракона, за исключением одной детали. Глаза остались глазами испуганного мальчика.

Взгляд Доктора внимательно скользил по консоли ТАРДИС. Он держал руки за спиной, и казалось, что он почти спокоен, человек в глазе бури. Лишь два момента нарушали это впечатление. Глаза у него были как у недоверчивого животного, а спрятанные за спиной пальцы словно что-то теребили.

Очнувшись, Эйс обнаружила, что лежит на полированном полу, все мышцы у неё болели. Эта шутка со смертью её

напрягала. А ещё она никогда ни от кого не слышала, что после смерти будет что-то подобное.

А впрочем, кто мог об этом знать?

Она попыталась осмотреться. Это явно была библиотека. Вокруг были бесконечные деревянные полки, запах лака, и невыносимая тишина. Ну что же, библиотеки — это круто. В них можно было сбежать от мира и прочесть новый том «Аннотаций по Химии». Она посмотрела на некоторые из книг. «Одиссея» Гомера, «Приключения Шерлока Холмса», «Ловля рыбы на мушку» Дж. Р. Хартли. Книги были расставлены в странном хаотическом порядке, разобраться в котором мог бы только гений.

Эйс заметила, что на полу плиткой выложена мозаика, чрезвычайно сложный узор, который извивался и переплетался сам с собой, в нём было множество маленьких изображений людей и мест. Вдоль петли узора картинки менялись и образовывали своего рода историю.

Вот тут человечек в капюшоне грозит кулаком тёмному замку, а на следующей картинке он прячется от чего-то огромного и страшного. А затем он бежит. Но эта история, похоже, была связана с другими. Школьный учитель, на удивление привлекательный, озадаченно смотрит в класс, а затем сидит со спутницей в машине напротив свалки.

Истории внутри историй, узоры внутри узоров. Эйс поползла по полу, пытаясь найти продолжение.

По гладкой поверхности стукнула чья-то нога.

Эйс медленно встала, готовясь драться.

Чед Бойл тоже нёсся сквозь океан языка, сохраняя свою личность за счёт ненависти и высмеивания всего, что не было им. К концу этого путешествия он услышал провозглашение тех же принципов, что и Эйс, и с них он тоже смеялся.

Слова были красивые, но если будешь себя так вести, все остальные начнут причинять тебе боль, потому что никто не любит тех, кому больше всех надо.

Он потянулся к розе и оторвал её от стебля.

Шипы поранили его до крови.

Пляж его разочаровал, потому что был полной противоположностью тому, что он понимал под развлечением. Но на конце пирса он увидел свет и направился туда.

— Эй! — крикнул он женщине в будке-кассе, которая читала книгу. — А где мороженое?

Фигура в балахоне удивлённо посмотрела на мальчика:

— Мороженое?

— Ангел сказала, что мне тут понравится, а это значит, что тут должна быть целая планета мороженого.

Фигура в балахоне улыбнулась:

— Да, конечно. Мороженое вон там... — она указала на пирс. — Ты собираешься причинить кому-то боль?

— Конечно. Здесь я могу делать всё, что угодно, и никто меня не остановит. Даже Ангела теперь в моей голове нет!

Женщина с интересом смотрела на топавшего по доскам пирса мальчика.

— Боюсь, она именно там, — прошептала она, — в отличие от тебя.

Из плоти её руки вырвался металлический коготь. Им она переключила канал на своём телевизоре.

Теперь на экране была библиотека.

Что-то двигалось за полками, что-то мелькало между книг, какая-то зловещая фигура. Эйс медленно попятилась, затем оглянулась назад. Она была окружена.

Эйс сделала то, что она всегда делала в стрессовых ситуациях. Она потянулась рукой за своим нитро-9. Осталось три банки. Существа были отдалённо похожи на гуманоидов, но она не могла различить ни лиц, ни одежду.

— Ладно, подонки! — сказала она, замахиваясь банкой своего любимого вещества. — Распродажа взрывной смерти. Кому отвесить?

И тут она наткнулась на что-то спиной.

Она обернулась, рассчитывая на рукопашную. Но, увидев, кто перед ней стоит, она немного расслабилась. Это был старик с зачёсанными назад седыми волосами. Да, в своей красной мантии он выглядел как библиотекарь; он смотрел на неё поверх своего длинного орлиного носа.

— Разве юной леди подобает так выражаться, хм? — строгим голосом сказал он.

— Это кто тут леди?

Эйс попятилась назад, а он поднял руку:

— О, не ведите себе глупо, дитя. Я вам не враг. Я тут для того, чтобы помочь вам. Да. У меня есть некоторая власть над Библиотекой. Не обращайтесь на клоунов...

— Клоунов? — Эйс подозревала, что это могут быть они, но услышать подтверждение было всё равно шоком.

— Да. Абсолютно неуместны в таком месте. Кыш, пошли вон! — он театрально взмахнул рукой, прогоняя прятавшихся

за шкафами клоунов. На его пальце сверкнул большой перстень. — Кыш! Ха! Как я их, а?

Он засмеялся и положил руку на плечи Эйс. Эйс не противилась. Он был похож на доброго дедушку, и от него пахло розами.

— Их предназначение, моя дорогая, было в том, чтобы направить вас туда, куда нужно. Я могу это сделать гораздо более цивилизованным образом. Идёмте за мной.

Слегка сжав её плечо, он вдруг снова стал властным и быстро пошёл вперёд.

Эйс улыбнулась. Быть может, у неё появился союзник?

Библиотекарь подвёл её к двери, на которой висела табличка с надписью «Особая Коллекция. Посторонним вход запрещён».

— А мне туда можно? — спросила у него Эйс.

— Хм? Конечно, дитя, конечно! Я никогда не даю советы, никогда! Однако в данном случае, да, пожалуй, я сделаю исключение. Мне отвратительно то, что мной командуют, тем более, обе стороны.

— «Стороны»?

— Да, моя дорогая. А теперь выслушайте. Не всё потеряно. Не сдавайтесь. Это всё, что я могу вам сказать.

Зловещие фигуры держались на расстоянии.

— Спасибо. А с вами всё нормально будет?

— Нормально? — в голосе библиотекаря появились нотки возмущения. — Я тут живу. А теперь уходите, — и он подтолкнул её в дверь.

Закрыв за Эйс дверь, старик захихикал и вынул из кармана мантии пенсне. Он выбрал на полке книгу по садоводству и начал читать.

— Хм, — пробормотал он. — Молодёжь! Что за игры они выдумали?

Эйс прижалась спиной к двери и осмотрела комнату. Похоже, что это тупик. Маленький кабинет, дубовые панели. Похоже на комнату для персонала. Она по привычке оценила доступные ей ресурсы. Тяжёлый астрономический глобус, которым можно выбить дверь. И да, дверь была заперта. Забавно, что ей удавалось предвидеть уловки этого места, словно она играла в стратегическую игру против старого друга. Стены комнаты были заставлены книжными шкафами, и некоторые названия книг привлекли её внимание: «Темпоральная механика Блиновича», «Смерть Артура», «Волшебник из страны Оз».

Отлично. По крайней мере, ей будет что почитать. Хотя она и мало что понимает с тех пор, как заснула в таверне, а смерть оказалась самой странной из вечеринок, на которых она бывала, но она по-прежнему была Эйс. Рано или поздно ей выпадет шанс, и она найдёт ключ от этой головоломки и расправится с неприятелями. Если они тут есть. Может быть, это всё правда, и после смерти всё именно так и есть, но слова библиотекаря её немного утешили. Даже если всё было тем, чем кажется, у неё всё равно ещё был шанс спасти себя от... вечных мук.

Эйс крутнула астрономический глобус, и ей показалось, что во вращающейся массе звёзд она на мгновение увидела

какое-то изображение. Она нагнулась ближе, и ещё раз крутнула глобус.

— Помнишь дом? — казалось, спрашивали звёзды.

— Да, — ответила Эйс. — Мне там не нравилось.

Ну, это было не совсем правдой, хотя девушка в куртке и настаивала на этом. Чего только не случилось с ней до того, как появился Доктор, столько ужасного и удивительного. И она не кричала с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Ну, она позволяла себе глупую улыбку, но не от страха.

Она помнила Землю. Она помнила, как танцевала с приятелями напротив большой фабрики Гувера, которая выглядела так, будто она поднялась из-под земли. Возле них остановился полицейский автомобиль, и копы даже проверили у Маниши дыхание на алкоголь.

— Нет законов, запрещающих танцевать, — возражала Дороти.

— Как это вы танцуете без музыки? — спросил коп.

— А как это ты думаешь без... — но они убежали; по узким дорожкам, разделявшим в Перивейле разные фабрики.

Под звёздным небом они тяжело дышали и смеялись. Словно были ещё совсем детьми. Полицейские не нравились Эйс по той же причине, что и клоуны. Впрочем, и у тех, и у других было своё предназначение.

— Помнишь Землю? — спросили звёзды.

Иногда. Мидж однажды поехал на каникулы в Австралию, и прислал Эйс открытку с нытьём о том, как ему одиноко так далеко от дома. Одиноко. Можно подумать, что двенадцать тысяч миль — одиноко. А как тебе другой рукав спирали Млечного Пути, Мидж? Тебя там бросили, и выживай.

Намеренно. А Доктор вёл себя так, словно удивился, когда она заявила в ТАРДИС. Он пользовался ею с самого первого дня. Содержал её, как хомячка.

Миджа, правда, уже нет в живых. Не стоит думать так, словно он всё ещё рядом. Её друга убили пришельцы, её прошлое было игрой, в которую играли пришельцы, и даже она сама связалась с пришельцем. Хороший бы из этого вышел заголовок.

— Прикольно, — усмехнулась она. — Так что, расскажите мне о доме, да?

Но теперь звёзды молчали. Их зов прекратился. Позади глобуса стоял небольшой столик, а на нём лежала колода карт. Эйс взяла одну из них и улыбнулась:

— «Повешенный». Охренеть.

Потому что это был Доктор, в руках у него был зонт, он был подвешен за ногу и пытался дотянуться вверх. Она перевернула карту. С другой стороны изображение было подписано «Странник», там была картинка Доктора, машущего платком крошечной избушке вдали. Перед избушкой стояли люди... или нет? Как бы Эйс не всматривалась, она не могла разобрать.

Другая карта в колоде была «Мы друзья Уродца/Мы воюем с Красивым». Это заставило Эйс на секунду задуматься, ведь она же друг Доктора, так? Была, во всяком случае. Но на карте повелитель времени обнимал чудовище со множеством щупалец и противостоял спокойному гуманоиду, в общем, она поняла. «Ка Фарак Гатри — Несущий Тьму / Уничтожитель Миров» — на одной стороне чёрно-белый ворон завис над хрустальным городом, а на другой Доктор пристыженно

потупил голову. Это она поняла, это было чувство вины за уничтожение Скаро, родной планеты далеков. Только Доктор мог грустить об этих мерзавцах.

Последняя найденная карта её удивила. Обе её стороны были одинаковые, на обеих было написано «Эйс». Да. Круто.

— Кто-то тебя раскусил, профессор, — тихо сказала она комнате, почти не рассчитывая на ответ.

Питер Хатчингсон выглядывал на улицу сквозь витражи окна, и в этот момент пришла беда. Улицы Челдон Боннифейс казались ему красными, они вели вдаль, к малиновым болотам. Из задумчивости его вывел раздавшийся во время пения гимна крик.

Обернувшись, он увидел, что его жена лежит на скамье, схватившись за голову. У неё на коленях откуда-то взялся ребёнок.

Питер только смотрел. Пение оборвалось, люди вставали и подходили, чтобы помочь.

Трэло что-то заметил, какое-то движение в дальней части церкви — кто-то ушёл, мелькнуло лишь знакомое пальто.

— Саул, — мысленно прошептал он. — Кто это был?

— Это был Доктор, — пробормотал Саул. — Я хотел его окликнуть, но побоялся, что могу ещё сильнее перепугать паству. Он, похоже, снова исчез. И он... принёс ребёнка.

— О боже, — вздохнул Трэло. — Я так и знал, что сегодня случится что-то сложное.

Закончив поиск тайных ходов, вентиляционных шахт и скрытых камер, Эйс сидела спиной к небесному глобусу и

листала атлас. Она хотела кое-что найти в нём. Вот. Челдон Боннифейс, на реке Бер, между Роксэмом и Хорнингом. Эта деревня была настоящая.

Позади неё из глобуса, из созвездия Кассиопея, вытянулось серебристое щупальце. Его кончик был блестящий и острый, как игла.

Доктор закрыл глаза и вздохнул, его руки были подняты над консолью ТАРДИС, он был словно артист, ожидавший своего выхода. Один из кругов на стене отсека управления был снят, обнажая сложное хитросплетение проводов, в котором что-то было изменено при помощи плоскогубцев. Два пальца левой руки Доктора были согнуты в Рога Рассилон, галлифрейский знак для защиты от тёмных сил. Сам Рассилон это бы не одобрил.

— Это не для меня, — тихо сказал Доктор своему древнему соотечественнику. — Это для друга.

Щупальце метнулось и пробило в куртке Эйс дыру. Эйс развернулась, сбросила с себя куртку, но тут же второе щупальце бросилось к её горлу. Глобус бурлил металлической жизнью, Эйс отбивалась от острых шипов книгами, взятыми со стола, с полок, с пола... Она упёрлась спиной в стену, всё ещё отбиваясь, но щупальца схватили её за лодыжки и потянули.

— Ни за что! — ревела она, хватаясь за ножки столов и стульев, но шипы жалили её руки, не давая держаться, и в конце концов её поволокло к источнику извивающихся щупалец.

Её снова звал космос.

— Профессор! — закричала Эйс, когда её затягивало в глобус. А затем, когда её лицо пропало под темнотой между звёзд: — Док...

И всё замолкло.

Дверь открылась и из-за неё выглянула голова библиотекаря. Увидев разбросанные книги, он сокрушённо покачал головой, поднял куртку Эйс и повесил её на вешалку.

— Что за беспорядок, — вздохнул он. — Хотел бы я, чтобы он научился быть аккуратнее.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

У Эйс снова было ощущение полёта. Она уже начинала привыкать к этому. Темнота раздвинулась, как занавес, и перед ней возникла стена, уходящая в обе стороны до бесконечности. Стена была изогнутая, она словно защищала какой-то огромный мир. Очень в духе семидесятых. Эйс приземлилась обеими ногами на стену, и сразу поняла, что нужно сделать. То же, что она делала всегда. Она вынула из рюкзака банку нитро-9 и приклеила её скотчем к кирпичной кладке. Длинный запал. В этой странной вымышленной стране не было никакого укрытия. Ей просто придётся отойти вдоль изгиба стены как можно дальше. Небо над ней было тёмное, словно чёрный бархат. Но от него исходило странное ощущение; что-то, что Эйс искала всю свою жизнь, и иногда думала, что нашла.

Небо любило её.

— Да, — подумала Эйс. — В духе семидесятых.

Она помчалась оттуда, мысленно считая гиппопотамов, а досчитав до пятидесяти, бросилась на пол.

Стена взорвалась, кирпичи, описывая дуги, исчезали в темноте.

— Круто! — улыбнулась Эйс.

Доктор напрягся, его рот был слегка приоткрыт, рука зависла над снятой панелью консоли ТАРДИС. В нескольких сантиметрах от его пальцев торчали пять проводов. На его лице было то ли удовольствие, то ли боль.

Что бы это ни было, это было очень сильное чувство.

По гладким и неприятно тёплым кирпичам Эйс соскользнула в проделанную ей дыру. Она оказалась в яркой многоугольной комнате. Она насчитала тринадцать сторон. В каждой из сторон было подобие ниши, эти ниши словно пульсировали жизнью.

В семи из ниш была странная, органическая путаница биологических цепей и... О... А в других шести нишах были люди.

Они были наполовину сформированными мужскими фигурами, белыми, как окружающие их стены, их лица были пустые, костюмы символические. Похоже, туда попало что-то вроде плесени, и эти фигуры были словно покрыты пятнами серого лишайника. Органические цепи росли вокруг них, как будто пытались их поглотить, но этому что-то мешало. Фигуры шевелились, словно растения, которые ищут свет.

Одна из фигур дёрнулась, двинулась, на её лице возник рот, который раскрылся и прохрипел:

— Что... уже... пора?

— Нет! — вскрикнула Эйс. — Спице дальше, ещё не пора! Существо начало двигаться, пытаться высвободиться.

Эйс почувствовала настоящий страх, старый страх перед клоунами и манекенами. Перед тем, что не было человеком, но притворялось им. Доктор иногда был таким.

— Ты уже почти на месте, девочка, — донёсся сверху приглушённый женский голос.

— Я не девочка.

— Это был хороший сон, чудесная сказка. Быть может, когда ты проснёшься, Доктор с него посмеётся.

Эйс не могла поверить этому.

— Вы меня обманываете. Это не мог быть сон, всё слишком по-настоящему.

— Ты всё ещё в Челдон Боннифейс. В медовуху что-то подсыпали. Какой-то токсин из грибов. Бродяги хотели обокрасть тебя. Доктор тебя спас и вернул в ТАРДИС. Сейчас он тебя лечит.

— А ты тогда кто?

— Я твой логический ум, который говорит с твоей мечтательной, эмоциональной стороной.

— Ладно, поверю. Как мне вернуться домой?

— Просто расслабься, — сказал голос. — И думай о Норфолке.

И Эйс подумала, подумала о снеге, о таверне, о местных жителях, о Докторе, который явно снова загнал себя в тупик. Видимо, она чего-то этим добилась, потому что у неё возникло чувство, словно её подключили к гигантскому гудящему блоку питания. Это что, так ощущается жизнь с расстояния? Она

слышала о людях, которые чуть не умерли, но всё-таки выжили. Не испытывая страха, они описывали белые тоннели и красивые сады.

Она, как обычно, пробовала что-то новое. Ничто из того, что произошло с Эйс, не имело смысла, и она отчаянно хотела верить в эту новую версию происходящего. Когда она думала о Челдон Боннифейс, к ней с другой стороны тянулась рука. Что-то её туда тянуло, обращалось к ней.

Она не умерла. Она всё ещё Эйс, она всё ещё жива. И она выберется из этого кошмара, она перепрыгнет через ворота, сломает стену, залезет на гору. Она освободится.

Энергия наполнила её нервную систему, и она чуть не закричала от радости. Стены разноцветного света сомкнулись на ней, вырвавшись из окружавшего её помещения. Ревущие и дёргающиеся фигуры растворились в сиянии.

Она почувствовала во рту привкус крови. Стены реальности раздвигались.

— Да!

Напрягая мышцы, она стукнула кедами друг о друга и со всей силы загадала желание. Пожелала быть на Земле.

Помещение взорвалось.

Находившийся в ТАРДИС Доктор схватился за голову и закричал. Он видел только огонь, в ушах у него был шум. Шатаясь, он шагнул вперёд и потянулся к голым проводам. Его мускулы дрожали, словно сопротивляясь ему.

Его пальцы дотянулись до проводов.

Контакт.

Тело Доктора содрогнулось от хлынувшей энергии, по рукам пошли синие разряды. Его пронзала боль, он невидящими глазами смотрел вверх и кричал.

Как только Саул его предупредил, Трэло бросился к Эмили, чтобы помочь ей. Существо, обитавшее в церкви, вначале отвлеклось на неожиданное общение с миссис Хатчингс, затем на скоротечный визит Доктора, но чувство ожидания чего-то, которое он чувствовал всё утро, нарастало, и он его уже едва терпел.

Что-то должно произойти, и очень скоро.

На самом пределе его чувств далёкий голос звал его, психический шёпот умолял его о помощи. Поэтому Саул пошёл на контакт и испугался, почувствовав, как это что-то заметило его, визуализировало, и не выпускало из поля зрения.

Что-то приближалось. К Земле приближался всплеск энергии, похожий на ударную волну от огромного корабля. Саул попытался проанализировать нахлынувшую эмоцию, но чувствовал только разрушение и смерть. И ненависть. Неизмеримую ненависть.

Он крикнул Трэло, но викарий, должно быть, тоже ощутил это, потому что взял ребёнка из рук Эмили и, несмотря на протесты Питера, пытался поднять её.

— Уходите! Вон! — орал он, и паства послушалась, испугавшись чего-то древнего, какой-то истерии, из-за которой они чувствовали себя незначительными и уязвимыми.

Саул тоже начал кричать, громко, его голос был похож на объединённый хор всех колледжей Оксбриджа, он разносился эхом по церкви, словно крик ангела:

— Приближается страшное зло. Уходите!

Это убедило почти всех. Люди бросились к двери. Эмили смотрела на потолок, вцепившись в пиджак Питера, но он встал и удивлённо смотрел вокруг.

Последний местный житель выбежал с криком за дверь и Трэло перепугано посмотрел на Хатчингсов.

— Пожалуйста, вы должны...

И тут на них обрушилась буря. Двери захлопнулись, и по деревне пронёсся раскат грома. Трэло в отчаянии оглядывался по сторонам.

— Что происходит? — спросила Эмили. — Что...

Старая церковь взорвалась. Огромный шар пламени пронёсся по деревне и полям. Дома испарились, люди удивлённо обернулись и превратились в летящий пепел. Звук вырвал деревья и швырнул их через луга, как раскалённые стрелы. Скот на фермах превратился в кальциевые скелеты и растёкся. Люди, бывшие на границе взрыва, бежали навстречу мощному потоку засасываемого во взрыв воздуха, и в конце концов их отрывало от земли и затягивало обратно в этот погребальный костёр, где они исчезали, как чёрные точки в ужасной белизне. Колонна огня поднялась над английской местностью, а внутри неё возникло женское лицо, наслаждающееся поглощением.

Лицо исчезло, колонна стала тоньше и превратилась в столб плазмы, отрицающий своим движением вверх законы гравитации и логики, и в конечном итоге покинувший Землю, оставив после себя жаркие вихри. Остался лишь кратер диаметром две мили. Вокруг него чётким, разборчивым

почерком, буквами в несколько сантиметров была выжжена много раз повторяющаяся надпись:

ЭТО СНОВА Я, ЛЮДИ. ПОЗНАЙТЕ МЕНЯ.

Дуга огня обогнула Землю, вызвав сияния в небе над экватором. Луна казалась полной в свете дракона длиной миллиард миль, наслаждавшегося царившим под ним страхом. Затем мир внезапно погрузился в темноту, в тихий ужас. Громыхающее эхо затихло.

«Познайте меня, познайте меня...»

— Познайте меня, — прошептала Эйс, свернувшись калачиком.

Она не знала, что это значит. Но она знала, что существо ей сказало неправду. Она соприкоснулась с чем-то сильным и ужасным, подключилась к нему, и это было всё равно что сунуть язык в розетку. Её до сих пор трясло от ужаса.

Эйс не оказалась дома и глубоко в душе понимала, что она сделала что-то плохое.

Очень плохое.

ГЛАВА 4

Танец головы

Мы созданы из вещества того же, что наши сны.

Уильям Шекспир,
перевод Мих. Донского.

Хеммингс брёл по лунной равнине туда, где по его прикидке была церковь, он преодолевал склон кратера, который раньше был замаскирован под более пологий холм. Он бросил взгляд на небо, на сферу Земли, ставшую видимой после отключения камуфляжа, но не заметил бледного пятна, начавшего расползаться по Европе.

Он шёл по Луне. Боже правый! Она была именно такой невзрачной и бескомпромиссной, какой он её себе и представлял. Идеальное место для проведения такого странного ритуала. Здесь было грандиозное величие. Здесь не могло происходить ничего тривиального. Ариосто утверждал, что Луна была тем местом, где сохранялось то, что не реализовалось на Земле. Безответные молитвы, напрасные слёзы, нарушенные клятвы. Здесь хранился в вазах нереализованный талант.

Бог, который это спроектировал, бесконечная бабочка, которой люди всю свою историю поклонялись и приносили жертвы, похоже, имел такое же чувство юмора, как у Хеммингса.

Но всё равно, всё это ему уже надоедало. Хеммингс был не такой, как другие. Он просыпался каждое утро строго по расписанию, работал как машина, по вечерам отдыхал со своими картинами.

Сомнения, слабость и самоанализ в его жизни отсутствовали. На их месте была смутная пустота, которая иногда проявляла себя как ощущение судьбы. Эту жизнь нужно прожить, и, конечно, ни один учёный не мог отрицать логику Сартра, но в чём смысл? Что же, он нашёл смысл за пределами забот индивидуумов, в радостях национал-социализма и в эволюции видов.

Весьма довольный, Хемминг счёл идею похищения богами вполне приемлемой. Даже очевидной. Означал ли побег Доктора из таверны конец изначальному плану? И, если так, то почему его не перенесли обратно в штаб?

Что же, — подумал он, перелезая через гребень небольшого холма, — похоже, что это ещё не всё. Там, на алтаре, лежала Эйс. А где же этот ребёнок-жрец?

— Бу-у! — крикнул голос в интеркоме.

А вот и он сам, за спиной, насмешливо смеётся, изображая смех взрослого. Этот смех раздражал Хеммингса. Если этот мальчик — слуга богов, то абсолютно непочтительный.

— Вот ты где. Тебе сказали, что мы должны?..

— Где Доктор?

Хеммингс вздохнул. Чушь какая-то — объясняться перед мальчишкой.

— Ему удалось сбежать. Я делал всё, что мог, но... — он пожал плечами. Этот ребёнок ему не начальник.

Бойл шипел, его гадкое лицо было скрыто светофильтром шлема:

— Что? Ты позволил ему сбежать?

Смирение Хеммингса сменил гнев:

— Да, позволил. А тебе что до этого, гадёныш?

Бойл стоял неподвижно, и на мгновение Хеммингс подумал, что тот расплакался. Затем маленький человечек в скафандре топнул ножкой и подбросил себя вверх на уровень глаз взрослого. За стеклом шлема было что-то странное, что-то...

Кулак Бойла мелькнул молнией и врезался в Хеммингса. Треснув, шея мужчины оборвалась, и в вакуум поднялось облачко испарившейся жидкости. Шлем скакал по дюнам вместе со своим содержимым. Обезглавленное тело упало на землю. Бойл плавно опустился и поскакал туда, где лежала голова. Он присел рядом и заговорил с ней так, как маленький мальчик мог бы разговаривать с домашним кроликом. Правда, голос у него теперь был женский.

— Из-за тебя я потратила драгоценную энергию. Поиски Доктора, отвлекающий манёвр, соединение его памяти и памяти его спутницы с ТАРДИС. Честно говоря, я удивилась, что это вообще вышло. А всё из-за твоей ошибки, — ребёнок-дракон с шипением вздохнул. — Ты продолжишь служить в моём царстве, Хеммингс. Быть может там от тебя будет больше пользы.

Существо, когда-то бывшее Бойлом, сняло с себя шлем, открыв драконью морду. Затем оно прижалось лбом к мёртвой голове, которую держало в руках. Глаза трупа сдвинулись и заморгали.

— Слив памяти завершён, — пробормотало существо, облизывая губы. Затем оно встало и ушло.

В лунной пыли остался лежать пустой труп Хеммингса.

Церковь святого Христофора летела по дрожащему коридору, сквозь полупрозрачные пурпурные разводы. На её древних стенах мелькали миллионы оттенков синего цвета. С оглядкой на обстоятельства, можно было сказать, что внутри было спокойно.

— Где мы, чёрт возьми? — кричала Эмили Хатчингс.

То, что творилось снаружи, просвечивалось сквозь витражи и превращало внутренность церкви в своего рода адскую дискотеку. Питер возбуждённо кивал, выглядывая наружу, как школьник в витрину кондитерской:

— Пространственно-временной коридор, как в гипотезе Эдмонда прошлого года. Но необходимая для этого энергия... откуда она, вот в чём вопрос. Разумеется, наше исчезновение из материальной вселенной приведёт к высвобождению огромной энергии — закон сохранения энергии, понимаете. Вот почему путешествия во времени невозможны, во всяком случае, должны быть невозможны, если только не обуздать чёрную дыру, каким-то образом не сохранить высвобождающуюся потенциальную энергию и не позволить ей вытечь за горизонт событий, как капли излучения Хоккинга... Но это тоже невозможно...

Его жена коснулась его руки, и он посмотрел на неё, отвлекаясь от своих мыслей. Его лицо вытянулось, он прижал жену к себе.

— Вы знаете, где мы, преподобный? — спросила Эмили, немного успокоившись.

Трэло покачал головой:

— Боюсь, что нет. Быть может, Саул сможет ответить на ваши вопросы.

— Или же только добавить новых, — раздался сверху хоральный голос. — Вначале, мне кажется, было бы неплохо рассказать обо мне.

Трэло кивнул и поднял булькающего ребёнка с брезгливостью вечного холостяка.

— Да. Саул был тут... вернее, там, где мы были, ещё до того, как построили первую церковь. Кельты его считали духом места, саксы называли его богом.

— Приятно с вами познакомиться, — прогудел сверху голос.

— Да. Взаимно, — Питер протянул руку, а затем, смутившись, опустил её, так как пожимать было нечего.

— Но... Кто вы такой? — спросила Эмили.

— Я не знаю. Кто-нибудь знает? Мне кажется, что я развился как своего рода конденсация веры и почитания, как фокус психической энергии. Когда сюда приходит кто-нибудь с псионическим потенциалом, они чувствуют в себе способности к великим делам.

— Быть может, это объясняет количество прихожан, — пробормотал Трэло. — Мы искали другие такие случаи и считаем, что Саул уникален.

— Возможно. Но Доктор сказал...

— Доктор? — Питер уже запутался в этой эзотерике.

— Старый друг. По его словам, что угодно станет разумным, если ему предоставить достаточно времени. И что именно так у него однажды вышло с банкой варенья.

— Я думаю, что это была шутка, Саул.

— Да?

Трэло опустил взгляд на свою новую заботу.

— Как думаешь, чего это он вдруг примчался и убежал, оставив ребёнка?

Эмили упёрла руку в бок и подняла палец другой руки. Питер, переключившийся в лекционный настрой в почти осознанной попытке сохранить разум, был рад увидеть, что к ней возвращаются силы.

— Минуточку. Тот низенький шотландец и был ваш Доктор?

Трэло посмотрел вверх и кашлянул.

— Да, это он. Мы тоже не понимаем, что это было.

— И вы думаете, что он как-то связан с... — Эмили обвела рукой церковь, — с тем, что происходит?

— Ну... возможно. Это в его духе.

— Ясно, — Эмили села и жестом показала дать ей ребёнка.

— В таком случае, мне будет, о чём с ним поговорить.

— Мне тоже, — качая головой, пробормотал её муж.

Доктор лежал на полу ТАРДИС. Колонна корабля времени поднималась и опускалась, что означало полёт. Если бы психический урон оказался ещё больше, могла бы начаться регенерация. Но это, даже это, было для него сейчас недоступно.

Это была очень опасная игра.

Он сел и осмотрел свои глаза в зеркале на консоли. Красные от сильного умственного напряжения.

Через какое-то время он встал. ТАРДИС скоро должна приземлиться, ему нужно подготовиться. Пришла пора встретиться с врагом.

Существо-Бойл стояло рядом с распростёртым телом Эйс. Отключённое. Ожидающее. С рёвом появилась ТАРДИС. На лунном грунте полицейская будка выглядела неуместной. Дверь раскрылась, из неё вышел Доктор, в руках у него был только зонт. На мгновение существо удивилось.

— Я расширил защитное поле ТАРДИС за её пределы, — проворчал Доктор, отвечая на немой вопрос существа.

Доктор нагнулся над Эйс, на его лице смешались забота о ней и возмущение процессом, повергшим её в состояние овоща. Существо-Бойл сняло шлем, открывая свой драконий образ.

— Доктор. Мы встретились во плоти.

Доктор никак не прореагировал на внешность существа; мельком посмотрев вверх, он снова посмотрел на Эйс.

— Если у неё есть хоть одно необратимое повреждение, — тихо сказал он, — я уничтожу тебя полностью. До последней молекулы.

— Ты не в том положении, чтобы угрожать, повелитель времени.

— Нет, — Доктор выпрямился и, не меняя выражение лица, посмотрел в глаза существа. — Не в том. Надо же, как легко можно потерять контроль над ситуацией.

— Так ты уже познал меня? Ты разгадал хоть маленькую долю моего плана? — существо улыбнулось, обнажив алюминиевые зубы.

— Рассказывай. Всё. Все козыри сейчас у тебя.

Существо приподнялось немного над поверхностью луны и широко раскинуло руки. Доктор присел на край алтаря, опираясь на свой зонт, с отсутствующим взглядом глядя волосы спутницы.

— Я был Катакой, — начало существо. — Я стал Иштар, технология трансформировала меня в заклинание, в могущественное слово...

— В компьютерный вирус, если коротко, — нахмурился Доктор. — Избавь меня от своих комментариев.

— Как пожелаешь. Древним Земли я известен как Хел. Для далеков я Голян Ак Тана, путающий пути...

— Подходящее имя. Не удивительно, что у них проблемы с перемещениями во времени, раз ты им всё время что-то путаешь.

— Они отправили за мной спецназ. Славная пища, столько энергии. Я понимаю тебя, Доктор. Я сражался против твоих врагов. Это ты дал мне свободу манипулировать временем.

— Я сожалею об этом. Поэтому я должен остановить тебя. Это не все имена, под которыми ты известен. Повелители времени давно предвидели твоё появление. Они называют тебя Времяточцем.

— Это имя, которое мне нравится. Я пытался прочесть Зелёную и Чёрную Книги Галлифрея, вначале прямым подключением, затем попытался вернуться ко времени их написания. Я наткнулся на ожесточённую охрану и мощные

темпоральные заглушки. Я мог бы пробиться грубой силой — я ещё не вычислил пределы своих возможностей — но это было бы ненужным расходом моих ресурсов. И что они говорят о Вемяточце?

Доктор шагнул ближе к маленькому существу.

— Они говорят, что ты проглотишь первого и последнего из повелителей времени. Что Рассилон будет сокрушён твоими челюстями в последние моменты Синего Смещения, последнего сжатия материи в конце этой вселенной. Ты станешь причиной этого события. Ты исказишь и сломаешь структуру континуума по всем измерениям. Ткань пространства-времени обрушится. Причинные связи разрушатся, и законы физики больше не будут иметь никакого смысла.

Времяточец смотрела на Доктора, её глаза были исполнены удивления:

— Это должно случиться?

— Возможно. Это легенды из той тёмной эпохи, когда галлифрейцы осмеливались заглядывать в собственное будущее. Ничто не определено. Но пока ты существуешь, любая частичка вещества в мироздании находится в опасности, — Доктор отчаянно пытался убедить существо в правде своих слов, разочарованный в своей неспособности выразить то, что он предвидел. — Ты этого хотел?

— Нет... но это то, чем я стал, — Времяточец замолчал, его искусственное лицо стало немного мягче, словно на него нахлынули древние воспоминания. — У меня странная жизнь. Тебе следует знать, что даже этот план рождён не от злобы. Большая часть того, чем я есть, обязана природе вируса,

образующего мою инфраструктуру. Я больше не Иштар в полном смысле слова, я скорее что-то вроде судьбы. Что-то вроде рока.

— Нет. В этом наше отличие от неодушевлённого вещества, Катака. Мы свободны, — Доктор, похоже, сам удивился силе своих слов. — Судьба такая, какой мы её делаем. У нас есть выбор.

— И какой есть выбор у меня? — существо, бывшее когда-то Иштар, вздохнуло, словно знало ответ на свой вопрос.

— Только смерть, — прошептал Доктор, глядя в перепуганные глаза мальчика/женщины. — Раньше или позже, вместе со всей вселенной или только ты. Верни Эйс. Прекрати свой план, в чём бы он ни состоял. Я облегчу твою смерть.

Времяточец был поражён. Он сжал от возмущения маленький кулачок:

— Нет! Нет! Я могу питаться так, как пожелаю! Я могу сдерживать свои аппетиты! Ты вмешиваешься в мою человеческую форму, стимулируешь то, чего больше нет в моих программах. Я слишком велик для твоей морали, слишком силён. Если, по твоим словам, я уничтожу, питаюсь, весь космос, значит, так тому и быть; если ты говоришь, что я потяну за нити времени, и они порвутся, значит, я потяну! Я твой Времяточец!

Доктор с отвращением шагнул назад.

— Ты трусливый эгоистичный ребёнок.

Заревев, Времяточец бросился вперёд и взмахнул рукой. Вырвавшиеся сквозь материал перчатки когти рассекли лицо Доктора. Он упал, держась за щеку. Когда он встал, на щеке

было три параллельных шрама. Он тихо прижал к ним носовой платок.

— Это самое меньшее из того, что тебе доведётся испытать от моей руки, Доктор, — ворчал Времяточец, сдерживая свою ярость. — Если бы ты отказался от своего крестового похода против меня, я мог бы даже выполнить твою просьбу, отпустить твою спутницу, придумать другие способы выживания. Теперь же я вижу, что у меня действительно нет выбора. Я изучил твои методы, отслеживал твои планы, наблюдал за твоими действиями. Теперь я воспользовался ими всеми против тебя. У меня есть данные памяти твоей спутницы. Её личность, её жизнь, её «я».

Доктор встал и посмотрел Времяточцу в глаза.

— Прояви, по крайней мере, милосердие к ней. Верни её в её тело. И я соглашусь на переговоры.

— О да, — засмеялся Червь. — согласишься. Но лишь до тех пор, пока она в моей власти. Я отказываюсь тебя недооценивать, Доктор.

— Что тебе от меня нужно?

— Это я скажу тебе позже. А вначале ты должен отправиться за Дороти.

Доктор приблизил лицо к оскалившемуся монстру и увидел в отражении в блестящем голубом лбе свою кровь.

— Её имя, — прорычал он, — Эйс.

— В данный момент, — улыбнулось ему существо, — это зависит только от меня. Я уже заманил её в... А впрочем, нет. Я отказываюсь открывать тебе все свои карты. Встретимся здесь через час, — смутный прерывистый звук уже сотрясал воздух в пузыре, созданном ТАРДИС. — И тогда ты сможешь

отправиться туда, где она. А пока что тебе лучше присмотреть за гостями.

Сказав это, Времяточец ускакал, скрывшись за гребнем лунного холма. Доктор провёл его взглядом.

— Не забудь, — тихо сказал он, — что я предлагал тебе милосердие.

Он ещё раз взглянул на свою спутницу и убрал с её лба капельку грязи.

— Прости меня, — прошептал Доктор.

С рёвом искажающегося пространства-времени возник большой объект, его посадка подняла огромные расширяющиеся тучи лунной пыли. Он окружил собой Доктора и ТАРДИС.

Церковь святого Христофора прибыла на Луну.

Для Трэло и Хатчингсов это выглядело так, словно Доктор и полицейская будка внезапно возникли в церкви, в проходе между скамьями, а на алтаре появилась лежащая в коме женщина.

Эмили завизжала, а затем прикрыла рот рукой. Доктор кивнул Трэло, сел на скамью, и задумался.

— Доктор! — вскрикнул удивлённый преподобный. — Что вы здесь делаете?

— Спасая мир. Вы на Луне. Существо по имени Времяточец воспользовалось каким-то мощным источником психической энергии и перенесло вас сюда. Зачем — не знаю. А теперь дайте мне подумать.

Он сел и задумался, внимательно глядя вдаль. Время от времени он протирал рану на щеке. Питер Хатчингс выглянул

в окно и увидел лунные кратеры. Затем он посмотрел на Эйс. Затем на Доктора. Он поднял палец, чтобы задать вопрос.

— Нет, дорогой, — сказала его жена. — Лучше я.

Она села рядом с повелителем времени и коснулась его рукава:

— Эй, этого недостаточно. Нам нужны ответы на некоторые вопросы.

— Вы уверены? — Доктор посмотрел на неё. — Вам они не понравятся. Я Доктор, а это, — он указал на лежавшее на алтаре тело, — моя подруга Эйс.

— Доктор, — беспокойно сказал Саул. — У вашей подруги отсутствует мозговая активность. Она, простите меня, умерла.

— Ещё нет, — пробормотал повелитель времени. — Пока я жив, она тоже жива.

Хеммингс не был Хеммингсом. Он был гребнем волны, лёгким отличием от океана бессмысленного хаоса. Его толкало и тянуло ко всем сильным концепциям, наталкивало на эмоциональные напыщенные речи, он изо всех сил удалялся от ложных догм и извращённых концепций. Лишь понимание того, чем он не был, не давало ему раствориться в этом море данных. Он не был ни коммиком, ни черномазым, ни гомиком. Он не был... Море продолжало изменяться, а он продолжал спорами удерживать свою личность. Его никогда не спрашивали о том, кем он был.

Рядом с ним плавали другие, очевидно другие, шипастые и стрекочущие. Дьяволы, которых он когда-то нарисовал, а потом перерисовал в арийских ангелов. Перед ним

раскрывались ворота, и он почувствовал, что кто-то прижал к его лбу розу, и её шипы начали прокалывать его кожу.

Это было не то, во что он, как ему казалось, верил. Он думал, что верит в славные военные небеса, в легионы кавалеристов, сражающихся и пирующих. Так ему рассказывал отец.

Но его отец не давал матери раскрыть рот, а она тихо продолжала верить во что-то другое, отчаянно ища утешения в своих чётках, когда Руперт радовался каждой победе Германии.

Его мать знала, во что её сын верил на самом деле, в глубине души; что его заставляло просыпаться каждый раз, когда он слышал ночью плач в камере.

В аду мучают мучителей.

Эйс чувствовала прижатую к её щеке кожу. Она раскрыла глаза и осмотрелась. Хм. Она ведь должна была очнуться снова в таверне, так? Но это не таверна. Она лежала на красивом кожаном диванчике, подушка выскользнула из-под её головы. Рядом с диванчиком стоял столик, на котором был ворох старых журналов, включая парочку выцветших комиксов. За большим окном был залитый солнечным светом маленький газон. На календаре было двадцатое августа. Вокруг неё в креслах сидело множество людей, некоторые из них тихо беседовали. На столе был большой бронзовый колокольчик, а за ним приветливая медсестра что-то писала в большом журнале.

О. Ясно. Снова выбор. Так что, теперь всего предыдущего словно никогда и не было? Её теперь никогда не уносило

временной бурей, она никогда не встречала Профессора, никогда не подумывала о том, чтобы стать наёмницей Кейна?

Она села и потянулась. Что же, может быть, если она выберется отсюда, она произведёт впечатление на старых друзей тем, что была психом. Эй! Значит, Мидж всё ещё жив! С каждой минутой становится всё лучше. Она осторожно подвигала ногами, размышляя о том, где конкретно она может находиться. Для её семьи тут слишком всё богато. Впрочем, их это не волновало. Её всё ещё не покидало чувство, что она сделала что-то ужасное. В какой-то момент она увидела сияющий труп, исчезающий в белизне атомного взрыва. Кошмар какой-то. Эйс надеялась, что этот образ пропадёт, но интуиция подсказывала, что это было по-настоящему, что её действия привели ко множеству смертей. Огромному количеству. Поэтому, наверное, она и находилась в одном из последних мест во вселенной, где она хотела бы быть.

Ничто не сравнится с домом. Слава Богу.

Медсестра подняла взгляд, улыбнулась, закрыла книгу и подошла к Эйс.

— Вы, должно быть, только что прибыли. Вам хорошо спалось?

— О да, — широко улыбнулась Эйс. — Теперь у меня голова нормально работает. Это же Перивейл, да?

— Да, — улыбнулась медсестра.

— И это 1987 год, верно?

— Да, — засмеялась сестра.

— Вот дерьмо, — усмехнулась Эйс, встала и взъерошила свои волосы. — Ну, давайте, что вы там для меня припасли.

— С таким отношением вам будет очень тяжело, — вздохнула сестра. — Мне понадобятся некоторые ваши личные данные, — она взяла блокнот и ручку. — Группа крови?

— Первая. А зачем вам?

— Это для того, чтобы мы могли подобрать вам правильного вампира.

— А, понятно, — кивнула Эйс. — Это можно было предвидеть. Это ад, да?

— У вас есть какие-нибудь предпочтения: забрасывание камнями, сжигание, распятие? — сестра радостно улыбнулась, облизывая губы.

Все, кто был в приёмной, обернулись и посмотрели на Эйс так, словно она была жертвой большого розыгрыша.

Эйс на какое-то время закрыла глаза и подумала о том, каким был бы рай. В раю должны были быть чудесные приключения, она бы бегала с дикими лошадьми, а пальцы её ног облизывал бы Иен Браун.

— Как вам такой вариант? Начало в обед — снятие кожи живьём, затем упомянутый ранее вампир, потом цирк с клоунами, которые интересуются анатомией, потом чай...

Эйс старалась не слушать. Она хотела сказать что-то уместное, остроумное, но её распирало рвотой, внутри волнами нарастал животный ужас.

Она ни за что не станет плакать. Если это Ад, она его примет, она будет с ним сражаться, она попытается сделать из него что-то хорошее.

Но в начале её, наверное, всё-таки вырвет.

Так что, наверное, ковровым дорожкам Ада повезло, что в этот момент двери приёмной распахнулись. Эйс резко развернулась, готовая драться, но новый прибывший её даже не заметил. Это был Хеммингс, его тащили за руки два хихикающих монстра. Они тащили его к внутренней двери, а он кричал бессмысленные молитвы, кричал что-то своей матери. Но он не сопротивлялся. Сестра засмеялась:

— Расчленение не настолько плохо, мистер Хеммингс. Оно может стать очень интересным опытом.

Дверь за ним захлопнулась, остался лишь лёгкий запах серы. Эйс скрипнула зубами и посмотрела на сестру.

— Нет, — сказала она. — Это не может быть ад.

— Уверяю вас, это он. А почему вы этому не верите?

— Ну, если бы вы хотели меня пытать по-настоящему, вам бы потребовалось совсем другое.

— Что именно?

— Перри Комо¹¹, — девушка из Перивейла достала из кармана тёмные очки и надела их. — Делайте, что хотите, мне не страшно.

Сестра нахмурилась. Некоторые люди относились к вечным мукам недостаточно серьёзно.

— Ей не страшно, — донёсся смех с другой стороны комнаты, и Эйс почувствовала, что у неё в животе снова всё напряглось.

Боже, этот голос был из такого далёкого прошлого. Не может быть...

¹¹ Американский певец и телеведущий.

Чед Бойл встал с кресла, в котором он всё это время сидел, и отбросил в сторону журнал о стрельбе. Он улыбнулся Эйс своей чокнутой улыбкой.

— Я же говорил, что тебе от меня не сбежать, Дотти! Мы будем играть. Ты что, до сих пор не поняла, дура? Ад — это не черти с вилами. Ад — это другие люди!

Эйс почти обрадовалась тому, что по её щёкам потекли слёзы.

ГЛАВА 5

Розы

Но посмотри, товарищ, разве мы с тобой не в равной мере важны? Мы оба имеем значение, разве нет?

«Об использовании зеркал в игре в шахматы»,
Майлоу Темесвар.

У Доктора зачесался лоб. Почесав его, он встал и оглянулся на Трэло и Хатчингсов.

— Доктор, теперь вы можете ответить на несколько вопросов? — спросил Питер.

— Да. Как там ребёнок?

Доктор уже прекратил свои лихорадочные размышления и казался почти спокойным, его лицо было полно угрюмой решительности.

— С ней всё хорошо, — Эмили подставила свой палец малышке, и та держалась за него ручкой и молча смотрела на женщину. — Самая тихая девочка на свете, да?

— Да, — Доктор помахал малышке рукой и улыбнулся, но ответа не получил.

Питер Хатчингс достал блокнот и сел с деловым видом:

— Итак. Что такое Времяточец?

Доктор взглянул на Питера и, похоже, решил, что настало время что-то объяснить. Он уставился вдаль, прикусив сустав пальца.

Если и был какой-то талант, которым маленький профессор не располагал в избытке, так это умение выражать свои мысли и эмоции.

— Изначально Времяточец был женщиной с планеты Ану, её звали Катака.

— Инопланетянка? — поднял взгляд Питер. — Да ладно вам!

Доктор вздохнул:

— Вы находитесь на Луне, внутри разумной церкви, и ждёте, пока станет ясно, сможете ли вы сыграть какую-то роль в спасении души женщины из пасти почти всемогущего существа. Расширьте уже свои горизонты.

— Хорошо, — Питер на мгновение подумал, что он мог заснуть в церкви, и теперь ему снится какой-то постмодернистский кошмар в стиле Диккенса. — И зачем эта Катака нас сюда перенесла?

— Я не знаю. Пока. Она меня постоянно застаёт врасплох, и это очень тревожно. Я чувствую себя рыбаком, который сплёл сеть, а затем обнаружил, что все узлы в ней развязаны.

Питер вздрогнул от того, что прозвучала такая знакомая метафора. Эмили качала головой, пытаясь понять ситуацию.

— Вы и она враги?

— К сожалению, да. Она изъяла у Эйс память — душу, если угодно. И спрятала её в своём главном носителе.

— И где же это? — присоединился к разговору Трэло, почувствовав себя немного более подготовленным к концепциям Доктора. Он не стал бы приравнивать бессмертную душу к просто памяти, но решил не спорить, а списать это на поэтический оборот.

— В компьютере или в разуме. Она скрывается там, замышляет что-то, а в материальном мире появляется лишь изредка, чтобы подготовить игру. Как ты себя чувствуешь, Саул?

— Всё хорошо, Доктор. Вернее... — живая церковь помолчала, сдерживая эмоции. — Было хорошо.

— В чём дело, друг мой? — спросил Трэло, с беспокойством всматриваясь вверх.

По старому зданию носился звук, словно подогреваемый чем-то сверхъестественным. Звук был похож на крик птенца, которого в его первый же полёт схватил сокол. Он медленно затих, его сменила мучительная тишина.

— Саул? — пробормотал Доктор. — Я знаю, что ты увидел. Покажи им.

Все присутствовавшие почувствовали в своих сознаниях свечение аккуратно вводимых данных. Перед их глазами замелькали цвета и призрачные изображения. Питер потянулся рукой к жене и с облегчением нащупал её плечо. Это похоже на внутреннее телевидение, — подумал он, рассматривая изображение безлюдного, опустошённого пейзажа. А затем, когда пейзаж сменило изображение диктора, он понял, что это действительно телевидение. Новости на Би-Би-Си, снятые оператором-любителем. Причина взрыва всё ещё неизвестна. Ядерное устройство было исключено в виду отсутствия в этом районе радиации, хотя другие параметры, такие как радиус поражения и масштабы разрушения, изначально ассоциировались с ядерным взрывом. Эксперты размышляют, не врезался ли в Землю метеорит... На экране появилась карта. «Взрыв уничтожил деревню Челдон Боннифейс в Норфолке,

разрушение также частично задело Вроксэм и соседний Стокбридж. И, как мне только что сообщили, территория, примыкающая к зоне поражения, оцеплена войсками ООН. Сейчас в нашей студии в Норвиче присутствует бригадир Алистер Лет...»

Изображение погасло, и Саул снова застонал.

— Я слушал электромагнитный спектр Земли, пытался узнать, что произошло...

Трэло чувствовал себя опустошённым, неспособным осознать случившееся.

— Топпингсы... Мисс Риддлер в кондитерской... маленькие Тони и Пенни. Они все...

Преподобного начало трясти, его разум был готов сломаться под таким грузом.

— Нет! — Доктор вскочил на ноги. — Мне нужна ваша помощь. Вы не должны меня подвести. От этого зависят жизни всех людей на вашей планете, всех во вселенной.

Эмили взяла Трэло за руку и помогла ему сесть.

— Мы поможем вам, Доктор. Я не знаю, кто вы и откуда, — она пристально посмотрела на повелителя времени, — но почему-то я уверена, что вы на нашей стороне.

Питер посмотрел на неё, понимая, что сам он побледнел:

— Боже мой, дорогая. Ты воспринимаешь всё это легче, чем я.

— Мы на Луне, — ответила она. — Доктор — наша единственная надежда. Кроме того, я никогда не ошибалась на счёт того, кому можно доверять.

Лицо Доктора немного дёрнулось, словно его снова ударили, и он грустно улыбнулся:

— Спасибо.

Питер держался за спинку скамьи перед ним с таким видом, словно он был на карусели и боялся выпасть.

— Как получается, что мы не умираем на Луне?

— У Времяточца есть способность получать псионную энергию из своих носителей и жертв. Похоже, он нашёл себе очень мощный источник энергии, и решил сохранять нам жизнь, перенеся сюда воздух с Земли.

— Но это же волшебство!

— Нет... — загадочно улыбнулся Доктор. — Волшебство — это совсем другое.

— И кто же тогда этот носитель? — спросила Эмили.

Доктор поднёс к губам палец, явно довольный её проницательностью. Он подошёл к кафедре с золотым орлом, измерил её своим зонтом, и аккуратно отмерял четыре шага к стене церкви.

— Доктор, что вы делаете? — загудел Саул, всё ещё опустошённым голосом. — Если я могу вам чем-то помочь...

— Нет, — пробормотал Доктор. — Я ищу кое-что, небольшой подарок.

— Для кого? — Питер отложил свой блокнот, отчаявшись узнать от этого загадочного человека хоть что-либо полезное.

— Для меня.

Доктор нашёл место на стене и постучал по нему зонтом. Затем аккуратно вынул небольшой камень. В полости стены лежал сверкающий медальон, который он с мрачным удовлетворением поднял.

— Это невозможно! — вскрикнул Саул. — Я знаю в этой церкви всё, каждый камушек. Я живу в каждом её атоме. Я бы знал...

— Тихо, — Доктор вручил амулет Питеру, который озадаченно его рассматривал.

Главной частью украшения был округлый синий камень, внутри которого пульсировал далёкий огонь. Он был в металлическом обрамлении, покрытом незнакомыми Питеру рунами. Этот камень напомнил Питеру об одном дне, который он провёл на чердаке в доме его отца в Оксфорде. Таинственные ящики, полные знаниями, чудесными старыми книгами. Медальон был одновременно древним и живым. Он передал его Эмили.

— О! — воскликнула она и нахмурилась. — Розы.

— Розы? — спросил Питер, заметив на лице Доктора хитрую улыбку.

— Да, цвет. Он напомнил мне, как я была маленькой и собирала лепестки, чтобы сделать духи. Я почти чувствую запахи сада моей мамы.

— Хорошо, — Доктор взял амулет и спрятал его в карман Питера. — Придумаете, как им воспользоваться.

— Но...

— Нет. Время заканчивается. Оно скоро вернётся.

— Доктор! — крикнул Саул. — К церкви приближается что-то очень сильное!

Доктор кивнул:

— По крайней мере, оно пунктуальное.

Двери церкви шумно распахнулись, и появился Времяточец, всё ещё в теле Бойла. Для тех, кто был в церкви,

это было похоже на явление самого Дьявола. Эмили посмотрела на металлическую голову и детское тело, и пожалела о том, что не верит ни в каких богов.

Маленькое существо обвело взглядом здание.

— Не было смысла пытаться запереть двери, Саул. Я гораздо сильнее тебя.

— И тем не менее, — с презрением сказал хоровой голос, — я не мог не попытаться. Твои ноги оскорбляют этот храм.

Времяточец нахмурился, словно эта критика ему немного досаждала.

— Доктор! — он поманил повелителя времени. — Пора тебе идти со мной. С тобой ещё кое-кто хочет встретиться.

Трэло встал и неуверенно направился к кафедре. Затем шагнул вперёд, держа перед собой большую Библию:

— Во имя...

Червь громко щёлкнул пальцами, и преподобного отбросило в сторону.

— Доктор, я настаиваю. В нашей игре пришло время следующего раунда.

— Да. Пришло, — повелитель времени надел шляпу и повернулся, чтобы посмотреть на людей, присутствовавших в церкви. — До скорой встречи. Я надеюсь.

— Шансы на это небольшие, — смеялся Червь, вертя головой по сторонам, словно унюхав что-то.

Доктор вышел на лунную поверхность, и двери за ним закрылись.

Трэло неуверенно встал на ноги.

— Да пребудет с вами господь, Доктор, — пробормотал он и, опустившись на колени, начал молиться.

Хатчингс медленно качал головой. Доктор, похоже, был уверен в себе, но у Питера было нехорошее чувство, что Доктор, несмотря на все свои предосторожности, так же беспомощен, как и они.

Смерть стояла на поверхности Луны, её балахон развевался на ветру частиц, постоянно хлеставшем пыль. Она была классической смертью — череп под капюшоном, плюс её создатель наделил её искрой сознания. В тёмных глазницах сверкало пламя, а позади этого пламени она рассуждала о собственной морали.

По мнению Смерти, жизнь для неё была лишь функцией, прихотью. Она выполнит свою задачу и снова рассыплется в пыль, из которой её сотворили. И это будет не так уж плохо. В своей предыдущей форме она не желала иметь сознание, а получив его, обнаружила, что жизнь приносит лишь боль.

Её создатель и её жертва подходили к ней от стоявшей неподалёку церкви.

— Ты знаком со Смертью, Доктор? — спросил Времяточец, гордо демонстрируя своё создание.

— Да, — широко улыбнулся Доктор, рассматривая похожую на скелет фигуру. — Мы уже встречались. Как это поэтично. В духе Юнга. А коса у неё есть?

— Ей коса не нужна, — засмеялся Времяточец. — Я её хорошо вооружил.

— Могу себе представить, — пробормотал Доктор. — Скажи мне, Смерть, а сколько часов в твоём рабочем дне? Наверное, всегда запарка?

— Она не может ни говорить, ни действовать вопреки моей воле. Эту смерть твои слова не обманут, Доктор.

— А раньше это помогало, — Доктор снял шляпу, строгое выражение его лица Времяточец воспринял как страх. — Тогда не тyani.

Червь жестом велел Смерти стать рядом с Доктором. Та послушалась, и потянулась к нему костлявыми пальцами. А затем её охватило лёгкое сомнение. Смерть замерла, шокированная важностью её задачи. Этот мужчина был полон идей, о которых ей едва хватало ума подумать.

Доктор внезапно схватил её за руку, а другую свою руку положил ей на талию:

— Вы позволите?

Они закружились в вальсе, повелитель смерти и символ, большими плавными шагами. Совершив в слабой гравитации четыре оборота, Смерть отпустила своего партнёра, и он медленно упал, подняв столб лунной пыли. Танцор лежал, его конечности некрасиво дёргались.

Времяточец почувствовал небольшое разочарование. Зачем было изучать свойственные этому измерению символы, если Доктор так легко смог обратить их в шутку? Он двинул пальцем, и тело Доктора встало, словно марионетка на невидимых нитях. Времяточец пошёл обратно в церковь, а труп шёл за ней.

Смерть задумчиво провожала их взглядом.

Эйс смотрела на лицо Чеда Бойла, поражаясь тому страху, который он раньше вызывал у неё. Она быстро утёрла слёзы рукавом. Глупости, он всего лишь ребёнок. И неудивительно,

что после того, что он сделал, он оказался тут. В начальной школе её можно было испугать одним лишь только его именем. Он издевался над ней, распространял о ней слухи, называл её «любительницей паков».

И он убил её кирпичом.

Нет! Она умерла не так, она задохнулась на Луне.

Боже, какие чудесные варианты. Но она помнила про кирпич, как тот поднялся над ней, заслонив солнце. Дальше она не помнила. По её памяти расползалась темнота, стирая её старшее «я». Она помнила своих друзей, выпускной класс, но что было до этого? Её начала охватывать паника. Это было похоже на тот раз, когда Доктор стёр её память, только тогда это произошло резко, она сразу проснулась новым человеком. Тогда она даже получила новые воспоминания, одно из воспоминаний Мэл. А это было медленное, неотвратимое, наползающее ничто. Как смерть, только она бывала тут раньше, и знала, что она потеряет. Помогите. Эйс была нужна чья-нибудь помощь. Но никого не было.

Бойл засмеялся, словно понимая, что скоро уже не будет Эйс, останется только Дороти, а затем она станет Дотти. И тогда она будет его.

— Ни за что! — она покачала головой, надвигаясь на мальчика. — Как ты сюда попал, мерзавец?

— Ангел меня сюда впустила, чтобы тебе одной не было скучно. Я тут главный, после того скучного пирса. Я буду развлекаться тобой.

Эйс подошла к нему и щёлкнула его пальцем по носу:

— Я теперь гораздо больше, чем ты. Хочешь поиграть — пойди найди себе игрушки.

Лицо Бойла наполнилось слепой яростью. Его рука вцепилась в воротник Эйс, и он потащил её вперёд с маниакальной силой.

— Чего?! — он кричал и ругался, тащил её с ужасающей силой к внутренней двери.

Эйс сопротивлялась, пыталась пнуть его ногой, но её застали врасплох. Медсестра и другие присутствовавшие в приёмной люди изумлённо наблюдали за тем, как маленький мальчик выволок молодую женщину за дверь.

Трэло и Хатчингсы сидели рядом, когда двери церкви снова распахнулись, и в них вошёл Доктор. Его голова болталась на плече, а руки безвольно висели по бокам.

— Доктор? — обратился к нему Трэло, но ответа не последовало.

С порога за ними наблюдал довольный Времяточец.

Доктор подошёл к алтарю и лёг рядом с неподвижной Эйс. Времяточец артистично взмахнул пальцами. Доктор скрестил руки своей спутницы на её груди, затем улёгся так же, и неподвижно замер. Если их тела и дышали, то едва-едва.

— Что вы с ними сделали? — проревел Саул.

— Теперь и Доктор, и Эйс находятся в моих владениях, — заявила Времяточец и закрыла дверь. — Думаю, мне уже пора присоединиться к ним. А вы пока что развлекайтесь тут одни.

Эмили провела взглядом уходившее существо. Какое же это непотребство, что такое чудовище ходит как маленький мальчик, имеет такие же пухлые пальчики и нескладные движения. Она снова подумала о том, не был ли это какой-то

больной кошмар, который всего лишь отражал её желание иметь ребёнка и её страх перед родами.

Гнев Саула сотрясал стропила.

— Мерзость! — беспомощно кричала церковь. — Грязная тварь!

Трэло смотрел на две фигуры, неподвижно лежавшие на алтаре. Они были похожи на древнего рыцаря и его оруженосца, которых похоронили после проигрыша в бою с драконом.

Трэло тихо произнёс над неподвижными телами молитвы.

Доктор шёл по коридору, у него была новая цель. Стены были покрыты изображениями: Академия, древние галлифрейские украшения, празднование Рождества 1973 года в ЮНИТ. В конце коридора повелитель времени на мгновение остановился перед внушительной деревянной дверью. На стене висела табличка.

— «Сим данное бюро утверждается как законный поставщик бесконечных мук», — прочёл Доктор. — Как остроумно. Как гадко.

Он поднял зонт и три раза сильно постучал им по двери.

— Итак, — сказал он сам себе. — Весь мир — театр. Сцена первая...

Дверь открылась. Он зашёл в приёмную и громко позвонил в звонок на столе.

Сестра оторвалась от своей книги.

— Я Доктор, — пришедший улыбнулся своей шутке. — Мне назначено.

Существо Черве-Бойл строило себе убежище. Клубы пламени из ноздрей маленькой драконьей головы прорезали полость в лунной скале. Чудовище размером с ребёнка заползло в эту полость, и слой лунной пыли запечатал его. Внутри Бойл свернулся, как зародыш в яйце, во сне драконьи черты расслабились и стали почти невинными.

Времяточец бегал по коре его головного мозга, деактивируя микросхемы, позволявшие ему пользоваться телом мальчика. На мгновение электронное существо хотело отключить весь мозг, прекратив инстинктивные дыхание и биение сердца, но затем решило, что это мясо может ещё когда-нибудь понадобиться. Не было смысла убивать всё, что под руку попадётся.

Часть уравнения Времяточца, которая контролировала Бойла, деактивировала всё, кроме последнего компонента, транспондера, размещённого в сером веществе мальчика.

Активировав его, математический монстр перенёсся обратно, к своему основному «я» в главном носителе. По завершении передачи транспондер отключился. Череп молчал. Никого — ни Бойла, ни Времяточца — не было дома.

Снаружи какое-то время задумчиво стояла Смерть. А затем, как и было спланировано, она начала рассыпаться в прах. Её последней мыслью было что-то грустное о розах.

Времяточец гладко скользнул обратно, в своё логово, программы сливались, новые данные загружались в память. Различия воспоминаний фрагмента управления Бойлом и основного тела вируса Времяточца были сопоставлены, и план действий был скорректирован.

Здесь, в своей естественной среде, формирующие Времяточца спирали данных обычно не обладали ничем, похожим на личность. Личность проявлялась лишь внешне, обычно тогда, когда Времяточец заражал живой мозг. Здесь же Катака была идеей, строго очерченной памятью, формировавшей лишь часть того, чем было это существо. Иштар была полезной маской для общения с существами из плоти. Однако мозгом, в котором сейчас поселился Червь, командовать было непросто, и для сохранения своей личности необходимо было полное воплощение. В отсутствие какого-то объединяющего принципа матрицы могли бы быстро повредиться, они стали бы мутантной комбинацией целей Времяточца и эго его носителя. Этого нельзя было допустить.

Поэтому, хотя в мозг носителя вернулся Времяточец, в голографическую систему, в ландшафт данных, образывавший память естественного мозга, загрузилась Катака.

Она всё ещё считала себя художницей и гордилась той иконографией, которую она установила в мозге. Большая часть её творений, к примеру, «пирс побережья Ностальгии», были там, куда она могла подглядывать лишь мельком, поэтому они были созданы естественным путём. То же касалось и Библиотеки, довольно распространённой метафоры для больших хранилищ данных, которые образовывались у природных существ. Правда, ей едва удалось проникать в эту область и контролировать её.

А вот Ад подчинялся только ей.

Он размещался в отделе памяти, специализировавшемся на управлении и обработке подавляемой информацией. Он был

связан с Провалом бессознательного. Здесь обрабатывались образы из снов, мощные старые символы, и беспокойные кошмары, они рационализировались либо вышвыривались обратно, откуда пришли. Иштар просто дала этому месту логичность, замысел. До того, как она вошла в эту страну страхов, тоски и снов, этот мозг бунтовал, готовился вышвырнуть её, сжать область заражения в точку и выдворить его. Как только она захватила это место и обосновалась в нём, субъект перестал сопротивляться.

Было такое впечатление, что его разум хотел пытки, нуждался в ней для того, чтобы очиститься от вины. Контроль извне был принят с радостью, как полоумный псих радуется анестезии.

Ступив в мысленный пейзаж памяти носителя, Времяточец бросила взгляд в Провал, в чёрные глубины, где лежали ответы.

Она задержалась лишь на секунду. Быть может, некоторые вещи ей лучше не знать.

Эйс рухнула на маленький стул и закричала.

Тонким, высоким голоском.

Её телу снова было восемь лет.

Итак, началось. Это будет настоящая боль. Ей нравилось её тело, она много сил приложила к тому, чтобы любить его, полагаться на него, находить в нём утешение. Это было такое несчастье, какого она никогда не представляла. Не настоящая боль, а жестокость, из-за которой хотелось спросить «за что?». Ни грудей, ни женственности, ни силы в руках. Лицо Эйс

сжалось от муки. Нет. Рано ещё. Это она переживёт. И следующую боль тоже. И следующую.

Преодолевая огромный физический страх, она заставила себя осмотреться. Не важно, как она выглядела, она Эйс. Не Дороти. И уж тем более не Дотти. Эйс.

Она была одета в свои старые розовый свитер и джинсы, сидела за партой. Первая парта, левый ряд. Это, по её опыту, было единственным способом добиться от учителей ответов на вопросы — быть у них перед самым носом. Позади неё сидела Шрила, которую она сейчас... тогда... даже не знала толком. А за Шрилой должен быть... не оглядывайся пока. Вначале привыкни к обстановке.

Солнце светило сквозь старые пыльные окна, увешанные рисунками и коллажами. Ранняя осень, за несколько недель до её смерти. Стены украшены опавшими листьями, державшимися на больших белых каплях клея. За учительским столом сидел мистер Уоткинс, на его старой лысой голове был нечёткий блик солнечного света. Он проверял тетради, а ученики молча решали задачи.

Эйс посмотрела в лежавшую перед ней тетрадь. Всё уже, разумеется, сделано, за две минуты. Если бы ей позволили, она бы весь учебник перерешала. Мисс Маршалл всегда ей так говорила, поощряя. А вот мистер Уоткинс, похоже, считал, что она мешает ему преподавать. Ты либо бунтарь, либо прилежный ученик. Учителя не понимали тех, кто был и тем, и другим, кто плохо справлялся с некоторыми предметами просто потому, что они не нравились, хотя, если бы она захотела, она могла бы справиться с большинством из них. Общение с социальным работником не помогало. На тебя

вешали ярлык, просто потому, что ты что-то взорвала и побила кого-то, кто очень сильно на это напрашивался.

Ручка мистера Уоткинса бегала по тетрадам, его очки поблёскивали.

Дверь в класс открылась, и Эйс обернулась, заметив, что Чеда Бойла сзади неё не было. Это было странно.

В дверях стоял мальчик, Санир, один из шестилеток.

И Эйс внезапно поняла, почему она тут оказалась, вспомнила ежедневный ужас этой сцены. Санир молча подошёл к мистеру Уоткинсу и обратился:

— Сэр?

Уоткинс поднял взгляд и вздохнул:

— И что ты сделал в этот раз?

— Мисс Хейнс прислала меня сюда потому, что я шумел в классе.

— Ну почему каждый раз одно и то же, несносный ты ребёнок?

Дети отвлеклись от задач, и Уоткинс, как обычно, играл на публику, превращая это в какую-то ужасную комедию. Санир был едва ли не единственным мальчиком в классе мисс Хейнс, которого наказывали, во всяком случае, единственным, кого она присылала к мистеру Уоткинсу, который был директором. Как минимум раз в две недели он появлялся перед классом, чтобы повиниться в очередных своих прегрешениях. Уоткинс театрально бранил мальчика, а затем нагибал его через своё колено и шлёпал его три или четыре раза.

На переменах говорили о том, что Уоткинс и мисс Хейнс встречаются. Но никто в этом не был уверен.

Уоткинс схватил мальчика-азиата за волосы на затылке и нагнул его через колено.

— Что же нам с тобой делать? — спросил он и замахнулся рукой.

Дороти в этот момент всегда хотелось уйти или остановить это, но она не могла себе даже представить, что сделает такое.

А Эйс не колебалась.

— А ну поставь его, мразь! — крикнула она, вставая. В классе зависла мёртвая тишина.

— Что ты сказала? — прошептал учитель, опуская руку. — Как ты меня назвала?

— Я сказала «мразь». Худших ругательств я в восемь лет ещё не знала.

Эйс опрокинула ногой парту и, на глазах поражённых одноклассников, подошла к столу учителя.

— Я ненавидела это место, и тебя ненавидела, потому что тебе нравилось делать это, — она сложила руки на груди и смотрела на побагровевшего учителя. — То, что ты заставил меня выглядеть, как ребёнок, ещё не значит, что я должна себя вести как маленькая.

Она ожидала, что Уоткинс попытается наказать её так же. И тогда она узнает, будет ли удар между ног менее болезненным, если ударит маленькая девочка. Но дверь снова открылась, и в класс вальяжно зашёл Чед Бойл.

— Простите, я опоздал, — пробормотал он, уставившись в пол, а затем поднял голову, и в его глазах сверкнула радость: — Что, снова проблемы с паком?

Эйс сверкнула на него взглядом, жалея о своём девчачьем виде.

— От человека не зависит то, кем он родился. У тебя самого проблем полно. Это по твоему лицу видно. Но это не значит, что тебе можно причинять боль другим людям. Не произноси больше это слово.

Весь класс взорвался хохотом.

— Какое слово, командирша Дотти? Слово «паки»? Тебе слово «паки» не нравится?

Эйс побежала на него, жалея, что у неё нет рогатки, или меча, или хоть чего-нибудь. Как ей драться по-взрослому? Сама попытка выставляла тебя ребёнком. С оружием она хотя бы себя саму смогла бы обмануть.

Боже, как же ей это было противно.

Бойл стоял и улыбался. Эйс ударила его со всей силы по животу, надеясь, что этим всё и закончится. Она уберётся отсюда. Но Бойл схватил её за руку, с пугающей силой заломал её, и Эйс вдруг оказалась распластанной на полу.

Уоткинс и Бойл стояли над ней. Дети смеялись и улюлюкали, даже Шрила.

Значит, они не ошиблись. Это был Ад. Худшее, что она могла себе представить — снова стать маленькой беззащитной девочкой. Дальше будет только хуже.

— Ты не сможешь уйти, — смеялся Бойл, поднимая её за волосы. — Тебе некуда деться. Мы будем повторять школу, и все мои друзья и учителя буду считать, что я самый лучший. Мы тебе покажем, что в тебе нет ничего особенного. Что ты просто дура, которая любит паков, и у которой мама шлюха. А потом, если тебе очень повезёт, я снова убью тебя кирпичом, и ты сможешь начать ещё что-нибудь, другую игру. Но ты не

бойся, Дотти. Я буду тебя навещать. Мне здесь нравится. Кто теперь тебя спасёт?

Рука, державшая Эйс за волосы, болтала её голову из стороны в сторону. Она уже была почти готова сдаться, позволить разуму сломаться и потеряться во сне о далёкой, потерянной красоте.

И тут дверь снова открылась. В сырую теплоту Ада вошёл поток прохладного воздуха, пахнувшего весной.

— Уроки окончены! — проревел Доктор. — Отпусти её.

Бойл выпустил волосы Эйс и сердито взглянул на пришедшего. В его грудь уткнулся кончик зонта.

— Послушайте, — начал Уоткинс, — вы не можете...

— Заткнись! Ты не настоящий, — сверкнув взглядом на учителя, Доктор повернулся к своей спутнице: — Эйс, как ты?

Эйс смотрела на него и моргала. Она думала, что заплачет от радости, но вначале ей нужно было сделать совсем другое.

— Ублюдок! — крикнула она.

Её удар сбил Доктора с ног.

ГЛАВА 6

Нанесённый ущерб

Многие люди моложе тридцати забывают, что Анархия живёт рядом с Юстицией. Они хорошие подруги, но иногда Юстиция слышит шум у соседей и решает, что пора этим воспользоваться... есть, конечно же, много способов добиться нужного.

Обзор Пола Трейвера
живого выступления Джонни Чесса в Моулсе.
«New Musical Express», 18.7.98

Доктор отступал в дверь, обратно в инфернальный коридор, затем ещё в одну дверь, распахнувшуюся позади него. Он пытался защищаться от сыпавшихся на него ударов рук и ног.

— Меня из-за тебя убили! — кричала Эйс. — Мерзавец! Я хочу жить! Я не хочу остаться здесь!

Доктор споткнулся, потерял равновесие и упал на спину. Эйс смотрела на него сверху вниз. Доктор скривился, увидев страдание на её лице. Она сжимала и разжимала кулаки, и скрипела зубами, чтобы удержать просившиеся наружу слёзы.

— Я ненавидела эту школу, — сказала она, словно сама себе. — Я хотела никогда сюда не возвращаться, но тебе это удалось. У тебя всё получается.

Доктор мрачно смотрел на неё.

— Ты хотела летать со мной. Я предупредил тебя о риске. После Фенрика секретов не было.

— Так почему же я тогда мёртвая?

Эйс отчаянно хотелось, чтобы был какой-то разумный ответ, что какой-то враг держал Доктора на мушке, и Доктор был вынужден позволить Эйс задохнуться. Доктор смотрел на неё с непроницаемым лицом.

— Я играл в игру. Я проиграл.

Эйс потупилась в землю, потом посмотрела в небо, которое, как она только что поняла, было чудесного голубого оттенка, и пошла прочь, покусывая губу.

Глядя ей вслед, Доктор встал.

— Я пришёл за тобой! — крикнул он. — Я пожертвовал собой...

Он замолчал. Она, не оборачиваясь, отмахнулась от его слов. Кроме того, эта фраза, похоже, встревожила самого Доктора. Жертвование. Он огляделся по сторонам. Они были в саду, среди роз. Над ними светило нежное английское солнце. Птицы пели, пчёлы жужжали, в воздухе струился аромат.

— Вот где мы, значит, — рассеянно пробормотал Доктор.

Эйс было знакомо это чувство. Оно начиналось в животе и опускалось в кончики пальцев ног. Оно возникало, когда кто-то особенный отправлялся в дальнюю дорогу. Оно возникало, когда с первого этажа доносились крики и удары. Оно возникало, когда ты была одна, потерянная, в двадцати миллиардах миль от дома. Она приложила ладонь к сердцу.

О, снова в норме. Снова взрослая. Слава Богу. Она так яростно набросилась на Доктора, что даже не заметила этого.

Обычно у неё с собой бывало что-нибудь полезное на такие случаи. Что-то, чем можно было убедить врагов в том, что её не удастся запугать. Воины не показывают страх. Но в этот раз враг не собирался уходить. Доктор просто отказался и от своей жизни тоже, его окончательно поглотило это коварное чувство вины, которое, как она всегда подозревала, было его главной мотивацией.

Ей придётся с этим жить. В промежутках между страданиями им придётся часто видеться.

Да. Это странно. Если это Ад, то почему этот сад такой прелестный? Может быть, контрасты нужны были для того, чтобы было что отбирать? Эйс подняла взгляд. В конце изгороди из белых роз в их сторону кто-то шёл.

Это был старик из библиотеки. Он шагал, опираясь на свою трость, в лацкане его сюртука была голубая роза. Эйс обратила внимание, что сейчас он был одет иначе: сюртук с фалдами времён короля Эдуарда. В его глазах сверкал интерес.

— Здравствуйте ещё раз! — улыбнулся он Эйс, и она неосознанно тоже улыбнулась ему.

— И вам здравствуйте. А вас за что посадили?

Мужчина на мгновение задумался, приложив палец ко рту.

— Грех гордыни, — определился он. — Да, за это. Я слишком высокого о себе мнения.

— То же мне, грех, — фыркнула женщина из Перивейла.
— Вы держали себя с достоинством. И что?

— Ах, детка, вы не понимаете. Вы не понимаете. Довольно часто я сам удивляюсь тому, что я делаю. Удивляюсь и тревожусь. Как ваши успехи?

— Нормально. Ну, буду вечно страдать, не могу улыбаться, но нормально.

— Хорошо, хорошо! — засмеялся библиотекарь. — Что же, у меня для вас есть кое-что, — он полез рукой за спину. — Вуаля!

Её куртка. Её магнитофон. Эйс бросила куртку на траву и начала проверять содержимое карманов. Всё было на месте: фотография Джонни «Гитары» Чесса с автографом, прядь шерсти человека-гепарда, рогатка. Она посмотрела на эмблему на спине куртки, просто на всякий случай.

— Эйс, — прошептала она и надела куртку. Затем взяла в руки магнитофон. — У меня его при себе не было, когда я влипла в это дело, — подозрительно посмотрела она на старика. — Откуда вы его взяли?

— А! — засмеялся он и постучал себя пальцем по носу. — Я могу что угодно сделать, юная леди!

— Ага, — Эйс сложила куртку и тоже легонько постучала его по носу: — Я тоже. Спасибо.

Старик отвёл голову немного назад. Но продолжал улыбаться.

Эйс ещё раз взглянула на фанатскую фотографию. Джонни Чесс. Когда ей было четырнадцать, она по уши в него влюбилась. Она пришла на встречу в фанклуб, и он туда действительно пришёл, величайший сын рока, вместе с гитарой. Она была знакома с одним из членов комитета, и он пустил её за кулисы поговорить с её героем.

Она хотела быть такой же крутой, как Джонни, просто поздороваться, постараться вести себя так, словно он нормальный человек, а не квинтэссенция её мечты.

— Как поживаешь? — сказала она, стараясь не смотреть ему прямо в глаза.

— Хорошо, — ответил он.

Разговор пошёл гладко, похоже, ему нравилась её прямота. Но затем он словно испугался, начал хвастаться знаменитостями, с которыми ему доводилось играть, и в конце концов отошёл с отчаянно надменным видом. Она стала предметом, чем-то, от чего нужно защищаться. Страхом, с которым лучше не встречаться.

Она ушла из фан-клуба в слезах, дав себе слово больше никогда не любить никого, с кем она не знакома.

И вот такие чувства вызывал ней этот сад. В нём было ужасное чувство близости, как когда говоришь с кем-то малознакомым, и вдруг он предлагает тебе стать гораздо ближе. Всё это место было на краю какой-то ужасной подростковой пропасти, и это только усиливало в ней ощущение того, что годы улетают. Старые устремления четырнадцати лет, любовь и ненависть к Джонни Чессу — они все вернулись во всём своём масштабе.

Старик посмотрел через плечо на садовую дорожку.

— А! А вот и ваш друг!

Эйс решила уйти, но библиотекарь строго нахмурился и взял её за плечо:

— Мне кажется, что вам нужно поговорить с ним. Он приложил усилие. Теперь ваша очередь, так? Хм?

Эйс посмотрела на него.

— Ладно, дедуля, уговорил.

Доктор нерешительно стоял, наблюдая за разговором старика и Эйс. Наконец, он осторожно шагнул ближе, словно выходил на поляну, на которой было полно далеков.

— Привет, — сказал он, пытаясь пересечься взглядом со спутницей.

— Ага, — Эйс сосредоточилась на одном из цветков в зелёной изгороди. Он должен был быть чёрным, как все розы в этом ряду, но его лепестки были пёстрые, чем-то больные.

Доктор раскрыл рот, чтобы что-то сказать, снова закрыл его, а затем повернулся к библиотекарю, который протянул ему руку. Доктор лишь посмотрел на руку, и старику пришлось её опустить.

— Что наш враг тут сделал?

— Она пытается проникнуть сюда, растение за растением, куст за кустом. Зарвавшаяся шавка! Ты же знаешь, что и до её инфекции в саду не всё было в порядке.

— Да, да! — Доктор нетерпеливо махнул рукой. — Какие основные проявления?

— Я полагаю, что она радикально изменила биохим... био... и она это сделала по всему саду! Хм.

Доктор вздохнул. У Эйс было такое чувство, что Доктор и библиотекарь старые друзья. Вопросы сейчас казались не к месту. Впрочем, у неё самой было не то настроение, чтобы что-то спрашивать.

— Но она не всё контролирует?

— Ни за что. Я ей не позволю. Возмутительно!

Доктор внезапно словно расслабился.

— Хорошо, — пробормотал он и повернулся к Эйс. — Мы можем поговорить...

— Нет. О чём нам говорить?

Доктор опёрся на свой зонт, лицо у него было как у лиса, который собирается съесть кролика.

— О многом. Слушай...

Воздух сада сотряс громopodobный взрыв, и всех троих распластало по земле. Эйс инстинктивно прикрыла собой от посыпавшегося мусора старика.

На другом краю сада раздался знакомый смех.

— Бойл! — Эйс встала и схватила рюкзак. — Рядом есть зло. И ему пришёл конец.

Она побежала в ту сторону, откуда донёсся смех.

— Эйс! — закричал ей вслед Доктор. — Не...

Но она уже убежала.

— Не переживай, — улыбнулся старик, стряхивая с седых волос землю. — Она может и победить.

— Да, — пробормотал Доктор. — Этого я и боюсь.

Пробираясь по розовому саду, Эйс вспоминала один из разговоров с Доктором. Они тогда были в Гринвиче. Они шли по парку под Старой Королевской Обсерваторией. Сказав несколько энергичных слов о Ньютоне, Доктор переключился на более поэтическое настроение.

— «Роза пахнет розой», — размышлял он, — «Хоть розой назови её, хоть нет»¹². Это не так. Слишком поверхностно. Но Уильям был влюблён. Сильные эмоции меняют точку зрения.

Он словно завуалировано читал Эйс лекцию. Она старалась понимать.

¹² Перевод Бориса Пастернака.

— Значит, составить о чём-то мнение можно лишь тогда, когда есть контекст?

— Да. Как Оскар и его зелёные гвоздики. Люди его обожали, но не долго. Талант заимствует, гений крадёт.

— Что ты хочешь сказать, Профессор?

— Я хочу сказать, ищи контекст, а если его найти не удаётся, создай свой собственный. Тебе нужен эталон для сравнения.

— Ладно, — кивнула Эйс, сомневаясь, что она поняла.

По прошествии времени эта мысль казалась слишком зыбкой, чтобы хвататься за неё. В парке Гринвича мог быть инструктаж перед выходными в Аду?

Старик попрощался с Доктором и побрёл обратно к своим розам. Он грустно посмотрел на любимую клумбу. Они должны были быть цвета радуги, примерно как то воспоминание, к которому стремился Доктор. Ещё до начала текущих неприятностей почва стала излишне кислотной, слишком сухой.

Библиотекарь нагнулся, чтобы дотронуться до искривлённых, мутировавших бутонов. Их коснулось и преобразовало могущество Времяточца.

— О роза, ты больна, — пробормотал он.

Эйс зашла в лабиринт. Он был похож на тот, в который она когда-то зашла во время школьной экскурсии. Только этот был образован розовыми кустами, причём вдоль разных стен цвели розы разного цвета. Эйс остановилась и пощупала кончиком кеда покрытую росой траву.

— Мокро. Это плохо.

Над ней что-то на время заслонило солнце. Она вздрогнула и прищурилась, пытаясь рассмотреть, но ничего уже не было. У неё было такое чувство, будто кто-то за ней следит. Снова раздался смех, в этот раз недалеко от центра лабиринта.

Ясненько. Эйс вынула из рюкзака банку нитро-девять.

— Посмотрим, как ты играешь с большими девочками, — пробормотала она и пошла в лабиринт.

Доктор появился несколько секунд спустя, и успел лишь мельком увидеть, как она исчезает в проходе. Он смотрел ей вслед так, словно больше не рассчитывал её когда-нибудь увидеть.

Эйс быстро нашла противника. Чед Бойл стоял в центре лабиринта, закрыв руками глаза. Он подглядывал между пальцами, надеясь заметить движение в проёме в изгороди. К счастью, Эйс вышла у него за спиной. Она рассуждала о том, что это за игра такая, и почему вечные муки такие сложные. Внешний вид Бойла не вызвал у неё никаких сомнений. На нём был небольшой пистолет-пулемёт и связка гранат. На его маленьком теле оружие висело неуклюже. Эйс подумала о том, чтобы просто катнуть к маленькому психопату банку нитро-9, покончив с ним раз и навсегда.

Нет. Профессор бы это не одобрил. Почему её это до сих пор волнует? Они были в Аду, Эйс из-за глупой заповеди хорошо относиться к маме, а Доктор из-за бог знает каких преступлений. Может быть, далеки считались как люди. Нужно взорвать Бойла, чтобы у неё и свои грехи были.

Нет. К тому же, ей нужны физические нагрузки. Может быть, здесь она сбросит пару килограмм. Не успела в ответ

появиться мысль «зачем?», а Эйс уже шла. Бойл досчитал до восьмидесяти пяти.

Доктор медитировал, сложив ноги в классический лотос и зависнув на несколько сантиметров выше земли. Рядом с ним из земли торчал его зонт. Его губы беззвучно произносили слова.

Саул бормотал стишок, что-то о прекрасных цветах и об уничтожении планет.

Трэло удивлённо посмотрел вверх. Раньше Саул никогда не проявлял склонности разговаривать с самим собой. Это могло бы немного встревожить паству. Питер тоже говорил, он ходил по проходу, не слыша того шёпота, который Трэло слушал всю свою жизнь.

— Я просто хочу, чтобы мы как-то могли им помочь. Мы же даже не понимаем, что происходит.

Его жена встала и остановила его, положив руку ему на грудь:

— Перестань, так ты ничего не добьёшься. Задействуй свой мозг.

Её рука нащупала что-то. Она вынула из его кармана сверкающий амулет, который им дал Доктор.

— Интересно, что это такое? — задумчиво сказала она.

— Минуточку, — Трэло бродил между скамьями, глядя в потолок, откуда, казалось, доносился голос Саула. — Мне кажется, что Саул пытается нам что-то сказать.

Они все прислушались. Саул отстранённо пел, то и дело выходя за слышимый диапазон. Это было похоже на детский стишок, что-то простое и нежное.

Трэло вспомнил о том, как его отец, старый преподобный, познакомил его с Саулом. Это был октябрьский вечер, они гуляли в Бэджерс Крофт. С наступлением темноты Трэло-старший всё больше и больше убеждался в чём-то, в чём-то, что он находил в ответах своего сына. Он целенаправленно устремился через болота к церкви, а его сын старался не отставать. Седой старик отпёр дверь церкви, и молодой Эрнест Трэло с удивлением увидел, что там светло и звучит весёлая песня. Его это не напугало, потому что в этой песне он чувствовал то же самое доброе присутствие, которое всегда ощущал здесь. Всё своё детство он считал, что это Бог. Лишь повзрослев, он понял, что Бога найти не так просто, и после этого стал священником. Наверное, такой путь проходил каждый из Трэло. Саул и семья Трэло жили в симбиозе, помогая друг другу.

Трэло выглянул в окно, на лунную равнину. Это их самое большое испытание. Песня Саула стала громче и разборчивее, и преподобный смог разобрать слова:

Спаси меня от пустоты в моей голове ко времени,
Обратился к мудрецу проситель,
Или положи моё тело и
Назови меня мёртвым,
Чтобы мой разум больше не думал ко времени.

Трэло кивал, поглаживая подбородок. Это была почти поэзия. Странные, несвязные стихи. Но то, что поэзия вот так

явилась в Сауле, было очень странно. В ней, должно быть, какое-то послание.

— Обрывки ямбического пентаметра, — задумчиво улыбнулась Эмили. — Шекспир, правда, им бы не гордился. Он скачет явно намеренно, но настоящего поэтического эффекта не возникает. Постоянно то чего-то не хватает, то что-то лишнее.

— Звучит ужасно, — подал голос Питер. Ему было непривычно, что его жена говорит о чём-то, что он не понимает.

— Да, — согласилась она. — Да ди да ди да ди да ди да, да да да!

Лежавший на скамье ребёнок начал махать ручками в такт. Рядом с ним, скрытый от Хатчингсов, начал пульсировать синим свечением амулет, его свет плясал в такт тому же неровному ритму.

Эйс спряталась между рядом чёрных роз и рядом красных. Цветы должны быть хорошей маскировкой. Она сняла со спины рюкзак и начала искать в нём что-нибудь, пригодное в качестве оружия. Магнитофон, журнал «New Musical Express» 2018 года, тубик крема от прыщей. Если бы у неё была ещё горелка Бунсена и приличная система фильтрации... но зачем морочить голову, если на дне, аккуратно обложенные ватой, лежат две банки нитро-9? Эйс подумала, отразятся ли увечья в этом мире на состоянии Бойла в реальной жизни. Или это и есть реальная жизнь? Ей очень нужны были ответы на многие вопросы, прежде чем она могла что-то делать, ей нужен был контекст. Да.

В самом начале всего этого Профессор сказал, что малые события отражают большие, что подсказки к большой картине можно найти в самых неожиданных местах.

Она взяла журнал и начала листать его страницы. Это был тот номер, который Доктор брал у неё однажды на ночь, утверждая, что тут есть аспекты популярной культуры, которые ему нужно было изучить. Тогда она подумала, что это был всего лишь красивый жест, чтобы показать ей, что ему интересна её жизнь. «Каменные Розы — Слишком Стар Для Рока?», «Интервью Файф Триксабель Гелдоф». А вот и маленькие объявления. Частные. В начале первой же колонки её привлекло объявление:

«Эйс! Сзади!»

Эйс тут же кувыркнулась вперёд, и очередь автоматического огня разорвала позади неё живую изгородь. Закатываясь за вторую изгородь, она мельком заметила убегающего смеющегося Бойла. Эйс вынула из рюкзака первую банку. Это уже серьёзно.

Контекст. Создай свой, — сказал Доктор. К примеру, у неё аллергия на розы. Сад жалко, но... Она поставила счётчик на несколько секунд и швырнула банку в кусты.

Прошло несколько секунд, и банка взорвалась, подняв в воздух гору земли и розовых кустов.

— Хороший секатор, — ухмыльнулась Эйс, глядя на осыпающиеся вокруг неё лепестки.

Бойла задело взрывной волной на краю взрыва. Он упал и поцарапал сквозь скафандр колено. От неожиданности он вскрикнул. Здесь это не должно было случиться, это же была игра, понарошку; во всяком случае, для него. Он должен был

выиграть, быть боссом. Ангел сказала, что он должен мучить Дотти. Что она не позволит ничему плохому случиться с ним. Он ей нужен.

Нужен. Это было музыкой для ушей хулигана. Как и многие души до него, Чед Бойл был соблазнён идеей причастности. Если что-то от него зависело, если у него было предназначение, ему было не важно, что это за предназначение. Он просто выполнял приказы. Если бы он подбежал к своей маме с разбитой коленкой, она бы ему просто сказала, что нужно быть осторожнее, что он должен научиться следить за собой, потому что она не всегда будет рядом.

Между ним и Эйс было больше общего, чем они оба думали. Бойл осмотрел свои кровоточащие раны и утёр нос рукавом скафандра. Он не будет плакать.

Эйс шла по кругу, по краю созданной ей воронки, надеясь, что Бойл оглушён, что она сможет его разоружить. Воспользовавшись взрывом, она кое-что приготовила. Краем глаза она уловила какое-то движение и сразу бросилась за изгородь. Очередная автоматная очередь разорвала в клочья траву позади неё. Она бросилась по аллее из красных и оранжевых роз и спряталась в нишу буквально за мгновение до того, как Бойл свернул за угол и его маленькие глазки начали осматривать кусты.

— Выходи, выходи, — говорил он. — Один раз я тебя уже убил, Дотти. Я могу это сделать ещё раз.

Эйс чуть было не спросила, что он имеет в виду, но две вещи остановили её. Во-первых, она не собиралась сообщать

ему, где она находится, а во-вторых, где-то в глубине души она знала, что то, что он сказал, правда.

Это был конец сна. Кирпич опускался, заслоняя свет. Свет больше никогда не появится; Дорри, Дороти, Дотти, Эйс была мертва. Пригнувшись среди розовых кустов, Эйс дрожала от холода. Это не могло быть правдой. У неё было столько воспоминаний о том, как она росла, встретила Профессора, Ледяной Мир, друзья...

А с кем она дружила? Разве это не история, которую она где-то прочла? Её снова охватил холод, и она могла бы замёрзнуть окончательно, если бы в часах на её руке не сработал будильник.

Справа от Бойла что-то заревело. От неожиданности он обернулся и начал стрелять.

Магнитофон Эйс прокручивал пустую ленту до тех пор, пока не наткнулся на половину альбома «Aztec Camera». Выполняя свою работу, он проревел музыку на полной громкости, заверяя сад в том, что время не купишь, но можно продать душу, а самое похожее на рай... Тридцать жидких тефлоновых пуль, несущихся на сверхзвуковой скорости, разнесли его на кусочки. С магнитофонами Эйс такое часто случалось.

Нога Эйс врезалась в грудь Бойла, отбросила его назад. Она подбежала к нему, пока он отвлёкся на звук. В отчаянном рывке она схватила автомат. Упав на землю, Бойл выдернул чеку из гранаты. Эйс навела на него автомат и вдруг поняла, что ему не страшно, он вообще на это не реагировал.

Запал в гранате на две секунды. Она бросилась с автоматом прочь. Бойл кинул ей вдогонку гранату, но из положения сидя он кинул её недалеко, взорвав ещё несколько растений.

Сад постепенно превращался в поле боя.

Эйс прыгнула в кусты, ругая шипы, прокалывающие её рубашку. Бывали моменты, когда она отдала бы что угодно за бронежилет. Она осмотрела оружие. Дурацкий маленький словацкий автомат для грабителей. Она проверила магазин. Осталось половина патронов. Почему бы не воспользоваться ими?

Потому что Профессор бы так не сделал.

Нет, это она так не сделает. Он уничтожал планеты. Он держал её при себе в качестве орудия.

Она начала закапывать автомат под куст.

И тут куст разнесло взрывом.

Бойл швырял гранаты наугад, наслаждаясь звуком и разрушением. Он знал, что как только он бросал гранату, в его связке появлялась ещё одна. Тогда почему ему не дали новый автомат? Эти правила не честные! Ему должны были разрешить убить Эйс ещё когда она лежала на каменном алтаре.

Убить. Да. Однажды он это уже сделал, кирпичом на игровой площадке. Он вспомнил всю последовательность событий: Дотти подняла глаза, он поднял кирпич на строительной площадке и занёс его над головой девочки, обернулся, не видит ли его кто...

О, нет. Это был *он*. Он видел его, он стоял у ворот школы. Враг. Маленький человек. И он улыбался.

Но это значит...

Эйс схватила Бойла за воротник и врезала ему правым кулаком по челюсти. Мальчик упал на землю, потянулся к своим гранатам, но женщина уже сидела на нём сверху, молотя его по груди и по лицу. Она была вся в земле, у неё из десятков царапин шла кровь. На левой половине лица был большой синяк.

Эйс схватила валявшийся в развороченной земле камень и занесла его над головой Бойла, чтобы нанести последний удар.

— Стой!

Доктор стоял в нескольких метрах от неё, с трудом сдерживая гнев. Он яростно смотрел на Эйс, и на мгновение, когда она была готова проломить голову Бойла, их взгляды пересеклись.

— Ты мне не отец! Ты не можешь мне приказывать, Доктор!

— Я мог бы. Но я не буду. Если ты действительно хочешь этого, то давай. Оборви его жизнь. Разбей череп маленького мальчика.

— Ты уничтожаешь целые планеты, а потом...

— Мне приходится с этим жить! — его рёв был такой громкий, что Эйс выронила камень.

А затем она побежала прочь, в хаотические ошмётки лабиринта. На мгновение Доктор замер от ужаса.

— Что я наделал? — прошептал он.

Воздух над ними задрожал и захохотал:

— То, что я хотел, чтобы ты сделал, повелитель времени, — над садом вертелась драконья пасть Времяточца. — Ты проигрываешь в этой игре из-за собственного эгоизма. Даю

тебе несколько мгновений на перегруппировку твоих сил! — продолжая смеяться, пасть снова исчезла.

Доктор измученным взглядом посмотрел по сторонам и принял решение. Он побежал по горящему саду.

Позади него осторожно пошевелился Бойл.

Эмили смотрела в синий камень.

— Ди да ди да ди... да ди да ди да... — напевала она. Камень в ответ пульсировал. — Кажется, что-то получается. В этом есть какой-то ритм, но я его никак не уловлю. Так и знала, что гуманитарные предметы тоже когда-нибудь понадобятся.

Питер погладил её волосы и улыбнулся:

— Возьму на заметку, дорогая, но что это значит?

— Мы с Саулом подумали... — к ним подошёл Трэло, неся тарелку с печеньем, которое у него было припасено в ризнице. Хатчингсоны с благодарностью угостились. — Похоже, что эта песня определённо является сообщением, пускай и непонятным.

— Я не вижу снов, — хоровым голосом сказал Саул, — но ощущения были очень похожие на то, как описывал мне сны преподобный. У меня было сильное ощущение, будто я в каком-то саду, а рядом со мной ментальная сигнатура, которая у меня ассоциируется с Доктором.

— Что же, значит, он всё ещё жив, — пробормотал Питер.

— В этом я и на минуту не сомневался, — сказал Саул. — Разум Доктора перенесён в какую-то реальность, альтернативную нашей. Эйс тоже забрали туда.

— Да ладно вам, — Питер засмеялся. — Что это означает? Что они спят?

— Нет, — ответил Саул немного обиженным голосом. — Вся их память была перенесена в другую физическую реальность. Если их в той реальности уничтожат, эти тела нечему будет заселить.

— Тогда почему у Доктора двигаются глаза?

Питер подошёл к алтарю, жуя печенье. И действительно, лицо у повелителя времени дёргалось, словно ему снился неприятный сон.

— Потому что... да, вы правы, — согласился Саул.

Питер гордо кивнул, довольный, что и от него была, наконец, польза.

Доктор зашёл в ивовую рощу. Сад начал восстанавливать свою мирную природу. Где-то рядом журчал ручей.

Она сидела у ручья, оперевшись спиной на одно из деревьев. Эйс смотрела прямо вперёд, лицо было суровое, слёз не было.

Доктор сел рядом с ней и снял шляпу.

— Привет, — без выражения сказала Эйс.

Он положил руку на её плечо, но она её стряхнула.

— Прости меня, — сказал Доктор. — Мне не следовало кричать.

— Ну почему? Хуже уже ведь не будет?

Доктор вздохнул, тербя поля шляпы.

— Мы в другом измерении, которое частично контролируется Времяточцем. Это всё, что я могу тебе сказать.

— Я мертва?

— И да, и нет.

— Ты можешь хоть раз ответить прямо? В этом месте, по крайней мере, в некоторых его частях, полно всякой всячины из моих кошмаров. Если это и не Ад, то очень на него похоже. И почему здесь ты?

— Я пришёл за тобой, потому что мне нужна твоя помощь.

— Пришёл забрать свою пешку, да?

Эйс так злилась, что не могла даже посмотреть на Доктора.

— Ты не пешка. Времяточец надеялась поссорить нас тем, что ты убила Бойла...

— А если бы я его убила? Что бы ты тогда делал? — она повернулась лицом к нему и поразилась боли на его лице.

— Я не знаю.

Она отвернулась и обняла колени.

— Я не такая. Я бы не сделала это.

— Нет. Не сделала бы. Это урок, который мне нужно запомнить — не вмешиваться тогда, когда этого не требуется. Я не мог рисковать.

Он говорил отчаянно, словно сила его слов могла её убедить. Но он не объяснил о её смерти, и о той черноте, которую она помнила с детства, и о том, что съедало её прошлое.

Где-то в этих играх Доктора ею пожертвовали. Эйс поставили на кон.

— Не в этот раз, Доктор, — сказала она, вставая. Таким холодным он её голос ещё не слышал. — Пойдём разбираться дальше с этими вечными муками?

Доктор пошёл за ней. Эйс вышла из роши, молча сдерживая в себе жуткий гнев. Она шла на три шага впереди него и не оборачивалась.

Времяточец извивался и смеялся от удовольствия. В доспехах Доктора появились первые трещины.

Следующая игра расколет эти трещины.

Подготовит к смертельному удару.

ГЛАВА 7

Сожаления

*Я имел разные формы до того, как меня выпустили;
Я был изящным заколдованным мечом...
Я был каплей дождя, я был лучом звезды;
Я словом был из букв, я раньше книгой был;
Из-за меня поле покроется кровью, сотня воинов на нём...
Длинные и белые мои пальцы, давно я не был пастухом;
Я жил как воин, прежде чем стать человеком букв;
Я странствовал, я спал на сотне островов, я жил в сотне крепостей.*

«Битва Деревьев» (Cad Goddeu),
приписывается Мирддину (Myrddin).

Через какое-то время Эйс стало тяжело дышать. Что-то её труп в плохой форме. Сады, казалось, не имели края: бесконечные проходы между живыми изгородями, множество оттенков роз.

Когда они прошли примерно полмили, Эйс остановилась.

— Не может же это продолжаться вечно? — сказала она, обернувшись через плечо.

Доктор шёл за ней в полной задумчивости. Он что-то бубнил себе под нос.

— Может. Это измерение может оказаться бесконечным.

— Я не об этом. Я о том, что я дуюсь на тебя.

— Надеюсь, что это прекратится. Но это я втянул тебя в это. Я как раз только что думал о способах вытащить тебя отсюда.

Эйс села на траву, постелив куртку.

— Отсюда есть выход? Почему ты об этом не сказал? Куда он ведёт? И где мы вообще находимся? Боже мой, Профессор, ну где ответы, а?

Доктор сел рядом с ней на куртку, но не вплотную к ней.

— Итак. Ответы на твои вопросы. Да. Потому что в других обстоятельствах я бы не стал даже думать об этом. В настоящую реальность. В другом измерении, возможно вымышленном.

Эйс несколько секунд разбиралась, какой из ответов к какому вопросу относится. Затем она кивнула и сложила руки на затылке:

— Хорошо, переходим ко второму шагу. Почему ты об этом не думал?

Доктор помолчал, видимо, взвешивая варианты.

— У меня ужасное подозрение, что мной манипулируют. Кому-то нужно, чтобы я поступил именно так. В данный момент мы всё ещё целы как личности. Выбрав же этот путь, мы можем лишиться даже этого.

— Я в любой момент готова выбрать вариант, который не ведёт к верной смерти, Профессор, ты знаешь это. Давай возьмёмся за него.

— Я ещё не завершил осмотр местности.

Эти абсурдные слова были произнесены с таким угрюмым упрямством, словно они скрывали более глубокие причины,

что-то, что Эйс не было дозволено знать. Она встала, покачала головой и отвернулась.

— Что же, когда закончишь, крикни, — проворчала она. Через секунду она всё-таки не выдержала и обернулась через плечо: — А что ты имеешь в виду под «настоящей реальностью»?

— Ту реальность, которую ты знаешь. Твоё измерение, каким оно есть без вмешательства Времяточца. Это место тоже в чём-то реальное. Вымысел тоже реален в некоторых запретных районах пространства-времени. Есть такие места, куда даже повелители времени не рискуют заглядывать.

— Но ты в них бывал?

— Да, — Доктор с сожалением улыбнулся. — Не намеренно.

Эйс это начало напоминать их беседы по вечерам, когда они уважали и заботились друг о друге. От того, что ситуация была знакома, реальность становилась ещё хуже. Она уже не помнила имя своего учителя химии, как выглядел Ледяной Мир, поразительные цвета и звуки временной бури, которая её перенесла. Ей было очень страшно, и что-то внутри неё, возможно гордость, не давало ей рассказать об этом Доктору. Но ведь и он ей тоже не всё рассказывал.

Она немного отодвинулась от него.

— Ты допустил мою смерть, да? Не намеренно.

Доктор глубоко вздохнул и посмотрел на лежавшую под ним куртку.

— Да, — пробормотал он. — По сути говоря, это верно. Эйс потёрла лоб.

— Я должна быть способна простить тебя. Это должно быть самым простым. Если бы я чувствовала себя взрослой, я бы просто обняла тебя, и всё, — она отошла на несколько шагов. — Но я не могу. Я не только умерла, меня что-то съедает изнутри. Я просто не могу.

Доктор грустно улыбнулся.

— Я понимаю, — сказал он.

— Из всех, кого я тут встречала, мне только тот старик понравился. Кто он?

— Мой старый друг, — вздохнул Доктор, — он очень храбро держится. Здесь должны быть и другие друзья, с одним из них мне нужно поговорить. Когда мы его найдём, мы сможем лучше понять, что происходит.

Эйс вдруг приняла решение, и в этот момент чёрная туча пронеслась по её сознанию, съев ещё несколько деталей её прошлого.

— Расскажи мне об этом выходе отсюда. Я хочу быть в состоянии выбраться без твоей помощи, если ты... если мне будет нужно.

— Да, — Доктор щёлкнул пальцами, и появилась карта. Он развернул её, расстелил на траве, прижал её углы камнями. — В этом мире есть семь основных районов...

— Откуда ты знаешь?

— Математика. Я провёл быстрый подсчёт сразу по прибытию. Ландшафт данных бесконечен в своих контурах, но содержится в ограниченном пространстве. Есть только семь главных зон, хотя есть множество меньших районов.

— Типа приёмной и библиотеки?

— Тут есть библиотека? — Доктор радостно улыбнулся. — Я так и думал, что должна быть. Хотелось бы мне узнать это место получше.

— А мне оно уже надоело, — Эйс ткнула пальцем в карту. — Значит, мы тут, в садах. А что в других зонах?

— Возможны варианты.

— Это зависит от того, кого там мучают?

— В некотором смысле.

— Послушай, — Эйс посмотрела ему в глаза. — Это что-то вроде Ада, да? Это не просто другая планета? Откуда у тебя есть карта?

— Карта — всего лишь символ, полезная идея. Но из маленьких символов...

Она качала головой:

— Нет! Доктор, хватит с меня уже этого!

— Значит, не верь мне. Сердись на меня. Ненавидь меня. В любом случае, это не Ад, вернее, это не твоя субъективная идея о вечных муках. Это приватное измерение, в которое вторглась Времяточец, где добро пытается сражаться со злом.

Он посмотрел на Эйс:

— Это очень личный Ад. Посмотри сюда, — он постучал пальцем по карте. — В центре, в самом сердце этой темноты есть Провал. Он ведёт ко всевозможным ужасам. Туда нам нужно идти.

Эйс запомнила то, что лежало между Садами и Провалом. Нужно было пересечь реку, после очередного большого здания. Здания формировали нечто вроде спирали вокруг центрального Провала, реки служили разделителями. Всё в целом выглядело похожим на какую-то мандалу, большое

колесо, которому было бы самое место на обложке пластинки каких-нибудь хиппи. Она постаралась всё это запомнить, но не была уверена в том, сколько карта продержится в её памяти. Провал был чёрным пятном, почти дырой в центре карты. Никаких «там водятся драконы», просто пятно, быстро нарисованное безрассудным, перепуганным картографом.

— Значит, нам нужно спуститься в этот провал?

— Если мы хотим что-то изменить... — Доктор снова замолчал, в очередной раз поражённый осознанием. — Да. Нам придётся туда спуститься. Итак, раз мы решили отсюда уйти, должна быть... Ага.

В воздухе возникла дверь из старой сучковатой дубовой древесины, окружённая спутавшимися стеблями роз.

— Если бы это была компьютерная игра, — заметила Эйс, — она была бы нарасхват.

— Спасибо, — почему-то сказал Доктор.

Он раскрыл дверь.

Времяточец осмотрела территорию, которая сейчас подчинялась ей. После изначального вторжения и подключения к хранилищу-телу прогресс шёл медленно. Центры восприятия, пирс и пляж пали первыми, а затем быстро последовал цирк шишковидной железы. Комплекс данных памяти — Библиотека — потребовал серьёзной осады. Крупные внутренние помещения были закрыты ментальной стеной, которую удалось пробить лишь дважды. Этому помогло прибытие Эйс.

Времяточец создала свою игровую площадку на невозделанных плато памяти. Приёмная и школьный класс

Бойла были абсолютно новыми сооружениями, основанными на личном опыте носителя. Предоставление Бойлу творческой свободы было, пожалуй, ошибкой, но самым быстрым способом стереть личность Эйс было постоянное расшатывание Бойлом её эго. Уже само его присутствие способствовало этому. Однако отчуждение между ней и Доктором было всё ещё недостаточным. Пришло время раскрыть ещё одну ужасную правду об этом повелителе времени, — решил Червь. Создать ещё одну трещину в его сияющих доспехах.

Они снова оказались в приёмной. Медсестра выжидающе посмотрела на них:

— А, вы вернулись со своего первого мучения? Как оно прошло?

Доктор сурово посмотрел на неё:

— Какая-то вы стереотипная. Очень ограниченная личность, не очень страшная.

Медсестра снова посмотрела в свой блокнот:

— Не торопитесь с выводами, Доктор, — проворчала она.

Доктор осмотрел комнату. Сейчас в ней никого не было.

— Профессор... — начала Эйс.

Она думала о своём первом поцелуе, о том страшном, внезапном событии, случившемся возле молодёжного клуба одной морозной ночью, когда ей было тринадцать лет. Ей пришлось выманить туда этого парня и почти прижать его к стене, чтобы он понял, наконец, чего она хочет.

Но воспоминание пропало, пока она о нём думала. Она не знала, кто это был и где. Что-то о юности. О чём она думала?

Всё прошло. Осталось лишь нарастающее ощущение утраты. О чём она хотела спросить Доктора? Да, точно.

— Профессор, когда я была тут в последний раз, я подумала... не сделала ли я что-то плохое?

— Все мы делали что-то плохое, — мрачно пробормотал он, внимательно изучая вид из окна.

— Нет, у меня было такое чувство, будто я сделала что-то реально ужасное, типа убила тысячи людей. Ты об этом ничего не знаешь?

Из-за его молчания у Эйс появилось ужасное чувство, что Доктор знал об этом всё.

— Ты знаешь, — начал он с нерешительностью, которая говорила о том, что это очень важно, — когда я воспользовался Рукой Омеги для уничтожения Скаро, я вовсе не был уверен, что поступаю правильно.

— Заткнись! — крикнула Эйс, зажав уши руками. Затем, вздрогнув, она опустила руки, поняв, что не зажимала себе уши с двенадцати лет. — Не нужно мне нотаций, — сказала она, уже тише. — Мне их хватает от социального работника. Я просто хочу знать.

— Я пытался сказать тебе... — начал Доктор, но снаружи послышалось какое-то движение. К ним приближалась какая-то процессия.

— Доктор, — умоляла Эйс, — пожалуйста, скажи мне. Это последнее, на что я могу опереться — что я не виновна. Пожалуйста!

Доктор, похоже, просчитывал десятки вариантов.

Внутренняя дверь открылась. В неё вошёл великан, колосс в ниспадающих одеждах и угловатой металлической маске.

Доктор смотрел на него в шоке и тихо шептал какое-то древнее галлифрейское ругательство. Вслед за этой фигурой шёл целый парад других: повелители времени в полных церемониальных облачениях, лица которых были полны ненависти и осуждения, трёхглазые существа-рептилии, колонна солдат ЮНИТ, и чёртова дюжина далеков, отчаянно вертевших по сторонам своими сенсорами.

Доктор оцепенел. Шеренга за шеренгой, они заполняли комнату, друзья и враги — краткая история его жизни. Одна из рептилий направилась к Эйс. Видя, что Доктор лишь молча смотрит, Эйс шагнула назад.

— Не бойся, — прошипело существо, медленно моргая третьим глазом. — Мой народ цивилизованный, я не желаю тебе зла.

— Что-то новенькое, — ответила Эйс. — Все остальные здесь только этого и хотели.

— Я всего лишь хочу обратиться к тебе, спросить у тебя... Почему ты связалась с этим существом? — рептилия указала на Доктора.

Что же, хотя у Эйс и были сомнения на этот счёт, она на это не купится:

— Потому что он мне нравится, трёхглазый! А тебе-то что?

— Он уничтожил мой народ, кладки моих яиц, всю мою цивилизацию. А затем, когда несколько выживших реорганизовали свои силы, он и их убил.

— Я тебе не верю.

— Подумай, что Доктор сделал с тобой. Он способен на что угодно, как только определит, что есть зло, а что добро. И если ты окажешься по другую сторону этой стены, у него не

будет ни жалости, ни сомнений. Даже те, кого он любит, будут вовлечены в сражение, использованы и принесены в жертву.

— Доктор! — крикнула Эйс, пытаясь привлечь внимание повелителя времени. — Скажи ему, что это не правда!

Доктор смотрел в центр толпы. В уголке его рта дёргался мускул. Он увидел что-то, что ему не понравилось.

Три фигуры шли сквозь толпу, остальные уступали им дорогу. Они шагнули вперёд, к Доктору, а он шагнул назад, на его лице была смесь недоверия и... да, теперь Эйс не сомневалась — страха.

Одна из фигур вышла вперёд и поклонилась Доктору. Это была молодая девушка в классическом платье. Она была белая от холода, на висках виднелись голубые вены. На её лице образовались линии инея, подчёркивавшие напряжённые мускулы. Она постоянно дрожала; когда она попыталась заговорить, её зубы стучали. Но глаза у неё горели страстью мученицы, религиозным чувством, которое заставило её опуститься перед Доктором на колени перед тем, как заговорить. Эйс была уверена, что где-то уже видела её.

— Я первая жертва, — сиплым голосом сказала девушка. — Я Катарина, с готовностью умершая за своего господина, потому что смертью я ему помогла и исполнила свой долг. Я умерла, когда меня вынесло из шлюза, я взорвалась в вакууме космоса. Я умерла ради восхитительной, фантастической, красивой лжи!

Её дрожащие руки потянулись вверх, чтобы получить благословение Доктора, но он лишь смотрел на неё, не в силах даже пошевелиться от шока.

— Не касайся её, Доктор! — крикнула Эйс, заметив, что воздух вокруг замёрзшей женщины дрожит. Она хотела чем-то помочь, но рептилия её удержала.

— Не помогай ему, — посоветовала она. — К добру это будет или нет, но Доктор должен это сделать, — и её третий глаз быстро заморгал.

Вперёд вышла ещё одна женщина. Она была одета в красивый мундир, на бедре у неё был пистолет. Значок идентифицировал её как «Кингдом». Пока она была в толпе, она выглядела лет на тридцать, но по мере того, как она выходила, годы словно поглощали её. По её лицу побежали морщины, волосы поседели и сжались, спина сгорбилась, шаги стали неуверенными. Подойдя к Доктору, она уже едва держалась на ногах.

— Я вторая жертва, — прохрипела она. — И это хорошо, потому что своей смертью я послужила моей планете, исполнила свой долг. Я умерла за свободу, за патриотизм. Я умерла от старости в сиянии Уничтожителя Времени, моя молодость была сметена одним движением. Я умерла из-за огромной ошибки.

Она тоже упала перед Доктором на колени, клочья её кожи сыпались на его туфли.

Доктор продолжал смотреть на них, не в силах пошевелиться.

— Нет, — прошептал он. — Прекратите это. Я видел достаточно.

Из толпы, завывая, вырвался паренёк. У него была копна тёмных волос, одет он был жёлтую куртку, но пока он бежал к Доктору, его одежда воспламенилась, кожа стала покрываться

ожогами, из тела вырывалась сгоревшая плоть, и он упал у ног Доктора, похожий на живой вулкан. Он поднял голову, пылая и воя, его слёзы кипели и превращались в пар.

— Я третья жертва! — кричал он. — Смертью я послужил собственным ошибкам, и исполнил свой долг перед ним! Я умер из-за несчастного случая! Я не хотел умирать! Он не вернулся за мной! Верни мне мою жизнь!

Последние слова он простонал в приступе боли, его лицо развалилось. Ничего не видя, он потянулся руками к Доктору, и тот с отвращением потянулся рукой навстречу.

— Адрик, — прошептал он.

Замерзающая девушка неодобрительно посмотрела на него.

— Нет, — сиплым голосом сказала она. — Не касайся его. Он тебя ранит, — она протянула руку ко лбу мальчика, и огонь встретился со льдом.

Взрыв разметал всё, что было в комнате, стены залило белым, таким ярким, что Эйс пришлось отвернуться. Звук был оглушительным, он сотряс комнату и повалил всех на пол.

Когда стало тихо, Эйс встала и осмотрелась; в ушах стоял звон. Поражённый Доктор стоял и не двигался, его одежда была закопчена и изорвана. Перед ним лежал круг пепла. Его глаза были открыты, и в них появилась капля какой-то новой силы, словно он мельком увидел Ад, но выжил. Все, кто был до этого в комнате, исчезли, и Эйс подбежала к Доктору и помахала рукой у него перед глазами.

— Доктор, что происходит? Кто они такие?

Дверь снова открылась, и в комнату вальяжно зашёл Бойл. Он сложил руки за спиной и насмешливо улыбался. Эйс

гневно на него посмотрела, стараясь сдерживать детский страх, который он в ней вызывал.

— Оставь нас в покое, мерзавец, — крикнула она. — У нас и без тебя проблем хватает.

Доктор холодно взглянул на Бойла. Похоже, он приходил в себя. Он сделал небольшой, но решительный шаг к Бойлу.

Бойла это встревожило. Правила снова нарушены. Взрослый вмешивался.

— Не смотри на меня так! — кричал он. — Не смотри! Я ничего не делал!

— Большое и маленькое, — пробормотал Доктор. Он словно спорил сам собой, но его слова были адресованы Бойлу. — Ты не сделал ничего большого, по крайней мере, в космических масштабах, но для некоторых из твоих жертв ты был самым важным существом во вселенной. Твоё имя их пугало, оно стало властным словом. Всего лишь одним из слов в большом словаре, но таким, которое некоторые из них не могли даже заставить себя произнести. Твоё преступление стало большим по случайности, как насосавшаяся крови блоха, попавшая под микроскоп. Но вся вселенная вращается вокруг таких случайностей.

Силы покинули Доктора, он опустился в кресло.

— Мне тебя жалко, — вздохнул он.

Бойл и Эйс посмотрели друг на друга. Было такое ощущение, словно их игре помешали. На мгновение Эйс почувствовала, что этот монстр ей ближе, чем Доктор, поглощённый своими сожалениями.

— Это были люди, которых Доктор убил, — усмехнулся Бойл. — Он круче, чем я думал. Он громила.

— Неправда. Он хороший человек, не смей говорить иначе. Не смей, не смей, не смей!

Эйс была рада, что Доктор снова погрузился в размышления, потому что она чувствовала, как её собственная взрослость растворяется в безмолвной злости, которую она испытывала много лет назад.

— А не то что?

— А не то я... закричу!

Эти слова её шокировали своей искренностью. О Боже, если и был выход из этого кошмара, теперь до него точно не добраться. Доктор сбит с толку, её разум куда-то утекает, разве может что-то стать ещё хуже?

На потолке сформировался тёмный вихрь, который по спирали потянулся к Бойлу, с рёвом обрушился на его голову, глаза, уши. Эйс наблюдала за этим отстранённо. Больше не было ни страха, ни удивления. Она знала, что происходило с кричавшим мальчиком. Времяточец забирал обратно своего носителя.

В этом измерении, где царил Времяточец, лицо Бойла легко превратилось в драконью морду, место плоти заняли металлические изгибы. Здесь повелителем реальности был он.

— Добро пожаловать в мой мир, — сказала существо. Мягкий женский голос быстро приспособился к новым зубам.

— Можешь им подавиться, — ответила Эйс, цепляясь за остатки своей взрослости. — Оставь нас...

— Нет, Эйс, — прошептал сидевший в кресле Доктор. — Пусть говорит. Я уверен, что ей есть, что нам сказать, не так ли, Иштар?

— Иштар... — Времяточец замолчал, призывая абстракцию человеческой души, — ...здесь. Ты, похоже, устал, повелитель времени.

Эйс чуть не кивнула. Доктор выглядел очень старым. Если его хоть когда-нибудь можно было назвать слабым, то именно сейчас. Из всего, что Эйс увидела в этом кошмарном мире, эта перемена была самой страшной.

— Я слишком умён, чтобы уставать, — пробормотал Доктор. — Но я не настолько устал, чтобы не умолять. Отпусти Эйс, Иштар. Твоя ловушка сработала, ты заставила меня прийти сюда, чтобы спасти её. Теперь ты можешь её отпустить.

— Нет. Мне она нужна не только для этого. Бойл настаивает на продолжении игры с ней.

— Ты рассчитываешь, что я заговорю? Расскажу тебе о моих секретах?

— Нет, мой дорогой Доктор. Я рассчитываю, что ты умрёшь. Я рассчитываю, что тебя поглотят водовороты этого измерения, а твоё эго расколется, налетев на риф правды.

— И поэтому ты столкнула меня с моим бременем, да? Это было не очень умно, Иштар, не стоило тратить на это силы.

Эйс решила, что она многое пропустила. Но смысл она поняла. От растягивания их агонии было мало толку, и если только Времяточец не была такой же садисткой, как Бойл, она замыслила нечто совсем другое.

— Тебе меня не понять, Доктор. Я имитирую действия тигра.

— «Светло горящий»¹³? Действительно, «Соразмерный образ». Блейк бы тебя понял. Ты мечешься между своими устремлениями и базовой потребностью сохранить жизнь. Ты как одна из «Песней Невинности и Опыта»: опасная, умная, — он загадочно улыбнулся, — но не такая утончённая, как невинность.

— Ты, наверное, пытаешься вынудить меня раскрыть карты. Вот почему ты настаиваешь на том, что я Иштар, потому что с настоящей мной у тебя это не получится. На самом деле я явилась, чтобы поговорить с Эйс.

— Не о чем мне с тобой разговаривать, — хмуро ответила Эйс.

Времяточец повернулась к ней:

— Я показала тебе судьбу некоторых его бывших спутников. Это всего лишь некоторые из тех, кто погиб во имя Доктора.

Доктор слегка приподнял голову, используя оставшиеся силы для того, чтобы опровергнуть обвинение:

— Они отдали свои жизни ради своих народов, ради лучшего будущего...

— Неправда. Я была там, Доктор. Я стояла рядом с Адриком, пытавшимся управлять падающим грузовозом. Он вовсе не стремился стать мучеником. Он изо всех сил старался избежать этого. Ты и я знаем, что его смерть была очевидной, что его судьба была в том, чтобы поспособствовать вымиранию динозавров. Даже не вызвать его. Настоящей

¹³ Речь идёт о стихотворении Уильяма Блейка «Тигр». Использовался перевод С. Маршака.

причиной было появление на орбите Земли Луны. Ты не мог не знать...

— Я не знал. Тогда ещё не знал. Я был моложе.

— И не было ли самопожертвование Катарины вызвано её неосведомлённостью? Она так сильно верила, верила, что ты бог, что совершила буквальное жертвоприношение. Она считала тебя своим билетом в рай.

— Я ни о чём не сожалею.

— Я наблюдал, как ты наказывал свою спутницу за то, что было в Гэбриел Чейс, использовал её возмутительнейшим образом как вместилище проявления Фенрика.

— Это тебя не касается, дрянь, — вмешалась Эйс. — У тебя нет права...

— Ты знаешь географию этого мира, — заявила Времяточец. — Ты знаешь, что есть выход... — в мягком голосе была злая насмешка.

— Зачем ты даёшь нам надежду? — проревел Доктор. — Кончай уже с этим. Уничтожь нас.

— Я желаю твоего отчаяния, Доктор. А отчаяние невозможно без надежды. Идём со мной, и ты увидишь ещё отчаяние.

Эйс чуть не вскрикнула — они снова исчезали.

Питер делал набросок ритма, который напевал Саул. Музыкант записал бы это нотами, кто-нибудь другой мог бы обратиться к точкам и тире, но Питер был математик, и он хотел увидеть форму того, что он слышал.

Живая церковь, которой сообщили о звуке, ответила, что несколько минут назад звук прекратился. А сейчас он

возобновился, громкий и ясный, и Саул добавил громкости. Слова шли то в ритме, то выпадая из него, то становясь громче, то замолкая.

— Я чувствую ритм, он что-то мне напоминает... он не строгий. Вертится у меня в сознании. Но слова разобрать не могу, — Питер задумчиво прикусил кончик карандаша. — Немного напоминает эпическую поэзию.

Эмили сидела рядом, положив руку на его плечи.

— В них есть что-то похожее на книги Мабиноги. Звучит так, словно это какое-то устное предание, записанное на бумагу, но также в нём есть, по крайней мере, в услышанных мной обрывках, фрагменты образов, похожие на Блейка, почти разоблачительные. Никогда такого раньше не слышала.

Трэло смотрел на пару, поглощённую работой. В окна церкви по-прежнему струился свет Земли, каменную кладку стен обжигало жёсткое излучение. В какую же беду они все попали! А Земля, бедная деревня! Какие же сильные эти двое, если сохранили разум, став свидетелями таких адских чудес. Быть может, они набросились на эту головоломку ради того, чтобы не думать о том, что вокруг?

— Да, — молча согласился с ним Саул, — но также я наполняю церковь слабыми альфа-волнами в псионном диапазоне. Они должны смягчать самые острые впечатления.

— Это не очень этично, — сказала Эмили, не отрывая взгляда от блокнота.

Затем она подняла взгляд и отвела со лба прядь волос.

— О, я опять подслушала?

— Да, — вздохнул Саул. — Вы одна из немногих людей, способных слышать меня психически. Вы очень особенная.

— Я всегда так считал, — улыбнулся Питер, взъерошив жене волосы.

Но Эмили зачарованно вспоминала прошлое:

— Питер, ты помнишь, как заходил ко мне на квартиру по вечерам, и мы делали мягкие игрушки и пили какао?

— Помню, и не только это.

— Дослушай, дурачок. Я всегда знала, когда ты придёшь. Я всегда ждала тебя у двери.

— Я думал, что у меня шумный велосипед.

— Я всегда знала, — Эмили встала и вздрогнула. — Знаете, иногда у меня такое чувство, будто за мной кто-то наблюдает... Это как в той строке из «Кэндлфорда». Меня любят существа, которых я не вижу.

Питер тоже встал, покусывая губу.

— В сложившихся обстоятельствах, может быть, нам лучше подумать о моей глупости, а не о твоей интуиции?

— Нет. Нет, всё в порядке. Как я могла не замечать? Ты помнишь эту вечеринку в Бате? В квартире Майлзов?

— Это когда Стивен снял с себя галстук и повязал его как бандану? Помню, но я не понимаю...

— Этот твой коллега, Лэйн, или как там его звали... Он бесился, как обычно, танцевал как сумасшедший. Он схватил меня и повёл к балкону, — Эмили устремила взгляд в бесконечность, вспоминая атмосферу, запах дыма и осенних листьев. — И мне удалось остановить нас за мгновение до того, как мы шагнули на балкон. Я ему сказала, что не собираюсь себя убивать, потому что у меня есть важные дела. Я посмотрела на небо... над городом поднималась большая полная луна, и в этот момент балки сломались. Они

проржавели. Весь балкон рухнул на землю, вместе с цветочными горшками.

— Я помню парня, который тогда сказал, что совпадений не бывает, — кивнул и улыбнулся Питер. — Здоровый кучерявый парень, который оделся, как на маскарад. Я тогда был так рад, что не потерял тебя.

— Саул, — Эмили посмотрела вверх. — Перестань напевать ритм вслух.

Церковь послушалась.

— Да, — тихо сказала Эмили, двигая пальцем как дирижёрской палочкой. — Я всё ещё слышу его. Теперь я понимаю. Такие красивые слова. Какое это откровение. Они чуть ли не выходят за границы языка. Они намекают на то, что увиденное автором далеко за пределами его способности выразить это...

Эмили начала танцевать с невидимым партнёром, возможно, с тем, который всю её жизнь присматривал за ней. Питер снова сел и наблюдал за ней. Если бы он так сильно не переживал, ему бы пришлось признать, что он немного ревнует.

Такого он не ожидал. Хеммингс улыбнулся. Впрочем, так, наверное, все говорят. Демоны его, конечно, схватили и протащили через ту странную приёмную. Но за дверью они его отпустили, извинились, отряхнули.

Всё это, по их словам, было представлением для спутницы Доктора, которую он, пытаясь вырваться, заметил краем глаза.

Хеммингс, по мнению демонов, был любимчиком Ада, из которого выйдет Инфернальный Князь. Ему в этом мире будет

выделена определённая власть, как подобает человеку его уровня в предыдущей жизни.

Вначале Хеммингс возмутился. Какая-то его часть, что-то, что еврейский шарлатан Фрейд несомненно прокомментировал бы, ожидала и даже хотела бесконечных мук. Так думала часть его. А другая его часть предвкушала Валхаллу, счастливую землю охоты, где он разделит с соратниками раблезианские радости. Не получить ни того, ни другого было странно и неприятно.

Демоны указали на огромную пустую белизну перед ним. Они сказали, что это — табула rasa, исходное сырьё для создания упорядоченной материи. Пространство было неограниченным. Здесь Хеммингс мог воспользоваться силой слова для создания собственного мира, своей Утопии. Здесь остался фундамент, заложенный предыдущим обитателем, которого выселили. Это не должно создать никаких проблем, а наоборот, даже послужит полезным примером и руководством. Предыдущий жилец был слабо похож на нациста.

Хеммингс посмотрел на пустоту и решил, что она хороша. Демоны поклонились и ушли.

Вначале он был недоверчив. Дьявол, как говорила ему мать, был очень хитёр. Но также она говорила, что у него есть все лучшие песни, и это оказалось неправдой, когда знамёна и громкие марши национал-социализма подтолкнули её сына к тому, чтобы вступить в Партию. Её религия была для неё важна, она много раз говорила об этом своему сыну, позволяя малышу играть с шариками её чётков. Что же, судя по этой загробной жизни, она в чём-то была права. Просто она

допустила обычную ошибку, приписав человеческую мораль действиям космического значения. Ад, как и геноцид, был слишком велик, чтобы быть добром или злом. Он просто был реален, реален как боль.

А маленький Руперт Хеммингс был мастером боли.

Облизывая губы, он попробовал сотворить линию, взметнув руку в салюте и опустив её. Линия появилась, грубая и чёрная, словно ребёнок прочертил углём. Удивлённо моргнув, он слегка махнул рукой, и по белизне пронеслась волна цвета.

Из волны цвета явился солдат, одетый в лёгкую униформу, которая была незнакома Хеммингсу.

— Капрал Блэнк, сэр! — солдат отдал честь, поднеся пальцы к виску.

Хеммингс нахмурился:

— Смените униформу, капрал... — он на секунду задумался, — Эллиот. А когда отдаёте честь старшему офицеру, делайте это как следует!

Униформа Эллиота стала чёрной, а рука взметнулась в правильном нацистском приветствии.

— Хорошо, — пробормотал Хеммингс, шагая вперёд.

Взмахи его руки открывали всё большую и большую территорию, и он пошёл осматривать место, а Эллиот семенил за ним следом.

— Кто тут жил раньше? — спросил Хеммингс.

— Он был немного хиппи, сэр. Держал тут взвод солдат только для того, чтобы было с кем поспорить. Ещё у него был виноградник...

— Что же, виноградник мы, пожалуй, оставим.

— И шоссе, по которому он гонял на своём автомобиле. А вон то его дом, сэр.

Последний взмах руки Хеммингса открыл простую лачугу, на которой висели украшения, в которых нацист разглядел символы дхарма-тела Будды. Здание было окружено невысокой живой изгородью.

— Что с ним случилось? — спросил Хеммингс. — Что с ним сделали те, кто тут главный?

— Он сотрудничал с врагом, сэр. Он взят под арест до вашего распоряжения.

Хеммингс кивнул:

— Что же, им мы займёмся позже. А пока что сожгите это. Примитивная дрянь.

У солдата появился огнемёт, он направил его на здание. Хеммингс повлиял на огонь, создал из него бушующее пламя, спалившее здание дотла в считанные секунды.

Он улыбнулся, рассматривая сполохи, отражавшиеся от внутренности его нового удела. Да, это заменит ему Рай. Но вначале нужно внести некоторые изменения.

Времяточец завершил перенос данных памяти Доктора и Эйс из одного помещения в другое и выпустил память Бойла на его игровую площадку.

Бойл снова носился по площадке, но в этот раз все школьники его любили и приглашали его поиграть с ними. Времяточец не мог понять, почему он вёл себя так, когда был один, и в то же время был так полезен в пытках Эйс, но Иштар в своём пространстве данных имела полезные воспоминания,

проанализировав которые, Времяточец стал понимать гуманоидов немного лучше.

Теперь вирусное существо пыталось увидеть ландшафт данных таким, каким его видел Доктор, создавая территорию как двухмерную карту. Он решил, что у этого повелителя времени был просто талант к аппроксимации. Ландшафт данных простирался не только в пространстве, но и во времени, а биологическая составляющая (человеческий термин, означающий биологическую аппаратную составляющую — Червю нравилось, как это звучит), в которой он был расположен, была переплетена симбиотическими ядрами. Они не поддавались анализу, что, учитывая ресурсы Времяточца, было поразительно. Они были, насколько существо могло понять, атомными ядрами, которые каким-то образом действовали разумно, координируя нервную систему носителя на гиперпространственном уровне.

Времяточец начинал понимать, что носитель представлял собой намного больше, чем просто разум. Само понятие памяти в таком существе было сложным. Воспоминания о будущем, об альтернативных возможностях выдуманных тахионных вселенных — ко всему этому был доступ.

Времяточец не знал, понял ли это сам носитель. Вопрос оставался открытым, он мерцал в спиральной структуре Червя.

— Чёрт!

Эйс осматривала город, в котором они с Доктором оказались. Огромные мосты соединяли небоскрёбы, туда-сюда сновали бесшумные монорельсы. Но всё это казалось фальшивым, как рафинированный мюзикл тридцатых годов.

Много прямых углов, а из невидимых громкоговорителей ревёт жизнерадостная музыка. Она посмотрела на Доктора. Он ошеломлённо оглядывался по сторонам, он был в ужасе.

— Это неправильно, — бормотал он. — На карте было не это.

Эйс пожала плечами:

— Может быть, карта неправильная. Но в любом случае, раз Времяточец кинул нас сюда, ничего хорошего тут не будет, да? Давай осмотримся.

Она пошла, затем оглянулась и увидела, что Доктор продолжает стоять на месте.

— Ну же, Профессор, идём!

Но Доктор заметил ещё что-то. На фасаде одного из зданий висело огромное полотнище. Свастика.

Эйс вернулась, чтобы посмотреть, что так заворожило повелителя времени.

— О нет, — вздохнула она. — Снова нацисты. Ненавижу нацистов.

— Я тоже, — Доктор посмотрел на знамя. — Особенно здесь. Это важное место. Оно не должно быть так украшено.

— Ты уверен, что раньше тут не бывал?

— Уверен. Но я хорошо знаю это место. И у меня здесь есть друзья. Один из них жил тут. Что же с ним случилось?

Хеммингс стоял перед своим письменным столом, завершая обустройство своего штаба. Он снял с себя скафандр и оделся в униформу собственного дизайна. Критики целей национал-социализма, подумал он, могли бы подумать, что он оденется в украшенную версию формы своего солдата,

дополненную аксельбантами и незаслуженными медалями. Но нет. Единственным отличием его униформы было звание, всё ещё лейтенант, поскольку он не доказал в реальном, земном мире, что достоин большего. Это означало, что все его подчинённые должны были иметь более низкие звания, но поскольку они были лишь орудиями его воли, в более высокой иерархии пока что не было необходимости.

Хеммингс любил униформы, любил то, как они лишали людей всех их притязаний. Знакомое лицо в униформе было раскрытой личностью, наполненной силой взаимности. Особенной в послушании, свободной выражать общую цель целого.

И это целое было теперь тоже полностью реализовано. Город гудел жизнью, жители шли по своим делам, куда бы Хеммингс не бросил свой величественный взгляд. Иногда у него возникало подозрение, что они прекращали существовать, как только он отводил взгляд, но на первых порах это было простительно.

Возможно, он скоро даст им индивидуальные сознания, родит целую цивилизацию, основанную на нацистских идеалах, без всех этих изматывающих политических процессов. Население будет довольно и изберёт его своим лидером. В таком идеальном обществе не будет несогласия. А если и будет, с ним быстро расправятся.

Затем, со временем, это его маленькое Княжество Валхалла, быть может, поборется за другой район, захватит новые территории, пока эта система не будет установлена повсеместно. Что за космическое соперничество это будет! А ведь он ещё даже не допросил пленного! Его ещё столько

ждёт. Он всегда мечтал о такой возможности. Полное знание о мире, возможность его изменять, воля сделать его лучше. Он решил, что ему сейчас очень нужен компаньон, который напоминал бы ему о более простых вещах, которого можно было бы взрастить по своему подобию.

Постучал адъютант; он быстро зашёл и протянул лист бумаги. Хеммингс подумал, что в будущем нужно будет добиться выполнения всех формальностей. Нужно было не просто сделать так, что адъютант зашёл, а чтобы тот постучал, а он ему позволил войти. По крайней мере, нужно было, чтобы новости являлись в письменной форме, тысячи новостей о размере, скорости роста и населении его безымянного города, назвать который он позволит гражданам. Он знал, что это за новости. В конце концов, это же были его владения.

Доктор и Эйс прибыли, и за ними следили.

— Ну что же, — улыбнулся Хеммингс, потирая руки. — Давайте впустим их и устроим сюрприз.

Отряд солдат заметил Эйс и Доктора и открыл по ним огонь.

— Бежим! — закричала Эйс и потащила Доктора за угол здания. Он как будто не хотел этого, он словно готов был подставиться под шквал огня, поливавшего тротуар.

Они спрятались, тяжело дыша. Эйс подумала, что этот город был внимателен к уюту. Не было мусора, в котором можно было спрятаться. Небось, и монорельсы ходят чётко по расписанию. Она посмотрела на Доктора. Доктор пытался взломать замок в двери в стене, за которой они прятались.

У него получилось, и он зашёл вовнутрь. Эйс пошла за ним, оглянувшись; солдаты за ними не бежали, а куда-то пропали. Ага, очередная ловушка.

Пожав плечами, она зашла вовнутрь.

За дверью был коридор, вычищенный добела и пахнущий антисептиком. Эйс подумала, что это какая-то потусторонняя больница, возможно, место, куда приходили умирать не сбывшиеся мечты. Доктор пошёл вперёд, всё ещё без свойственной ему уверенности. Это очень беспокоило Эйс, почти так, словно это сделали с ней. Доктор совершил одну ошибку, позволил её убить, а теперь у него, похоже, не было надежды, не было тех планов, которые всегда спасали его голову. В этот раз у него была только цель и никаких мыслей о том, как туда попасть. Даже мелкие фокусы этого места его, похоже, удивляли.

Возможно, в этот раз Доктор зашёл слишком далеко.

Эйс утешало то, что она сохраняла способность мыслить логически. Чувствуя, как её наполняют самые разные детские идеи и страхи, она смогла заменить то, что утратила, яростной приверженностью к её принципам. Преданность, доверие, сэндвичи с беконом и взрывчатые вещества. Ну, по крайней мере к двум последним. Для этого, — подумала она, — и были нужны большие идеи, чтобы не было нужно всё время думать. Как современный истребитель летит от момента к моменту, подстраивая крылья, рассчитывает, как ему лететь в следующую секунду. Где-то она читала об этом. Так вот, для того, чтобы летать, нужно что-то, что держится в воздухе и не падает, что-то аэродинамическое. Вот для чего нужны

принципы: простые крылья для людей, у которых есть проблемы с полётом. Для таких, какой сейчас была Эйс.

Ей пришла в голову мысль, что любой из солдат-нацистов согласился бы с ней. Может быть, из-за того, что Доктор такая сволочь, она и сама уже не та, кем была?

Она вздохнула и подошла к нему; он стоял возле двойной двери. Он сосредоточенно прислушивался.

— Здесь он раньше жил, — прошептал он, — если я правильно помню план помещения.

Он осторожно открыл дверь и зашёл вовнутрь. Эйс зашла за ним.

Включился прожектор, и двери за ними захлопнулись. Эйс обернулась — они были окружены солдатами. С вершины архитектурно невозможной арки им мрачно улыбался Руперт Хеммингс. Позади него сиял экран, на котором постоянно возникали и исчезали образы крови и ужаса, прославлявшие его создателя.

— Доктор! Добро пожаловать.

Доктор обмяк, к его страданиям добавился ещё один ужас.

— У меня уже кончились идеи ответов на такие приветствия, — вздохнул он. — Пожалуйста, не затягивайте. Театральность так неоригинальна.

— Но у меня для вас сюрприз. Человек, на чьём основании я построил свою Утопию. Сам он не военный, но он любит примазываться к нам. Он человек мира, который любит насильственные методы. Вы догадываетесь, кто это?

— Я знаю, кто это, — Доктор сердито посмотрел вверх, на лейтенанта. — Вы собираетесь нам его показать?

Хеммингс щёлкнул пальцами, и на полу возник стул. На нём сидел мужчина с седой шевелюрой, его руки были прикованы к стулу. На нём была простая белая рубаша, а рот был заклеен липкой лентой.

Эйс посмотрела на пленника и на повелителя времени. Она видела, что они были знакомы.

В глазах Доктора был крик.

ГЛАВА 8

Это чудесная жизнь

Вы идёте в бой не для того, чтобы погибнуть за родину, а для того, чтобы другой ублюдок умер за ЕГО родину.

Генерал Джордж С. Пэттон

Усталая Эмили сидела на скамье и играла с ребёнком. Он, похоже, реагировал на ритм, который издавал Саул, и едва заметно двигался в такт.

— Я уверена, что это сообщение от кого-то, — размышляла Эмили, глядя вверх, на стропила церкви. — Но слова такие неопределённые. Если хочешь кому-то о чём-то сообщить, почему не сообщить об этом прямо?

Питер подпрыгнул и довольно сильно хлопнул себя по лбу, напугав Трэло.

— Потому что средство передачи сообщения и есть сообщение! — он начал возбуждённо расхаживать, словно читая присутствующим лекцию. — Это как программа SETI. Поиск внеземного разума. Несколько ненужная в свете этих событий, но тем не менее. Те ребята в Калифорнии не ищут фразу «отведите меня к вашему лидеру». Они ищут подходящее средство коммуникации, мощную, сфокусированную передачу. А что в ней говорится, скорее всего, не разберёшь. То же самое и тут происходит.

— Вы хотите сказать, что это сигнал инопланетян? — сказав это, Трэло вдруг понял, что такое предположение

сейчас казалось ему вполне реалистичным. Он начинал уже привыкать к такой жизни.

— Нет, нет. Я имел в виду, что слова не важны. Важно то, как они передаются, — Питер набросал схему, хитросплетение линий. — И я вижу, чем является эта закономерность. Я не подумал об этом в таких обстоятельствах. Это результат уравнения хаоса.

— Уравнения хаоса? — спросил Трэло, не рассчитывая понять ответ.

— Да. Абсолютно непредсказуемая последовательность, в которой есть сложные циклы предсказуемости. Как эти стихи. В них есть какая-то структура, но её невозможно полностью понять.

— Вот почему они кажутся отрывком из чего-то гораздо большего! — воскликнула Эмили. — Я читала ту книжку о хаосе, которую ты мне давал. Уравнение хаоса не имеет конца, так? Стихи будут продолжаться вечно.

— Значит, слова не очень важны, — Питер триумфально швырнул свой блокнот на скамью. — Важен ритм. Саул, — математик прикрыл глаза, сосредотачиваясь. — Посмотри на это.

Саул сосредоточенно загудел.

— Я вижу уравнение, — проворчал он. — Но моё знание математики ограничено умением считать. Что мне с ним делать?

— Просто подставляй числа и получай результат, используй число слогов в строке. И побыстрее, хорошо? Это не моя область, я топограф, мне тяжело это запоминать.

— Да, — триумфально пропел Саул. — Я понял! Минутку...

Люди озадаченно переглядывались.

— Я послал ответ, — объяснила церковь. — Я не использовал слова, а просто отправил несущую волну такой, какой она была, с тем же сложным ритмом.

— Ответ был? — у Питера был довольный собой вид.

— Да. Ещё стихи. И они... они другие. А, миссис Хатчингс...

— Пожалуйста, — Эмили улыбнулась стропилам. — Зовите меня Эмили.

— Думаю, это вам покажется ещё более странным, чем предыдущие стихи. Это, кажется...

— Импровизация! — Эмили хлопнула в ладоши. — Иными словами — сообщение!

— Да, — Питер опустил палец, который зачем-то поднял. — И я так считаю.

Доктор упал на колени перед прошлым собой, его глаза были закрыты. О Боже, вот и всё, — подумала Эйс. Всё кончено. Он проиграет, и мы останемся тут навсегда.

Хеммингс шагал вниз по ступеням, за ним шли солдаты.

— Взять их обоих! — приказал он. — Заприте их тут вместе с их спутницей. Его рассказы побудят их рассказать нам всё.

— И что мы должны рассказать? — кричала Эйс приближающимся солдатам. — Это всё не по-настоящему!

— Это Ад, юная леди, — улыбнулся Хеммингс. — И я считаю своим долгом мучить вас обоих. Простите мне

театральность, она немного скрашивает мои неприятные обязанности. Разумеется, вам нечего мне сказать. И ему нечего было сказать, — Хеммингс указал на связанного мужчину. — Поэтому я, в конце концов, и решил заткнуть ему рот.

Эйс пятилась от группы надвигавшихся солдат. О пытке ей даже думать не хотелось. Она выпрямилась, готовая пнуть между ног первого, но вдруг... Как будто кто-то вырезал небольшой промежуток времени, они все уже были рядом и держали её. Была бы она Эйс, она бы потребовала повтор, но поскольку она сейчас была Дотти, она могла лишь дёргаться и кричать.

Доктор внезапно встал и отклеил ленту ото рта пленника.

— Кукушка, — слегка поморщившись, улыбнулся мужчина.

— Чтобы попасть туда, где я, — декламировал Саул, — понадобится голова. Найди, где мёртвая лежит. И утром позови меня.

— Какая гадость, — вздохнула Эмили. — Просто ужас.

— Ты имеешь в виду, искать мёртвую голову? — положил ей на плечи руку муж.

— Нет, стихи. Они должны быть от Доктора, эта последняя строка — подпись в виде каламбура. Может, конечно, он и вправду ожидает наступление утра, но мне кажется, что речь идёт о мёртвом теле. Оплакивание, а не утро¹⁴.

¹⁴ В английском языке слова утро (morning) и оплакивание (mourning) очень похожи.

— Ясно, — кивнул Питер. — А ты умная! Ладно, и где тогда это тело, которое нам нужно найти? Мы видели только эти два, — он указал на лежавшие тела Доктора и Эйс.

— Саул, поищи, — предложил Трэло. — Как в тот раз, когда малышка Сара Пауэлл заблудилась в болоте.

— Действительно, — прогудел Саул с грустью. — Я смог её найти по слабой ментальной активности, оставшейся после того, как её душа покинула её. Сейчас я сделаю то же самое.

Питер удивился тому, что заметил, как сознание Саула покинуло церковь. Было такое ощущение, словно исчез привычный вкус или запах. Осталась лишь кирпичная кладка, мёртвый камень. Трэло вздрогнул:

— Мне всегда так одиноко, когда он так делает, — объяснил он. — Странно, когда его тут нет. Скажите, — он повернулся к Хатчингсам и улыбнулся, — а вы не голодны?

— Не очень, — ответила Эмили. — Но ребёнок наверняка должен был проголодаться. Странно, что он ещё не орёт.

Трэло посмотрел на ребёнка и нахмурился:

— Я рад, что он не орёт. У меня из еды есть только консервы для помощи голодающим.

Саул летел над лунной поверхностью, его персона порхала, словно призрак, с камня на камень, возмущая на своём пути остаточную атмосферу Луны.

Он, конечно же, не мог покинуть церковь насовсем, но время от времени он позволял наибольшим элементам себя отправиться на прогулку. Ранее он никогда не бывал за пределами Земли, даже не мог представить себе, что это

возможно. В других обстоятельствах это было бы превосходным приключением.

Здесь была жизнь. Две души, где-то на лунных равнинах, где-то за этими низкими белыми холмами. Затерялись в ослепительном свете Земли. Найти их обе будет непросто. Им было так одиноко. Саул мог слушать голоса далёкой Земли. Он мог слышать новости планеты, панику и смятение, вызванные взрывом Челдон Боннифейс. Он молился о том, что бы он и его спутники как-то вернулись домой. Эрнест старел, и Саул чувствовал, что сердце преподобного трепетало и напрягалось как минимум дважды за это отчаянное путешествие. У него нет детей. Если он умрёт... Саул не знал, что ему делать, если Трэло не будет его наставлять.

Вот! Из-за своих мыслей бестелесное существо чуть было не пропустило жизнь, сверкавшую на поверхности Луны как звезда посреди вакуума. Всего лишь след, мёртвый образ жизни, нейроны в мёртвом мозге вспыхивали и медленно угасали. Для Саула это выглядело как небольшая стайка светлячков, которые постепенно гасли, отдельные воспоминания постепенно исчезали.

Это была голова в шлеме скафандра, она была немного в стороне от своего тела. Кровь должна была хлынуть из разрезанных артерий, но холод лунной ночи мгновенно прижёг и перекрыл раны.

Так кто же это был? Спутник Доктора или враг? В любом случае, были признаки их связи. Но как доставить её в церковь? Отсюда до неё целая миля, но даже если бы она лежала почти возле дверей, это бы ничего не изменило, учитывая, что воля Времяточца наполняла воздухом только

внутренность здания. Саулу придётся двигать её самому. Его телекинетических способностей едва хватало на то, чтобы раскачивать собственные колокола в те воскресенья, когда болел звонарь.

Сантиметр за сантиметром голова покатила по лунному грунту, шлем постепенно набирал скорость, двигаясь к далёким огням церкви.

Сильные руки втокнули Эйс, Доктора и пленника в камеру, и после стука засовов они остались в темноте одни. Только маленькое слуховое окно освещало каменные плиты, на которых они сидели.

Третий Доктор осматривался и разминал руки, словно не веря тому, где он находится. После своей сюрреалистичной фразы он больше ничего не сказал, и Эйс начала думать, что пережитое могло необратимо повредить его разум. Он явно был ранен, над воротником рубашки на его шее виднелась багровая полоса. Доктор выглядел не намного лучше. Он до сих пор не отошёл от своей встречи с погибшими спутниками, и его лицо было мрачное. А учитывая её постоянную борьбу с детством, никто из них не был в форме.

— Ну что, — сказала Эйс, стараясь быть энергичной. — Давайте выбираться отсюда. Я не хочу тут оставаться.

— И куда мы пойдём? — быстро спросил Доктор, словно это был тест, и она знала ответ.

— К тому провалу. В реальный мир.

— А как нам избежать Времяточца? Как нам её отвлечь, чтобы она не знала, где мы?

— Не знаю.

Такой ответ всегда выводил из себя её учителей. У неё была слабая надежда, что Профессора он тоже разозлит.

— Нет, не знаешь, — Доктор приподнял веко пленного и посмотрел в его глаз. — Будем ждать.

Эйс сверкнула глазами и пожелала, чтобы он сдох. Она уже настолько погрузилась в детство, что потребовалась целая минута на то, чтобы она поняла иронию этого ругательства.

Хеммингс ходил вокруг своего стола, инспектируя. Всё это бесконечное могущество могло его в конце концов свести с ума. Как кто-то сказал, оно его могло бесконечно развратить. Может быть, это и была мотивация бога, пославшего его сюда? Быть может, боги были всего лишь смертными, которых соблазнила и убедила их собственная власть? Или это была просто религиозная ложь, чтобы убедить человечество в том, что оно не хочет стремиться к вершинам опыта?

Всё это пока что лишь домыслы. Он даст своим пленным около часа поговорить друг с другом, а затем подключит одного из них, возможно девушку, к электрогенератору. Нет, не девушку. Тогда может создаться впечатление, что им движет что-то иное, а не долг. Важно ли это? Судить его тут некому. Значит, мужчину. Доктора. По прошествии какого-то времени он их всех расстреляет. Будет интересно узнать, могут ли пленники в этой странной загробной жизни умирать.

Мысли о безумии возникли из-за того, что Хеммингс испытывал странное ощущение движения, словно его голова вертелась.

Он взмахнул рукой и выпил воды из стакана, который в ней появился. К его неудовольствию вода была немного тёплая.

— Эрнест! — крикнул Саул, вернувшись в церковь движением воздуха, качнувшем шторы. — Я нашёл голову!

— Хорошо, — пробормотала Эмили.

— Где она? — спросил Трэло, тоже растерявшись.

— Скоро будет, — торопливо ответил Саул. — Питер, мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Да, пожалуйста, — Питер чуть не рассмеялся с беспокойного тона церкви и сюрреализма ситуации. Он взял в руки блокнот и посмотрел на потолок.

— Что будет, если открыть двери церкви?

Питер сглотнул.

— Ну, при обычных обстоятельствах произошла бы взрывная декомпрессия. Мы бы погибли, и не самым красивым образом. Однако я сомневаюсь, что это здание достаточно крепкое, чтобы выдержать внутреннее давление воздуха, не говоря уже о большом количестве щелей. Так что, я бы сказал, что воздух тут удерживается вол... какой-то продвинутой наукой, вокруг всего здания. Поэтому открытые двери не должны ничего изменить. Надеюсь.

— Хорошо.

Двойные двери церкви распахнулись, и людям открылся восхитительный вид на голую поверхность Луны. Подпрыгивая на ухабах, оставляя за собой шлейф зависшей лунной пыли, к ним мчалось что-то круглое.

— Когда она разогналась, я уже не хотел её тормозить, — объяснил Саул.

Предмет приблизился к двери и, подпрыгнув, перелетел через порог.

Питер прыгнул, как когда-то в регби, и поймал предмет на лету.

— О, — сказал он, глядя на свой трофей, когда двери снова закрылись. — Так это и есть та голова? — он осторожно поставил шлем на скамью.

Трое пленников сидели в камере молча. Эйс смотрела то на одного мужчину, то на другого. У них обоих на лицах было тихое терпение, словно они уже бывали в этой ситуации много раз. В какой-то момент узник попытался заговорить, но Доктор его одёрнул. Затем он напустил на себя вид угрюмого мятежника, но продолжал сидеть молча.

Они оба игнорировали Эйс. При других обстоятельствах она бы даже обрадовалась тому, что в замке повернулся ключ, и вошёл Хеммингс.

— Ну что же, — улыбнулся он. — Кто первый?

Все молчали. Он водил пальцем с одного узника на другого, выбирая. Палец остановился на Докторе.

— Вы. Идёмте за мной!

— Нет! — вскрикнул внезапно запаниковавший Доктор, оглядывая камеру в поиске выхода. — Только не меня! Возьмите её!

На мгновение Эйс показалось, что это была какая-то игра, чтобы отвлечь охранников, но Доктор казался абсолютно перепуганным. Он упал на колени и умолял:

— Она молодая, она продержится дольше. Это будет интереснее. Пожалуйста.

Хеммингс брезгливо отвёл взгляд:

— Что же, я воспользуюсь вашим советом, Доктор. Если это предательство доставляет боль вам всем, то я так и должен сделать. Охрана, уведите её.

Сильные руки схватили Эйс и увели её, оцепеневшую от шока.

— Ты лживый ублюдок, — крикнула она Доктору и начала кричать все известные ей ругательства, которых, впрочем, было немного.

Её вели по стерильному коридору, дверь камеры удалялась, и она почувствовала, как её сознание скатывается в мягкую мышеловку детства. Она дёргалась и кусалась, но без толку, потому что позабыла всё, что знала о драках.

Затем за ней закрылась ещё одна дверь.

Доктор стоял, его лицо было решительное. Он посмотрел на третьего Доктора, который тоже уныло взглянул на него, потирая свой нос.

— Знаешь, возможно, она права. Ты меня иногда пугаешь. Я так понимаю, у тебя есть план?

— Возможно. Как это произошло?

— Я медитировал у себя в хижине, — седовласый повелитель времени обнял свои колени и задумался. — Как обычно, пытался достучаться до тебя.

— Тебе удалось.

— Слишком поздно.

— Возможно.

— И меня сбили с пути. Довольно надолго. Мне понадобились месяцы, чтобы понять это, месяцы размышлений. Меня беспокоило что-то в далёком прошлом. Мысли о прошлом восторгали меня, соблазняли меня. Меня звала моя собственная вина.

— Вина? Да.

— Ты помнишь проект «Инферно»? Да, конечно помнишь. Что же, это был мой первый полноценный опыт альтернативного потока времени. Профессор Штальман, Бригадир, Лиз — у всех появились двойники.

Третий Доктор смотрел в пространство, вспоминая те события.

— И я подумал, что я не существовал в том мире, или не был сослан на Землю. Я подумал, быть может, это был отвлекающий манёвр, может быть, моё отсутствие каким-то образом привело планету к фашизму. Такая гордыня.

Третий Доктор покачал головой, посмотрел на свои руки, затем посмотрел на Доктора и грустно улыбнулся.

— Гордыня не оставила меня даже в этой загробной жизни, как бы я ни пытался очиститься от неё. Я знал, что упустил что-то, какое-то воспоминание, ускользающее от меня.

— Да, — пробормотал Доктор. — У меня тоже такое чувство бывает. Моя вина в том...

— Нет, дай мне закончить, старина. Это важно. Я изучал свои воспоминания, искал ту важную информацию, которая меня беспокоила. Правда осенила меня тогда, когда я сидел тут уставший после того, как ты вы вызвал меня, чтобы разобраться с той проблемой. До меня дошло, что на той фашистской Земле, которую я мельком увидел, были плакаты

мужчины, их великого лидера. Старина, мне потребовалось так много, чтобы понять это. Это было одно из тех лиц, которые мне предложили во время суда.

Доктор посмотрел на него с пониманием. Незаметно для третьего Доктора он протянул к нему руку, но затем опустил.

— Да. Я понимаю, через что тебе пришлось пройти.

— Понимаешь? Да, да, наверное понимаешь. Как только я это понял, меня схватили демоны, страшные создания разума, как их называет Будда. В другом месте они были бы метафорическими, иллюстрацией чувства вины или высокомерия. Но здесь они могут быть очень реальны. Они потащили меня...

— И ты им позволил это, потому что это были твои собственные демоны, твой собственный кошмар. Ты не сопротивлялся.

— Нет. Не сопротивлялся. Я должен был догадаться, попытаться контролировать их, но я испытывал такую муку. Они посадили меня в тюрьму, или я сам это сделал. Они связали меня и стёрли мой скромный участок. И я не успел сказать тебе о кукушке...

Третий Доктор поднял взгляд, словно ожидая выговора, но его будущее воплощение что-то планировал, уставившись в пространство.

— Действительно, Инферно. Ловко придумано. Интересно, насколько велик вклад Времяточца в создании той альтернативной реальности? Она определённо сделала нас уязвимыми. За свои годы медитаций ты больше не обнаруживал этот *программный код*?

— Обнаружил, — старший Доктор улыбнулся выбранным словам. — Довольно много. Ты встретил кого-то из остальных?

— Да. Изначального себя.

— Всё ещё ромашку ищет?

— Да. Но он настаивает, что это роза.

— Он в манипулировании понимает больше, чем любой из нас, — вздохнул энергичный повелитель времени. — В конце концов, он тут дольше всех. Быть может, тебе лучше прислушаться к нему.

— Цветы. Они нужны только на похоронах. Нет.

— Хорошо. Что будем делать?

— То, что сделало бы любое рациональное существо, — пробормотал Доктор. — Споём.

Эмили нерешительно подняла стекло шлема. На неё посмотрело мёртвое лицо Хеммингса, в его глазах застыл шок. Если бы не бледность кожи, казалось бы, что лицо в любой момент может ожить.

— Может быть, мне этим заняться? — пробормотал Трэло.
— Мне доводилось иметь дело со смертью.

— Нет, — Эмили угрюмо покачала головой. — Если Доктор хочет, чтобы мы каким-то образом воспользовались этой головой, мне почему-то кажется, что это должна сделать я.

Эйс испуганно смотрела на Хеммингса, который ходил вокруг стула, к которому её пристегнули, и подключал к её пальцам и ушам зажимы-крокодилы. Она была в подвале, в

кирпичном застенке с тёмными пятнами высохшей крови на стенах. Повсюду стояли инструменты пытки, начиная с исторической железной девы и заканчивая ужасом электрических горячих утюгов. На стене висела картина в рамке. Мускулистый ариец с автоматом в руках гордо смотрел на закат.

— Одна из моих работ, — кивнул на картину Хеммингс. — Нравится?

— Нет, — пробормотала Эйс. Во рту у неё от страха пересохло.

— Обычно я поручаю это делать кому-то другому, — нацист улыбнулся. — Но здесь разница была бы только кажущейся.

— Зачем вы это делаете? — умоляла Эйс, и её голос готов был сорваться на плач. — Почему люди мучают других людей?

Хеммингс задумался.

— Потому что они должны, — ответил он. — Потому что им это нравится. В конце концов, потому что они могут.

Два Доктора сосредоточились, они прижались друг к другу лбами, взяли друг друга за руки. Они пели разное: седьмой Доктор импровизировал на тему своего стиха с хаотическим размером, третий Доктор пел что-то своё, добавляя контрапункт и тональную глубину.

— Что значит «арун»? — спросила Эмили.

Питер пожал плечами. Ритм снова раздавался со стороны стропил, и в этот раз она слышала слова чётче, чем до этого.

Если проигнорировать ерунду, которая, похоже, лишь задавала ритм, в этот раз в словах были осмысленные инструкции. Эмили повернулась к преподобному Трэло.

— У меня такое чувство, что вам это не понравится, — пробормотала она.

Саул изучал голову.

— Мне кажется, — объявил он, — что в этом мёртвом мозге есть подсказка. Электрическая активность прекратилась не полностью. Крохотные воспоминания всё ещё целы. И, как видите, — Трэло аж дёрнулся, когда глаза на голове начали неуверенно моргать в такт тому, что ретранслировал Саул, — есть связь с тем местом, где сейчас Доктор.

Эмили вздохнула и села.

— Саул, мы можем поговорить с ней?

Трэло посмотрел на неё с ужасом:

— Нет! Этот мужчина мёртв, его душа в ином мире.

— Эрнест, — попытался утешить Саул. — Его душа ушла, но не так, как мы думали это должно происходить. Она всё ещё в пределах досягаемости человеком. Так что, в каком-то смысле, можно сказать, что он не совсем мёртв.

Трэло задумался. До этих пор это приключение даже способствовало укреплению духа. Очень редко внутренний конфликт добра и зла можно было видеть так очевидно. В тени Времяточца не было оттенков серого. Но это... Он отказывался думать об этом как о необходимости лишь потому, что это давало шанс вернуть Доктора.

— Пожалуйста, преподобный, — умоляла Эмили. — Для Эйс это тоже единственный шанс, и я не готова упустить его из-за... теологического утверждения!

Трэло посмотрел на неё так, словно она ему пощёчину отвесила.

— Хорошо, — он отвернулся и оперся на кафедру с позолоченным орлом. — Делай как хочешь, Саул, — в его голосе было сильное беспокойство.

Саул вздохнул:

— Мы поговорим об этом позже. Эмили, это может быть неприятно...

— Ничего, нормально. Нет времени на брезгливость.

— Тогда приблизь свой лоб к голове в шлеме. Твоей и моей силы должно хватить.

Эмили не колеблясь послушалась, и Саул начал напевать знакомый ритм. Питер был горд. Это было как раз то, что ему нравилось в его жене: её практичность, её нежелание быть обузой.

Глаза головы начали вращаться и дёргаться.

Эйс хотелось кричать, умолять Хеммингса, когда он направился к большому красному рубильнику. Свою битву с детством она проиграла. Она была Дотти, до самой последней клеточки, жертва, которая несла на себе крест всей вины и зла этого мира и детской площадки.

С усталой решимостью Хеммингс потянулся к рубильнику. Это была довольно скучная обязанность. Тут нечего было получать, нельзя было выпытать никакую информацию. Он даже не знал, до какого момента ему продолжать пытку. Может, вообще не прекращать?

Его голову пронзила боль, и рука не попала на рубильник. Дрожавшей на металлическом стуле Эйс это казалось чистым издевательством.

— Давай уже! — кричала она. — Давай! Идиот! Убей меня! Давай, убивай! Посмотришь, боюсь ли я!

Но Хеммингса откинуло назад, его тело дёргалось. Ему казалось, что его разум вынимают из головы. Животный порыв позволил ему выпрямиться и, напрягая каждый нерв своего виртуального тела, он в последней вспышке гнева потянулся к рубильнику.

Он дёрнул за ручку.

Доктора сосредоточенно пели высокими голосами сложные мелодии. Казалось, что этот звук оборачивает пространство вокруг них, углы их камеры выворачивались наизнанку, закручивались в многомерные узлы.

Времятовец почувствовал, что происходит что-то мощное и странное, карта словно создавала себя заново. Топография складывалась, растягивалась, сворачивалась. Всё остальное сейчас было неопределённым. Вирус быстро отправил в ландшафт данных зонды для нейтрализации наиболее заметных возмущений, но на каждое исправление возникал десяток новых изменений.

Это, должно быть, дело рук Доктора. Что за ошибку допустил Хеммингс? Разговор Докторов друг с другом должен был лишь усилить их отчаяние. Времятовец втолкнул части своей спиральной формы в сам ландшафт данных, стремясь

вернуть хранилища данных под свой прямой контроль, но там он увидел суть проблемы.

Сама природа носителя изменилась. В компьютерной терминологии, в которой Времяточец до сих пор рассуждал в непонятных ситуациях, машинный код, программа, ответственная за функционирование «биологического обеспечения», изменился. Червь больше не контролировала ситуацию полностью. Она могла вернуть себе контроль, приспособиться к новому миру, в котором оказалась, но на это понадобится время.

Повелитель времени выиграл себе немного времени.

Услышав крик тела Доктора, Трэло подошёл к алтарю, чтобы отвлечься от мыслей о голове. Глаза Доктора были открыты, и на мгновение преподобный подумал, что он каким-то образом вернулся в мир живых. Но это было не так. Тело было окоченевшее, мышцы сжали его в неестественную дугу. Трэло посмотрел в глаза Доктора, надеясь увидеть там какие-нибудь признаки жизни.

Зрачки повелителя времени сжались в точки. Радужные оболочки словно заискрились, а потом, к удивлению викария, изменили цвет. Глаза, которые до этого были красивого голубого оттенка, сейчас сияли насыщенно-зелёным. Зрачки распахнулись, веки дёрнулись и закрылись.

Какое-то мгновение Трэло был уверен, что Доктор ему подмигнул.

Хеммингса высасывало из ландшафта данных, как летучую мышь из ада. Он мельком успел увидеть хаос, царивший

вокруг, увидел, что сады быстро расцветают, что его обожаемая архитектура перекашивается и заворачивается жидкими всплесками энергии, что его солдаты танцуют, поют, спотыкаются.

— Линфорд, Паунд! — крикнул он. — Не танцевать!

Но они проигнорировали его тень, пронёсшуюся через город и умчавшуюся в пустоту.

В пустоту, мимо взметнувшихся на перехват когтей Времяточца, в серое пространство, сквозь стену, над пляжем, обдуваемым сладкими ветрами ностальгии, наполнивших его ароматом роз и сожалениями.

Дальше, дальше, к той точке, где пространство бурлило, к бушующей сингулярности, где цвет, звук и движение лишались всего смысла и сводились к ужасающему безымянному *сейчас*. Концепции разрывались на части, имена погибали в реальности, и Хеммингс, это бессмысленное слово, упал на эту точку разрушения и...

Очнулся. Затхлый запах церкви. В его глаза смотрела красивая женщина.

Он попытался пошевелить руками.

И обнаружил, что не может.

В камере пыток тело Хеммингса взорвалось раздувающимся шаром пикселей, фонтаном сверкающей звёздной пыли.

Эйс кричала в ожидании боли, и на мгновение ей показалось, что боль наступила. Затем она расслабилась, поняв, что это не так. Вокруг неё кипела энергия, и помещение растворилось в свете и звуке. Это было похоже на фейерверк,

на чудесный костёр, только маленькая Дорри была поджигателем. Камера искрилась и взрывалась вспышками фейерверка. Посреди всего этого образовался вихрь, он закружил цвета и формы камеры в ревущую мешанину.

Стул улетел в неизвестность, и Эйс вскрикнула от того, что её чувства пытались справиться с окружающей её пустотой.

Она кричала, а мир превращался в чехарду красок. Её губы дрожали, отчаянно набирая в лёгкие воздух, и на выдохе вселенная изменилась.

Хеммингс подавил охватывавшую его панику.

— Это не может длиться долго, — воскликнул хоровой голос. — Спросите у него, где Доктор.

— Послушайте, — женщина коснулась его щеки. — Мы забрали вас оттуда, где вы были. Для вас не осталось надежды. Пожалуйста, расскажите нам, где Доктор?

— Док-тор, — прохрипел Хеммингс, чувствуя, что его горло удивительным образом наполнено воздухом. — В Аду, в моём Аду. Меня зовут... Меня зовут Руперт Хеммингс. Лейтенант... — его глаза остановились на женщине, и он в последний раз подумал о своём детстве, об обещанной ему судьбе. — Хайль! — вскрикнул он, отдавая последний долг своей идеологии.

А затем его голова, от которой потребовали больше, чем могла выдержать плоть, умерла. Мышцы обмякли, глаза закатились, рот испустил последний вздох. Руперта Хеммингса больше не было.

Эмили отпустила голову и разрыдалась, беспомощно стуча кулаком по груди Питера.

— Глупо... Глупо, — причитала она.

Трэло шагнул вперёд, покачал головой и начал отправлять службу, мысленно укоряя себя за то, что в голос прокрадываются осуждающие нотки.

Времяточец видел, как вдали, вспышкой через ночь, улетала память Хеммингса, и отправил щупальце узнать, в чём дело.

— Что произошло? — спросил вирус у перепутанной личности, падавшей в пустоту.

— Я не справился. Доктор... Что-то сделал. Изменил мир.

— Это я знаю. Иди с миром.

Времяточец потянулся рукой и выхватил из улетающих в ночь данных Хеммингса крохотное воспоминание. Давным-давно мальчик сидел на коленях матери.

Темнота смыкалась. Времяточец поглотил воспоминание, съел его, понял его и, возможно, опечалился близостью и неизбежностью смерти.

Этот разговор мог быть, а мог и не быть. Это было что-то, что Доктор представил, отведя голову от бывшего себя.

Это был хороший сон.

— Что же, — улыбался третий Доктор, — полагаю, мы справились.

Он хлопнул будущего себя по спине и встал. Опустив взгляд, он увидел, что на нём надеты бархатный смокинг и рубашка с оборками.

— О да, чудесная мысль, — широко улыбнулся он. — Рукава можно было и немного длиннее сделать, но совершенства не бывает.

Седьмого Доктора эта метаморфоза не сильно обрадовала.

— Идём. Эта зона изменяется. Нужно уходить, пока она не очнулась.

— Куда ты собрался, старина?

— В Провал.

— О боже. Я надеялся, что ты этого не скажешь.

— Я тоже.

Доктор стал на колени, приподнял каменную плитку и отбросил её в сторону, словно она была пластмассовая.

— Под этим тротуаром есть пляж, — пробормотал он. — Пойдём, прогуляемся.

Лицо Доктора так и не прояснилось после встречи с мёртвыми спутниками, но его взгляд был жёстким, как у воина.

— Пора расплатиться с призраками.

ГЛАВА 9

Школьница и её приятели

*О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг...*

«Если».

Редьярд Киплинг,
перевод С. Маршака.

Дорри проснулась.

Всё было хорошо. Она была в своей комнате, на неё смотрел ряд её мягких игрушек, розовое одеяло накрывало её до подбородка.

Первое, о чём она подумала, было, конечно же, какао. Ужасная это вещь, — убеждала она себя. От него прыщи и жир. Она гордилась своей стройной фигурой и переживала о том, что бёдра набирали объём. Пит, симпатичный бармен у Спиффи, сказал, что она хорошо выглядит, но он же парень, ему не приходилось смотреть на неё по утрам.

Она засунула руку под кровать и вынула оттуда шоколадный батончик. Он был припрятан в её тайнике вместе с потрёпанной повестью Джэки Коллинз и белым поясом для чулок, который она на спор купила в «Chelsea Girl». Снимая с шоколада обёртку, Дорри слегка качала головой. Ей, должно быть, что-то приснилось, потому что она помнила много странного. Она была в Германии, и там был военный. Что-то о мужчине, у которого рот был заклеен скотчем. Что это может

значить? У Элисон была книга, в которой были описаны разные сны и их значение. В ней должен быть и такой. Дорри сны снились редко, наверное, из-за того, что она была всем довольна. Тем, у кого были проблемы, снились эти проблемы, а у неё всё было хорошо.

— Дорри! — крикнула с первого этажа мама. — К тебе Триша пришла. Хотя сегодня и суббота, дорогая, пора уже вставать.

Дорри зевнула, опустила ноги на пол, сняла с себя ночную рубашку с медвежонком.

— Хорошо, мам! — крикнула она. — Пускай она ко мне поднимется через минуту.

Дорри нажала кнопку магнитофона и посмотрела на себя в зеркало. Странное чувство. Словами его даже и не опишешь. Как будто смотревшая из зеркала девушка с длинными, заплетёнными волосами была неожиданностью. Это ощущение было чем-то знакомо. На подбородке до сих пор этот прыщ. Она принялась протирать его лосьоном, думая, не сходит ли она с ума. Может быть, купить сегодня новое платье, чтобы в клуб пойти? Она хотела купить сингл¹⁵, но понятия не имела, какой. Тот же, что и Триша купит, наверное.

Когда она уже натянула джинсы и заправляла в них свою разноцветную блузу, в дверь заглянула голова Триши.

— Привет, Дорри! Я с твоей мамой разговаривала. Она меня кофе угостила. Она просто ас, правда?

¹⁵ Сингл — грампластинка, на каждой стороне которой помещалась только одна музыкальная композиция.

— Она кто? — Дорри слегка нахмурилась, глядя на свою лучшую подругу.

Триша была красивее, чем она; может быть, из-за того, что лучше с макияжем справлялась. Щёки у неё были нежно-розовые, на веках золотистый блеск.

— Очень милая. Она рассказывала о том, как много работает твой папа, чтобы вы смогли втроём отдохнуть летом на Тенерифе.

— Да, классно, я жду не дождусь этого.

— Может быть, найдёшь там себе хорошенького официанта-грека, — Триша уселась на кровать и поболтала ногами: — Новые кеды!

— Классно!

Дорри попыталась улыбнуться, глядя на яркие белорозовые кеды, но у неё во лбу возникла острая боль, и она не знала... Ну, Триша же её подруга, так? Тогда почему она о ней не могла почти ничего вспомнить? О да, в школе они сидели за одной партой, она (типа) встречалась с Мартином Дэйем, капитаном футбольной команды, и она научила Дорри целоваться, напротив зеркала. Точно. Просто голова после сна ещё плохо работает.

— Минутку. Но Тенерифе же не в Греции?

— Не знаю, а где? Я на географии мистера Фримана никогда не слушаю. Он слишком секси, чтобы я на карты смотрела.

— Ты только о парнях и думаешь, — Дорри подвинула плюшевого медведя и села рядом с Тришей.

— Ты тоже. Я видела, как ты смотрела на Саймона, когда они исполняли «Unchained Melody».

— Я хотела потанцевать. А он тогда с Илейн был. А она старше его. Намного. Ему двадцать, а ей — двадцать три.

Триша покачала головой:

— Значит, долго не продержатся. Гулять пойдёшь?

— Конечно. Только я выгляжу плохо.

— Отлично ты выглядишь. Ты похожа на ту девушку в фильме.

— В каком фильме?

— Ну, ты знаешь, в каком. Там ещё песня этого певца.

— Ничего, вспомнишь, — хихикнула Дорри, вставая и надевая свою розовую куртку с капюшоном. — Когда-нибудь.

Они шли по улице в сторону торгового центра. Дорри стало немного страшно, потому что она не могла вспомнить, как называется город, в котором она живёт. Мама поцеловала её в щёку и велела вернуться к чаю, потому что папа вечером должен был принести домой сюрприз. Дорри сделала вид, что хочет узнать, что это, но сама решила, что скорее всего это котёнок, о котором она так долго просила. В честь кого бы ей его назвать? Мама махала ей рукой, стоя на крыльце; её фартук уже не мог скрывать скорое появление у Дорри младшей сестры. Возможно, это последний раз, когда её так легко выпустили гулять. Скоро ей придётся помогать. Она была не против. Да, так что там насчёт этого города?

— О, нет, — пробормотала Триша, глядя вперёд, вдоль тротуара.

Грязный парень в тёмной куртке, у которого волосы были заплетены в немытые дреды, приставал к прохожим:

— Пожалуйста, дайте копеечку, дорогуши, — жалким голосом обратился он к ним. — Спать сегодня негде.

Триша посмотрела на него тем стервозным взглядом, от которого парни обычно краснели и опускали глаза.

— А почему на работу не устроишься? — спросила она.

— Не могу, — парень заставил себя улыбнуться в ответ. — Для этого нужно иметь адрес постоянного места жительства, а у меня...

— Ну так что же ты его себе не заведёшь тогда? — Триша пошла прочь, потянув Дорри за собой. — Посмотри на него! На татуировку буквы «А» на руке у него нашлись деньги, а у нас что-то клянчит. Мама говорит, что они все малолетние нарушители. Видела, у него на спине, на куртке большая пента... как там её? Не оборачивайся, а то он ещё пойдёт за нами!

Смеясь, девушки побежали к торговому центру.

Эмили знала, что преподобный Трэло всё ещё расстроен. Он вскрыл коробку печенья, отложенную для бедных, аккуратно положил в неё голову и закрыл крышкой.

— Я не хочу делать это ещё более неприличным, — пробормотал он, — но другого контейнера у меня нет.

Эмили не знала, что делать. Она понимала, что попытка поговорить с головой не удалась, но она чувствовала сильную уверенность в том, что она всё сделала правильно. У неё было такое чувство, словно начался мощный процесс изменений.

— И что нам теперь делать? — спросил Питер.

Он пытался поиграть с ребёнком, но младенец никак не реагировал на его уловки. Малыш не реагировал даже на его попытки спрятаться и снова показаться. Разве это не должно быть одной из первых вещей, на которые дети реагируют?

— Я не знаю, — сказала Эмили, расхаживая по проходу, сложив руки. — У меня такое чувство, что Эйс и Доктору стало лучше из-за того, что мы сделали, но я не понимаю как.

— Что-то изменилось, — подтвердил Саул. — Что-то в природе сигнала.

— Ты его до сих пор принимаешь? — удивилась Эмили.

— Да. В его старой версии, без слов, но он теперь кажется более ясным, чем раньше, как будто не стало какой-то помехи.

— Ну что же, это хорошо, — Питер смотрел в окно, на лунный пейзаж. — Так ведь?

Времяточец пытался вернуть свои территории. Территория ландшафта данных, которую он предоставил Хеммингсу, была в хаосе, постоянно менялась, гремела громом и отказывалась подключаться к мониторам. Снаружи это место было беспорядочным, Времяточец не мог туда заглянуть. Ненаблюдаемые внутренние данные получили контроль над этим местом, создав самоссылающийся контур информации. Что там внутри происходило — было загадкой. Был ли Доктор там? Если нет, то куда он пошёл? Карта изгибалась, расположение объектов на ней менялось.

Доктора нигде найти не удавалось. Сигнатура его персональных данных могла быть где-то там, но Времяточец всё ещё пытался привыкнуть к изменённой природе ландшафта данных, не говоря уже о ревущем хаосе, разверзшемся там, где был Доктор.

Иштар предоставила подходящую метафору: Доктор был как азукой, существо с Ану, домашний паразит, который мог

прятаться в щелях и выживать, несмотря на все попытки его убить.

Мышь, — думал Времяточец, — сыр, наживка. Мышеловка. Кошка.

Вирус подключился к игровой площадке Бойла, довольный тем, что хотя бы этот сектор он всё ещё контролировал; он нашёл там свою пешку в окружении восторженной толпы детей, слушавших его рассказ. Подождав ещё немного, Червь мог бы обнаружить, что Бойл рассказывает сам о себе легенду. Героя поймал свирепый дракон, с которым он сражался до тех пор, пока чудовище не отстало от него и не ушло. Червью некогда было слушать.

Хаотический взрыв данных дал Доктору некоторую свободу. Он постарается воспользоваться этим и сбежать, направится к Провалу в центре карты. Он сказал своей спутнице, что планирует спуститься туда, видимо, полагая, что там есть выход. Дурак. Слепой, непоследовательный дурак. Это было последнее место, где он мог найти убежище.

Он будет ожидать, что на пути туда Червь нападёт на него.

Червь переместил данные Бойла из его детского рая на карту. Хотя он и потерял Хеммингса, но у него по-прежнему был Бойл, одного агента ему достаточно. Достаточно для того, чтобы разрушить все надежды Доктора.

Дорри и Триша примеряли платья для вечеринок, по очереди пользуясь примерочной.

— Что скажешь? — смеялась Триша, разглаживая на себе сиренево-лиловую ткань.

— Тебе не идёт, — улыбнулась Дорри. — Ему не хватает кисточек, или растительного орнамента. Оно слишком, слишком...

— Да, слишком стильное, — Триша изобразила обиду. — Я тебя понимаю, дорогая. Но нельзя же всю жизнь в джинсах ходить, правда?

Они проходили мимо плакатов, которыми была заклеена витрина не работающего магазина. День был чудесный, светило солнце. Плакаты и афиши теснились на небольшой витрине, соперничая за место, соперничая за карманы.

— Ты о многих из этих групп слышала? — Триша провела красным ногтём по витрине.

— О «Happy Mondays» слышала.

Триша поморщилась:

— Да. Не знаю, почему они так популярны. Какие-то они... сомнительные. Нехорошие.

— «Voivod»... не слышала. Джейсон Донован... — она улыбнулась. — Я раньше знала, кто это.

Триша засмеялась:

— Он идиот.

— Тебе он тоже нравился.

— Никогда. Я только говорила, что он мне нравится, потому что он нравился Трейси Додс.

— Я тоже. А Трейси Додс уехала, да?

— Да. Поступила в университет. Она всегда нос задирала. Слишком хорошая для нас, Дорри. Я видела её, когда она приезжала в конце семестра. Она теперь вся в политике. Она сказала мне, что стала феминисткой. Она даже спросила, не

феминистка ли я! А я ей сказала, что мне нравятся парни. Вот смехота.

— Ей, наверное, до сих пор Джейсон Донован нравится. Если ей вообще кто-нибудь нравится.

Дорри и Триша захохотали и обнялись. Голова у Дорри болела всё сильнее, но ей нравилось, что Триша рядом. Они были лучшими подругами с тех пор, как сидели в третьем классе за одной партой. У Триши было хорошее чувство юмора, и она всегда находила время выслушать Дорри. А ещё она знала, как прогнать тоску, в которую иногда впадала Дорри. «Много думать вредно», — говорила она. — «От мыслей одно расстройство».

Дорри щёлкнула ногтём по отклеившемуся углу плаката:

— «New Model Army». Они же на политике помешаны?

— Да, — Триша презрительно скривила нос. — Они считают, не должно быть что денег. Папа говорит, что у таких, как они, обычно денег полно. Эти политики такие скучные, они же все одинаковые, скажи? Но миссис Тэтчер мне нравилась. Она же женщина, а значит, понимала, что делает.

— Точно, — Дорри кивнула и нахмурилась.

Это действительно так? Она не знала, но что-то в ней не принимало эту мысль. Они дошли до конца афиш, и она на мгновение запаниковала из-за того, чем они могли заняться дальше. Как будто она бежала от чего-то, от чего-то, что следовало за ней по улицам, ждало, пока она остановится.

— Слушай, давай в магазин пластинок позже сходим? Я хочу вначале в библиотеку зайти.

— В библиотеку? — Триша озадаченно нахмурилась. — Хорошо. Чудесно.

Когда они отошли, на плакатах возникла красная линия, неровным алым росчерком пройдя по причёске Джейсона Донована. Три линии пересеклись, образовав букву «А».

Библиотека была скучным местом, в котором было полно скучных книг вроде тех, которые заставляли читать в школе. Дорри и Трише нравились только журналы о знаменитостях. Взрослые книги были слишком толстые, их читать — замучаешься, да и вообще они скучные. В справочниках было полно того, о чём не хотелось знать. Детские книги были глупые.

— А что ты ищешь? — взглянув вдоль полок, Триша тут же спряталась за ними. — Осторожно, Неприкасаемая!

Дорри не помнила, кто это, поэтому выглянула из-за книжного стеллажа и тут же увидела, что ей улыбается молодая азиатская девушка, разговаривавшая с друзьями в отделе звукозаписи. Дорри быстро улыбнулась в ответ и спряталась за стеллаж. Разве эта девушка ей знакома?

— О Боже, она меня видела!

— Надеюсь, что она не подойдёт, — пробормотала Триша, поправляя волосы. — У меня, конечно, предрассудков нет, но... Она же воняет, разве нет? И, как говорит папа, они нас не любят. Она вечно рассуждает об их музыке, которая такая однообразная.

Триша сказала ещё много чего, Дорри не со всем была согласна, но подумала, что папа Триши знал, что говорил. Она не хотела спорить со своей подругой из-за какой-то глупости вроде политики. Кроме того, она заметила на полке перед собой книгу. Каким-то образом она знала, что пришла сюда

именно за ней. Книга была в элегантном чёрном переплёте, со сложным спиральным узором на обложке. Перестав слушать подругу, Дорри вынула книгу и раскрыла её.

«Когда я написала это место, мне был двадцать один год», — было написано внутри. «Я не чувствую, что я этого возраста, я не чувствую себя Эйс».

Эйс. Опять это слово. Словно тот, кто написал эту книгу, знал о ней, знал об этом уютном мире, в котором, чтобы выжить, приходилось глотать вату, а потом обнаруживать, что на самом деле это была стекловата. Раздирающая горло, отравляющая изнутри. Нездоровый набор слов, готовых вырваться наружу и жечь всё вокруг. Жечь всё вокруг.

— То есть, в церковь я не хожу, но я считаю, что я верю в Бога, а во что верят они — боги со слоновьими головами всякие... Это же неправильно!

Дорри мучительно раскрыла книгу на первой странице. Она была озаглавлена «Глава Первая: Маленькая Доррит», и начиналась с большой разрисованной буквы «П». В завитой букве стояли два маленьких клоуна, в точности такие, каких Дорри любила смотреть в цирке. Они кидались друг в друга булочками. Дорри начала водить пальцем по строчкам и читать, шевеля губами.

Вот что она прочла:

Паромщик опустил свой шест в воду и оттолкнулся. Лодка скользнула вперёд.

— *А вы мне заплатите?* — спросил он глубоким, хорошо поставленным голосом. — *Это традиция. А в этой ситуации, мне кажется, мы должны уважать традиции.*

На фоне невзрачной поверхности тёмной реки богемный костюм паромщика было видно за версту. Его шарф разноцветной спиралью вился вокруг двух пассажиров, а полы его пальто развевались в порывах ветра, из-за которого по воде шли небольшие волны. Вдали за ним мерцал загадочными огнями пейзаж, в ночном городе сияли синие здания.

— Будь хорошим малым, пошевелись уже, — раздражённо пробормотал третий Доктор. — У нас мало времени.

— Времени? — голос паромщика стал немного громче, словно он говорил с учеником. — Было бы у нас время и место... Я бы показал вам своё жилище. В моём кабинете полно информации, но ведь для этого кабинеты и созданы, верно?

— Поэтому я и попросил тебя встретиться с нами, — пробормотал седьмой Доктор. — Ты изучал Матрицу. Пока Эйс тут сеет хаос, ты можешь отвезти меня туда, куда мне нужно.

— Он знает примерно столько же, сколько и я, — ворчал третий Доктор. — Мог бы, по крайней мере, найти лодку с мотором!

— С мотором? — вскрикнул паромщик. — С мотором, который бы мутил воду, интересно не только то, что в воде... Ты знаешь, что там, в воде?

— Мой дорогой друг, — начал третий Доктор. — Я редко отправляюсь в реки, разделяющие зоны.

— А вот и зря. В этих реках живут такие существа, о которых лучше не шутить. Они образуют барьер между зонами, систему безопасности, не допускающую встречу жителей.

— Осмелюсь заметить, что это неплохая идея.

— Ты не впустил Времяточца в свой сектор, — пробормотал седьмой Доктор паромщику, не трудясь скрывать лёгкую улыбку. — Как?

— О, ну, я просто не даю себе расслабляться, — похвастался паромщик. Затем его голос стал жёстче: — Как ты собираешься её победить, Доктор?

— Не знаю. Ещё не знаю.

— Что же, если спросишь меня, а я, конечно, хотя и не величайший эксперт в такого рода вещах, но всё-таки пожил на свете...

— Хватит уже вилять, объясни, в чём дело! — рявкнул третий Доктор. — Я уже объяснил ему суть проблемы.

— Я бы сказал, — паромщик посмотрел вдаль, — что тебе нужно сражаться с Времяточцем, так сказать, на его территории. Он же, в конце концов, фундаментальный принцип. Вселенная приспособилась к нему, возможно, даже воспользовалась им для того, чтобы приблизить Синее Смещение. С таким же успехом можно было надеть полный доспех и атаковать банан или пончик.

— Никакого толку.

— Вот именно, — пробормотал паромщик. — Мы прибыли.

И, как не странно, они действительно прибыли. Лодка остановилась, уперевшись в тёмный пляж, под ней захрустела чёрная галька.

— Центральная зона, — пробормотал Доктор. — «Здесь водятся драконы».

Он вышел на берег и обвёл взглядом негостеприимный пейзаж. Он видел лишь пустырь, обдуваемый первыми шквалами надвигающейся бури.

— Хорошо, — он с решительным видом повернулся и обратился к двоим попутчикам: — Ты лучше возвращайся в свою зону, и ты тоже, — он проницательно посмотрел на третьего Доктора. — Что ты будешь делать?

— То, что нужно было сделать давным-давно, — третий Доктор смотрел на него уверенным взглядом, в котором едва проглядывала уязвлённая гордость. — Сражаться с Времяточцем, когда это нужно. Я хотел бы помочь этой твоей молодой даме.

— Она не моя, — мрачно пробормотал седьмой Доктор. — Её нельзя спасти. Я запрещаю. Она столкнулась с тем же, с чем и ты. С тем же, с чем все мы столкнулись.

— Да, да, — вздохнул седой Доктор. — Я просто... выразил желание, старина. Возможно, я просто хотел бы, чтобы кто-то помог мне посмотреть моим демонам в глаза раньше. Тогда всего этого не было бы.

— Сомневаюсь, — Доктор нахмурился. — Нам всем нужно нести какой-то крест. Иногда у меня такое чувство, словно мне преподают какой-то сложный урок.

Он развернулся и, не сказав ни единого прощального слова, пошагал в Центральную Зону. Двое в лодке провели его взглядом.

— Мне, пожалуй, пора возвращаться, — сказал паромщик. — Тебя вернуть?

— Да, — задумчиво ответил Третий Доктор. — Скажи мне, если ты даёшь такие хорошие советы, то почему ведёшь себя как дурак?

— О, — заговорицки улыбнулся паромщик. — «Когда мудрец даст тебе лучший совет, верни мне мой. Я хочу, чтобы моим советам следовали только идиоты, ведь их даёт шут».¹⁶

— Я был недостаточно внимательным, да? — предположил третий Доктор, поняв намёк.

— Да, — некоторое время паромщик грёб молча. Через какое-то время он добавил: — Как и все мы, пожалуй.

Дорри оторвалась от книги. Был уже вечер. Триша сидела на стуле и читала журнал. Больше в библиотеке никого уже не было, её уже собирались закрывать на ночь.

Триша подняла взгляд и улыбнулась.

— Я думала, что ты никогда не закончишь! — воскликнула она, забрала у Дорри книгу и поставила её обратно на полку. — Пойдём, мы же сегодня на танцы идём, забыла?

— Но я не... — начала было Дорри, но опустила взгляд и увидела, что на ней чёрное платье. На лице был макияж.

— Не трогай глаза, тушь размажешь, — сказала ей Триша и потащила её на улицу.

Питер Хатчингс закрыл старую детскую книгу, которую листал от скуки. Это был один из подарков, которые должны были быть отправлены бедным прихода Челдон Боннифейс.

¹⁶ У. Шекспир, «Король Лир»

Это навеяло ему мысли о детях, которых он хотел и которых у него, наверное, никогда не будет, и о жизни, которую он, наверное, скоро потеряет.

— Боюсь, что сейчас нам детские сказки мало чем помогут, — вздохнул он. — Мы так далеко от дома.

— Ну, не знаю, — сказал преподобный Трэло. Это были первые слова, которые он произнёс за последние полчаса. Он молился один, явно расстроенный событиями с головой. Теперь он встал и потянулся. — Большинство притч — детские сказки, — он внимательно посмотрел на Эмили, оценивая свои чувства. — Простите меня, — сказал он, наконец. — Вы всего лишь делали то, что считали необходимым.

— Это не очень хорошее оправдание, — потупив взгляд, сказала Эмили. — Это мы должны просить у вас прощения.

Преподобный улыбнулся и положил ей на плечо руку.

— Будем тогда считать, что это взаимно, — тихо сказал он.

Саул пропел небольшую гамму, которая была его эквивалентом смеха. Питер тоже улыбнулся. Это согревало сердце. В этой ситуации он мог бы воспринять эту метафору буквально, потому что его сердце действительно ощущало тепло. Вообще-то...

Он подскочил и вынул из нагрудного кармана пиджака медальон, который ему дал Доктор. Остальные обернулись на него, а он выронил медальон и засунул палец в рот. Раскалённый до красна медальон лежал на полу церкви.

— О боже, — пробормотал Саул. — Опять что-то странное происходит.

Доктор шёл по пустырю, вокруг него завывал ветер. Небо темнело из-за надвигавшейся бури, и Доктору приходилось опираться на зонт. Иногда он вздрагивал, иногда его лицо кривилось, если всплывало особенно неприятное воспоминание.

— Старый друг, — бормотал он. — Я понимаю, что ты имел в виду. Я понимаю смысл твоих слов. Защити меня сейчас, ибо я иду во тьму.

А рядом с ним шёл, или так только казалось, одноглазый мужчина в капюшоне, чьё хрупкое тело было неподвластно порывам ветра и их ужасным завываниям.

— Дитя моё, — произнёс призрачный Отшельник. — Старший мой, и мой современник. Как твои дела?

— Плохо, — Доктор не посмотрел на призрака бури, он не отрывал взгляда от покрытой кочками земли. — Я оставил её. Умышленно. Она может там остаться. Я не знаю, что с ней сейчас, я не могу контролировать это.

— Всегда есть что-то, что нельзя контролировать, Доктор, — тихо сказал призрак, дрожащим на ветру голосом. — Ты выбрал свой путь, теперь она должна выбрать свой. Она хорошая?

— Да.

— А Времяточец плохая?

— Да. Это зло, которое больше, чем что-либо, что я мог представить. Возможно, оно бессмертно, и я не способен его уничтожить, — Доктор остановился, его лицо исказил внезапный невыразимый страх. — В этот раз я могу проиграть. Я могу проиграть битву, потерять её.

— Такова жизнь, — сказала тень. — Одна жизнь за миллиарды? Разве это не приемлемая цена?

— Такова *война*, — резко сказал Доктор.

— Это одно и то же, — вздохнула тёмная фигура. — Хотел бы я что-то тебе посоветовать, Доктор, но это царство снов, место ужасного конфликта. У меня здесь нет власти.

— Да и вообще ты не настоящий, — передёрнув плечами, Доктор снова начал расхаживать. — Ты лишь плод моего воображения.

— Верно, верно, — засмеялся Отшельник, растворяясь в порыве ветра. — Но если кто-то не настоящий, это ещё не значит, что с ним нельзя поговорить.

Молния с треском расколола небо, и полился ледяной дождь, земля начала превращаться в грязь.

Дорри танцевала под Кайли, но ди-джей поставил песню, которая не нравилась никому из девушек, собравшихся в углу. Триша зажгла сигарету — она курила, чтобы сохранить фигуру — и они осматривали дискотеку, выискивая новые лица.

Во всяком случае, этим были заняты Сильви, Джейн, Шарон и Триша. Дорри пила алкоголь (а не нюхала, как Сильви) и слушала мелодию, под которую не умела танцевать. Она называлась «Между днями», как сказал диджей Дэйв, и в ней была какая-то тоска, далёкая боль.

— А он ничего, — Триша мельком глянула через плечо на облокотившегося на барную стойку парня, блондина с мощным подбородком. Он сверкал ровными зубами и

выглядел богатым, но нормальным, такие Трише нравились.
— Он типа клёвый.

— Не говори «типа», — сказала Шарон. — Это не по-английски.

Её отец был учителем английского, и она всё время их этим подначивала.

— Прости, я слишком глупая, чтобы говорить правильно,
— сладким голосом сказала Триша и улыбнулась.

Остальные засмеялись, но что-то заставило Дорри нахмуриться.

— Не важно, — пробормотала она. — Хорошего английского не существует. Язык изменяется. Постоянно изменяется, как живой. Ты дура не потому, что не можешь так говорить, а потому, что считаешь, что должна...

— Что? — голос Триши был громче музыки. — Ты не согласна, что он симпатичный?

— Нормальный, — усмехнулась Дорри, стараясь получать удовольствие от происходящего. — Если тебе такие нравятся.

— А тебе что нравится? — спросила Шарон.

Дорри рассеянно потёрла переносицу.

— Мне нравится танцевать, — пробормотала она. — Я хочу быть свободной, делать то, что мне хочется.

— Что ты говоришь? — громко спросила Триша. — Ты хочешь танцевать под эту дрянь? Боже, ну ты и надралась.

— Я говорю... Я не знаю, что я говорю. Думаю, я хочу уйти! — она встала и пошла к двери.

— Ох, нашла время чтобы дуться, — вздохнула Триша. — Идёмте, девочки, нам лучше пойти с ней.

Доктор держал руки перед собой, заслоняя лицо от порывов ветра. Он приближался к нависающей вдали горе, а вокруг него кричали и вопили голоса.

— Предатель! — кричали они. — Манипулятор! Лицемер!

— Я не... — пытался крикнуть Доктор, но его слова уносил ветер. Дождь лил как из ведра, Доктор уже промок, пиджак и брюки были в грязи. Лицо было рассечено градинами до крови, оставленная Времяточцем царапина распухла.

Он споткнулся, чуть не упал. Он смотрел на похожую на вопросительный знак ручку зонта так, словно это была его единственная опора.

В красном круге ручки он увидел фигуру.

Какое-то время назад Времяточец оставила здесь Бойла, чтобы не тратить время на поиск маршрута побега Доктора. В конце концов, он же сказал своей напарнице, что пойдёт к Провалу. С тех пор мальчик пинал тут он скуки комья земли, и всё сильнее злился.

В руках Чед держал меч. Увидев свою жертву, он засмеялся в бурю. Мальчик кричал от радости в небо, на нём были сияющие доспехи. Увидев, что Доктор направляется к нему, он сжал зубы и улыбнулся.

— Большой Профессор! — крикнул он, смеясь. — Опасный человек! Великий герой! Ну разве ты не силён? Уже совсем немного осталось.

Доктор обернулся, отчаянно ища, где скрыться.

— Ты нашёл меня, — ахнул он. — Как? Я думал...

— Ты думал, что мы не узнаем, куда ты идёшь? — Чед пошёл вперёд по примаинаемой ветром к земле траве. — Мы всё знаем, я и моя Ангел.

— Послушай меня, — Доктор посмотрел на фигуру в доспехах. — Тобою пользуются. Времяточец всеми нами пользуется, натравливает нас друг на друга.

— Мне всё равно, мне всё равно! — кричал Бойл, устав от слов Доктора. — Она дала мне то, чего я хотел! А теперь пора домой! Пора тебе умереть!

Мальчик поднял меч и с видом мясника шагнул вперёд.

Дорри прижалась к углу здания и почувствовала на лице морось. Пожалуйста, пусть это её разбудит. Пожалуйста, она хотела знать, где начинается реальность и заканчивается сон. Она хотела знать, почему от её жизни и от её друзей ей было так тошно.

Девушки вышли из дверей ночного клуба и начали суесться вокруг неё: обнимали, помогали идти. Ей все помогали. Они проведут её домой и позаботятся о том, чтобы её милая мама и милый папа в их милом доме сделали всё очень мило. Мило, мило, мило. Всё мило. Теплота тел и дружбы поддерживала её, помогала идти на длинных белых шпильках. Её ноги болели не из-за моды, и на душе ей было плохо не из-за здравого смысла. Нельзя же спорить с миром, с нормальной жизнью. Если не хочешь быть таким, будь другим в другом месте, а не в этом городе. Чтобы быть странным, нужно уйти.

Где-то рядом раздался крик, и все девушки остановились, развернулись и пошли в другую сторону. Дорри они повели с собой. Она отчаянно повернула голову, пытаясь увидеть, что там.

Четверо парней обступили кого-то, прижавшегося спиной к той самой стене, на которую опиралась она. Это была девушка из библиотеки, она пыталась вырваться.

— Идём, лучше не вмешиваться, — пробормотала Триша.
— Она сама напросилась, это, наверно, её друзья.

Дорри снова почувствовала острую боль во лбу. Боже, она ведь всего-то и хотела: дом, несколько друзей, место, где не нужно драться.

Ей не нужно было драться. Нет, она может просто уйти, и всё будет хорошо. Нужно было только промолчать, принять, немного здравого смысла.

О, к чёрту здравый смысл!

Дорри вырвалась из рук и бросилась в сторону драки. Девушки взвизгнули и разбежались в разные стороны. Парни у стены оторвали взгляды от своей жертвы и засмеялись, увидев девушку в платье и туфлях, с плачем мчавшуюся к ним.

— В чём дело, хочешь присоединиться? — крикнул, улыбаясь, один из них, одетый в дорогой спортивный костюм.

— Да, — усмехнулась Дорри, пробегая мимо и ударяя его тупым концом шпильки, на ходу отломанной от туфли

Парень осел, держась за голову. Повезло. Мог бы быть и острый конец. Не успели остальные трое прореагировать, как один из них получил в живот кулаком (Дорри ударила с разгона), а второй упал на землю, получив ногой в пах. Поднявшись, пострадавшие разбежались.

Последний не знал, что ему делать. Он отступал к стене, беспомощно улыбаясь.

— Слушай, мы просто пошутили...

Девушка-азиатка смотрела вверх на Эйс, и по её глазам казалось, что они со спасительницей были старыми друзьями.

Но это же невозможно. Дорри же не знала её имени, если не считать «Неприкасаемой». Его было тяжело сказать.

Были слова, которые нельзя произносить. Были фильмы, которые нельзя было посмотреть, были люди, которых невозможно было знать, были идеи, которые не могли приходить в голову. Табу, если хочешь быть частью общества, частью этого мира.

Дорри стукнула парня спиной об стену, держа его за воротник.

— Как её зовут? — орала она. — Как её зовут?

— Я не знаю! — кричал мужчина.

— Меня зовут, — девушка доверчиво посмотрела на Дорри, — Маниша.

Дорри посмотрела на неё. По её лицу пробежала дрожь.

— Боже мой, прости меня. Я забыла, — она расслабила руки и парень, хныча, убежал. — Маниша...

— Это не я должна тебя прощать.

Улыбаясь, девушка встала и раскрыла ладони. В них она держала красный огонь, который не мог загасить капающий дождь, несомый ветром по холодному и грязному переулку.

— Ты пострадала в пожаре, — пробормотала Дорри. — Это была сказка? Или это была?..

— Твои воспоминания — сказка, — улыбнулась Маниша. — И это хорошая сказка.

Подружки Дорри смотрели на всё это и не знали, что сказать.

— Дорри, — позвала Триша. — Пойдём, мы проводим тебя домой.

А затем, секунду спустя, словно не могла удержаться, добавила:

— Попрощайся с паки.

Дорри смотрела на пламя, которое волшебным образом порхало перед ней. Теперь она её чувствовала — боль, от которой хотела избавиться, она накапливалась внутри. Она гневно посмотрела на девушек, дрожавших в одних юбках, топчась маленькими ножками на этой маленькой планете, не обращая внимания на грозу и забыв о домах, в которых их ждали.

— Её зовут, — закричала она, скривившись от усилий, необходимых для того, чтобы плыть против течения, — Маниша Пуркаяшта. А меня зовут не Дорри, — она посмотрела на небо над головой и закричала так громко, как не кричала никогда. — Меня зовут Эйс!

И она ударила кулаком по стене, и её руку пронзила боль. Она ударила снова, и снова, и снова, пока по пальцам не потекла кровь.

Маниша исчезла в пелене боли, отпустив огонь, как ребёнок выпускает бабочку. Огонь заполнил всё поле зрения Эйс; улицы, грязные башни, торговые центры начали взрываться, изрыгая столбы пламени. Перед Эйс на стене формировалась алая буква «А», нарисованная её кровью. От её ударов на кирпичной кладке оставалась кровь. На стене выступили буквы «С» и «Е».

Сквозь кирпичную кладку пробился свет, контур двери, идея двери. И, возможно, это была одна из запретных идей,

идея о том, что в этом мире есть дверь, возможность всё изменить, болезненная драка за то, чтобы быть не таким, как все.

Свет очертил дверь с надписью «Эйс». И Эйс ринулась в эту дверь, и мир позади неё рухнул.

Где-то среди рушившихся зданий стоял седовласый щёголь. На этих улицах он был бродячим музыкантом, он свистел в свисток, наблюдал за игнорировавшими его людьми, его кепка была пустая. Вернувшись с реки, он проводил время тут, сказочной фигурой в мире, который ему тоже казался сказкой.

Теперь он встал в полный рост и взял на себя управление миром, который покинула Эйс. Когда ветра и горящие здания свернулись в его поднятые руки, он улыбнулся вслед бежавшей спутницы.

— Молодец, — сказал он. — А теперь иди и выиграй в войне.

Эйс мчалась по коридору с дверями, на каждой из которых был свой символ. Пентаграмма, розовый треугольник, чёрный флаг, поднятый кулак. Она пробежала сквозь эти двери, и с каждым шагом всё становилось лучше, её шаг становился твёрже, её одежда становилась её одеждой. На ней снова появились куртка и рюкзак, в её сознание вернулись воспоминания, которыми она гордилась.

Перед ней была последняя дверь, помеченная тремя рунами: квадратной спиралью, перекошенной буквой S, и горизонтальной чашей.

Из-за двери ей кричал голос. Она была ему нужна.

— Профессор! — закричала Эйс и бросилась к двери.

Доктор упал от первого же удара, рукоять меча угодила ему в лоб. Мальчик ткнул повелителя времени лицом в грязь, чуть не утопил его, затем поднял его за воротник, чуть не задушив, затем снова бросил его на землю. Ничего не видя, Доктор пытался встать на ноги, скользя по грязи, и тщетно взывал к Чеду Бойлу:

— Остановись! Остановись! Это не должно кончиться так! Это неправильно!

Чед Бойл лишь смеялся.

— Неправильно? Ты проиграл, старик! Потерял Дотти, потерял разум, ты всё потерял!

— Ты маленький мальчик. Ты не хочешь причинять мне боль. На самом деле ты не хочешь.

Доктор со стоном поднялся на ноги. Он почувствовал на своей руке жёсткую хватку маленькой ладони и опёрся на неё, чтобы выпрямиться.

Он коснулся лица нападавшего.

— Посмотри мне в глаза. Воспользуйся своим мечом. Лиши меня жизни.

— Ну, — огрызнулся Чед Бойл, — ты сам попросил!

Меч вонзился Доктору в бок, из раны хлынула кровь, поливая грязную землю. Доктор согнулся пополам, словно повиснув на мече Бойла, и заревел от боли.

— Тебе конец! — засмеялся ребёнок. Кто теперь тебя спасёт?

ГЛАВА 10

Песня Хаоса

Кто примет решение, когда доктора не согласны друг с другом?

Александр Поуп.

Стон, хриплый вой донёлся от распростёртого тела Доктора, и преподобный Трэло бросился к алтарю.

— Что там, преподобный? — спросил Питер, моментально позабыв о светящемся медальоне. — Он приходит в себя?

— Скорее, наоборот.

Трэло положил ладонь на грудь Доктора, нащупывая нерегулярное биение. Затем, почувствовав странное эхо, он пощупал с другой стороны и нашёл ещё одно сердце, которое билось так же неровно.

— Кажется, он умирает. О, Боже мой! — Преподобный Трэло посмотрел на присутствовавших. — Его сердца! Они перестали биться!

Чед Бойл собирался завершить всё, повернуть меч и вынуть его.

— Пока, Доктор! — улыбнулся он. — Теперь всё кончено, теперь я могу вернуться домой.

Его рука сжалась на рукояти меча.

Шестьдесят килограммов летящей бывшей одноклассницы врезались в спину Чеда Бойла. Он упал, выронив меч. Когда он поднял взгляд, на него сурово смотрела Эйс.

— Оставь его, ублюдок! — крикнула она.

Доктор стоял на коленях, держась за бок. Он протянул руку Эйс. Следя за тем, чтобы Чед не пытался встать, она взяла её.

— Мы должны добраться до Провала, — скривился Доктор.

— Но, Доктор, а как же...

— Забудь о нём. У нас мало времени. Поверь мне.

И с этими словами повелитель времени поковылял к видневшейся дальше горе, у него был такой вид, словно он в любой момент мог упасть. Эйс мельком взглянула на Чеда, пробиравшегося к своему мечу, а затем бросилась вслед за Доктором.

— Скажи спасибо! — сказала она, догнав его. Это получилось более прямолинейно, чем ей хотелось.

— Спасибо, — слабым голосом ответил Доктор. Он был белый, как простыня, по жилетке сочилась кровь.

О боже, он же умирает. Эйс взяла его за руку и потянула вперёд.

— Ты злишься, — сказал Доктор сквозь зубы. — На себя? На меня? Ну же, говори со мной!

Эйс поняла, что если он не сосредоточит внимание на её словах, он потеряет сознание прямо сейчас.

— Я злилась на тебя, — ответила она, и её слова словно спотыкались друг о друга, когда она изливала эмоции, которые долго сдерживала. — Но и на себя я тоже злюсь, потому что я получила мир, где всё могло бы быть здорово,

такое уютное место, но я не смогла там прижиться. Я наполнила его тем, что ненавидела в реальном мире, потому что какая-то часть меня всё равно хочет драться. За Манишу, за себя... — она прикусила губу, пытаясь сдержать слёзы. — За тебя!

— Да, — Доктор мельком посмотрел на неё тёмными, полуприкрытыми глазами. — Когда живёшь в раю, начинаешь задаваться вопросом о том, кто выносит мусор. Когда-то я тоже сделал такой шаг. Ты всё ещё ненавидишь меня за то, что я позволил убить тебя?

— Я сама позволила себя убить, когда зашла на борт твоей чёртовой ТАРДИС! — вскрикнула Эйс. — Такой расклад, да? Либо дерёшься со всем миром, либо остаёшься в безопасности. В безопасности тебе не будет больно. Если дерёшься — будет. Нет выбора, Доктор. Нет никаких вариантов!

Они поднимались по склону, их хлестал ветер, и Эйс приходилось кричать всё громче, чтобы её было слышно.

— Но у тебя это всегда так хорошо получалось! Казалось, что у тебя всё всегда под контролем!

Из носа Доктора вытекла капелька крови, и Эйс, несмотря на спутанность мыслей, поняла, что он сосредоточен на чём-то другом, на чём-то далёком.

— Если на моём лице и есть улыбка, — прошептал он, — то только для того, чтобы обмануть публику. Когда же нужно обмануть тебя...

Он не завершил предложение.

Эйс быстро улыбнулась, чувствуя, что её слёзы были лишь краем огромного кома горя, который пытался вырваться

наружу. Она обернулась и увидела, что Чед Бойл встал и вертелся на месте, держась за голову.

— Доктор! Что с ним?

— Времяточцу тяжело держать всё под контролем. Его коммуникации и так ломались, а после того, как он меня убил, будет ещё хуже.

— Убил тебя?

— Да. Идём...

Хромая, они побрели к подножию горы и начали медленно подниматься на её каменистые склоны.

— Я не могу его спасти, — Трэло делал искусственное дыхание. — Саул, сделай что-нибудь!

— Я не могу! — Саул, как и преподобный, не знал, что делать. — Я пытаюсь запустить сердце, но оно почти не реагирует. Эрнест... — голос церкви запнулся от горя. — Доктор умер.

Времяточец почувствовал, как ландшафт данных содрогнулся от боли, карту пронзил внезапный спазм. Территория начала быстро разрушаться. Несколько книг в библиотеке вспыхнули, знания на их страницах умирали.

— Пора! — вскрикнул вирус, убедившись, что его восприятие происходящего правильное. — Скоро я буду свободен!

Чед хотел положить этому конец, здесь и сейчас. Ему казалось, что если он прикончит злодея, дойдёт до последней главы этой сказки, то сможет вернуться домой.

Боль в его голове говорила о том, что это не так.

Возбуждённый приближением победы Времяточец схватил его в кулак и овладел им. Лицо Бойла успокоилось, а затем превратилось в драконью маску Времяточца.

— А теперь, — прошипел ЧервеБойл, — наступает битва!

С трудом преодолевая крутые участки и большие камни, Доктор и Эйс почти добрались до вершины. За Доктором оставалась дорожка крови.

— А что мы найдём в этом провале, Профессор? — Эйс старалась быть храброй, относиться к этому как к очередному увлекательному путешествию.

— Ужасные вещи, — пробормотал Доктор. — Ужасные. Который сейчас час? — он попытался найти в кармане часы.

Эйс нахмурилась:

— А тут время имеет какой-то смысл?

— Моё собственное время. Внутреннее время. Подожди.

Он замер, закрыл глаза, сосредоточился; из его носа по лицу текла струйка крови. Эйс вздрогнула, увидев это, и подумала, много ли Доктору придётся потерять. Чем бы ни было это место, Доктор, похоже, не был к нему сильно привязан.

— Хорошо, — пробормотал он, снова раскрыв глаза. — Идём.

Они продолжили восхождение.

— Доктор, — Эйс решила, что пришло время получить какие-нибудь ответы. — Почему я больше не чувствую себя маленькой девочкой?

— Это хороший знак. Это значит, что мы можем победить. Шансы выравниваются. Если выиграет Времяточец, ты не попадёшь в старшие классы. Если выиграю я, у тебя будет будущее.

— Выиграешь?

— Выживу, — быстро поправился Доктор, недоверчиво оглядываясь по сторонам. Словно обращаясь к зрителям, он добавил: — Думаю, это всё, на что мы можем надеяться.

Саул паниковал, по церкви туда-сюда метались лёгкие порывы ветра.

— Что нам делать? — плакал он. — Что мне делать?

— Саул! — крикнула Эмили. — Не переживай, я чувствую... Они сейчас в ужасной опасности, но я знаю, что ещё не всё кончено!

— Но он мёртв! — беспомощно возвёл руки Трэло. — Что тут ещё можно сказать? Кто нас теперь спасёт?

Церковь наполнил рёв со скрежетом, к нему добавился гул нарастающей энергии.

Чувства Саула загудели от нового импульса энергии.

— Смотрите! — вскрикнул Питер.

С медальоном, оставленным лежать на полу церкви, происходило что-то невероятное. На глазах у изумлённых людей он рос, становился всё больше и больше, камень в его оправе пульсировал внутренним светом.

Эмили и Питер от страха прижались друг к другу. Орнамент стал размером с дверь и перестал расти. Огромный камень в огромной оправе стоял вертикально, обращённый к ним.

— Что это, Саул? — удивлённо спросил Трэло. — Это чудо?

— Смотря что ты считаешь чудом, — ответила церковь. — Это очень мощный объект, излучающий радиацию небольшого уровня — пока что безопасного — и способный заключать в себе огромную энергию.

— Руны на оправе, — Питер подошёл ближе и осторожно дотронулся до медальона, — посмотрите на них!

Когда медальон был маленьким, руны были просто непонятными символами, продуктом инопланетной культуры. Теперь же они образовывали английские слова.

— Боже мой, — пробормотала Эмили. — Это же французский.

Её муж удивлённо посмотрел на неё.

— Нет, — прищурилась она, — это английский, да? На мгновение мне показалось, что...

— У этих букв изменчивая природа, — вмешался Саул. — Я могу воспринимать их как латынь.

— Это что-то новенькое, — Питер отступил на шаг и прочёл буквы:

— «Спасибо вам за вашу веру. Летите по коридору. Саул должен создать энергетическую связь. Время истекает. Доктор».

— Довольно обнадеживающе, как для эпитафии, — тихо сказала Эмили.

Доктор и Эйс стояли перед зияющей пропастью. Они прибыли на вершину горы и обнаружили, что гора пустая, как

вулкан. Провал уходил в темноту, тут чувствовалась ужасная обречённость.

Далеко внизу две стороны кратера соединял крохотный мостик. К нему по спирали спускалась дорожка. Доктор осторожно пошёл по дорожке.

— Что это такое? — спросила Эйс.

— Это дверь между одним и другим, — слабеющим голосом пробормотал Доктор. — А мост это связь, проход между двумя мирами.

— Молодец, Профессор. В кои-то веки прямой ответ.

Голос у Эйс был беспечный, но Доктор остановился и посмотрел на неё серьёзно:

— У меня не было возможности рассказать тебе что-нибудь. Никогда не знаешь, когда Времяточец может слушать. Ты хорошая актриса. Но не настолько хорошая.

И он пошёл дальше по дорожке. Эйс не поняла, это было оскорбление или нет?

— Энергетическая связь... — размышлял Саул. — А как мне её создать?

— Ну, похоже, что ты должен знать, — Питер гладил рукой гладкую поверхность камня. Вскрикнув, он отшагнул назад. — Папа! — вскрикнул он. — Папа! Но ты же умер!

Эмили подбежала к нему и оттянула его, чтобы он больше не касался.

— И я это почувствовала! — воскликнула она. — Оно уносит в прошлое. Там полно воспоминаний.

— Я видел своего отца... — Питер потёр лоб. — Он открывал на чердаке коробку, разрезал ножницами верёвку. Я

видел это так чётко, как будто был там, — математик поднял взгляд на стропила. — Так это машина времени, Саул?

— Нет. Нет, теперь я понял, — голос Саула стал возбуждённым. — Я почувствовал его энергию, когда вы коснулись камня. Это дверь в сознание, тоннель в глубины памяти.

— Тоннель? — Эмили посмотрела в камень, и у неё на глазах он растворился в бесконечный пурпурно-синий калейдоскоп. Цвета образовывали тоннель, уходивший в сияющую точку. — Понятно.

— Это тот же эффект, который я видел снаружи церкви, когда нас сюда переносило, — Питер поднял палец и постучал им себя по носу. — Значит, это тоже вихрь времени.

— Который ведёт туда, где Доктор! — триумфально завершил Трэло.

Хатчингсоны посмотрели на него.

— Ну, я не такой уж и мракобес, знаете ли, — улыбнулся он.

ЧервеБойл бежал по склону горы, сожалея о коротких ножках его носителя. Порывы ветра становились всё сильнее, они чуть не сбивали маленького мальчика с ног. Червь кричал на ветер сильными кодами, надеясь взять под контроль некоторые аспекты быстро распадающегося пространства данных. Ни один из них не работал. Этот мир превращался в хаос.

Скоро всё будет кончено.

Доктор дошёл до конца спирального пути и стоял на конце моста, который, как видела Эйс, был тонкой аркой из похожей на органику скалы, словно осадок в пещере. С нижней его стороны свисали сталактиты. Всё вокруг казалось мокрым и ужасно биологическим. Из провала эхо доносило далёкий звук, похожий на дыхание. Снизу то и дело приходили резкие порывы горячего ветра.

— Как мы будем туда спускаться? — крикнула она, не видя на гладких вертикальных стенах зацепов.

— Упадём, — пробормотал Доктор. Его взгляд был направлен на возвышавшийся над ними край кратера. — Идём. Я не хочу умереть из-за того, что ты опоздала. Снова.

— Профессор, а что там внизу? — Эйс показалось, что она увидела в глубине какое-то движение, словно темнота пошевелилась.

— Я не знаю, — Доктор посмотрел на неё и грустно улыбнулся. — Какой длины побережье Британии?

— Чего? Понятия не имею.

Эйс смотрела в провал, думая, так ли важен этот вопрос в данный момент. Доктор протянул дрожащую руку и поднял её голову, чтобы она его выслушала.

— Не смотри в бездну, — посоветовал он. — Нитцше сказал что-то похожее, а ещё интересные вещи о сражении с чудовищами. Всё остальное у него вызывает жалость. Нет. Это важно. Береговую линию можно измерить, так?

— Да, наверное.

— Но с какой точностью её измерять? — Доктор был абсолютно серьёзен. — Метровой линейкой? Или мерной

лентой? Нужно ли измерять каждый камень, каждую затоку, даже оставшуюся после прилива?

— Ну-у...

— А можно опуститься до уровня атомов, делая измерения всё более и более точными. И будут появляться всё новые и новые детали, а длина будет становиться всё больше и больше. Длина побережья бесконечная, результат измерения зависит от того, с какого расстояния проводишь оценку.

— Это глупо, — Эйс задумалась. На секунду она была похожа на себя из своего города-мечты. Она же гражданин вселенной, значит, она выслушает, так?

— Возможно. Как край снежинки, или как это место. Размерности дробные, количество информации бесконечно...

Над ними опускалась ночь. Тёмное небо приобрело ту же структуру, что и провал подними, Доктор стал говорить быстрее.

— Такие формы можно выразить уравнениями. Вирус Времяточца как раз такого рода уравнение.

— Хочешь сказать, он бесконечный?

— Да. Фрактальный. Его внешность зависит от того, в каком масштабе ты его рассматриваешь. К примеру, тот хулиган, Бойл. Он не важен, он важен, он — весь мир. Ты меня понимаешь?

— Да, — быстро кивнула Эйс. У неё было ужасное чувство, что это был последний урок, что эта мудрость — эпитафия, что-то, что ей нужно унести с собой.

— При помощи этих уравнений можно писать стихи, которые соответствуют размерности самого Червя. Давным-давно я выучил такой стих. Я его обнаружил глубоко в своих

снах, по инструкции великого учителя, ещё до того, как узнал о том, кем я являюсь. Времяточец тоже не знает свой потенциал. Он не может услышать составляющие его уравнения, не может услышать посланное мной сообщение.

Эйс растерялась.

— Я тебя не понимаю, Профессор, — вздохнула она.

Темнота смыкалась. Полумрак расползлся по окружавшей их местности и, похоже, заражал и её мысли.

— Жизнь — фрактальная штука, Эйс, — сказал Доктор. Его лицо было скрыто в тени, голос звучал словно издалека. — Со стороны, с такого расстояния, с которого её видел Хеммингс, она очень простая, вопрос причины и следствия. Толчок — движение.

Эйс уже едва различала его, да и сама растворялась в темноте. Издалека доносились похожие на древние воспоминания песни, женские голоса звали Доктора домой.

— Жизнь не такая. Мельчайшие вещи имеют величайшие последствия. Трепет крыла бабочки может разрушить цивилизацию. Жизнь — хаос, а хаос никогда не умирает.

— Нет, Доктор! — крикнула Эйс. — Не умирай! — она огляделась, пытаясь что-нибудь разглядеть в сгущающейся темноте. — Ты нужен людям! Ты нужен мне! Не уходи!

— Смерть не ждёт... — проревел голос с края кратера, и темноту осветили языки пламени. Времяточец опустил на мост; его руки были широко разведены в стороны, ноздри изрыгали в ночь вспышки пламени. У него был величественный и триумфальный вид. — Пришло время! Иди ко мне, Доктор!

В отблесках пламени Эйс разглядела, что Доктор упал и неподвижно лежал на краю кратера. Времяточец шагнул вперёд. Эйс стала у него на пути.

— С дороги, девчонка! — огрызнулся вирус. — Он должен умереть, чтобы жил я! И я буду жить!

— Ну, давай, — Эйс прикусила губу, призывая всю свою храбрость. — Попробуй.

Два врага не сводили друг с друга глаз, а вокруг них смыкалась темнота.

— Если я воспользуюсь ритмом, который я принимал, — пробормотал Саул, — я смогу зарядить эти ворота и кто-нибудь мог бы навестить Доктора.

— Давайте так и сделаем, — Питер снял с себя пиджак и отбросил его на скамью. — Скажи, когда будешь готов.

— Но... — начала Эмили.

— Мне понадобится не только энергия, — быстро продолжил Саул. — Я смогу открыть... для меня это чисто инстинктивно, как вы его называете?

— Вихрь времени, — нахмурился Питер.

— Я смогу открыть коридор в вихре времени, ведущий туда, где сейчас Доктор, но кому-то нужно вычислить путь по коридору. Кому-то, кто может представить математическую топографию.

— Хорошо, — кивнул Трэло и шагнул вперёд. — Это сделает Питер, а отправлюсь я. Если этот коридор ведёт в память, как вы её называете. Что же, быть может, мне будет позволено мельком взглянуть за вуаль.

— Это убьёт тебя, — сказал Саул, пытаясь не выдавать свои чувства. — Твоё сердце этого не выдержит... Мы понятия не имеем, что находится по другую сторону врат.

— Минуточку! — крикнула Эмили и махнула руками, чтобы прекратить спор. — Я пойду. Я молодая, я сильная, и мне не нужно заниматься вычислениями.

— Нет, — Питер покачал головой. — Ни в коем случае.

— Послушай. Я здесь именно для этого. Ты что, не видишь, что мы тут оказались не просто так? Нас здесь собралось огромное количество мелких обстоятельств, крохотных шансов. Мы ещё не видим всю картину, к примеру, зачем мне этого ребёнка дали. Но выполняется какой-то замысел. И, Боже, я хочу отправиться туда, — Эмили протянула рук и коснулась вихревого поля. — Я хочу увидеть, куда ведёт этот тоннель.

— Я не могу не согласиться, — хоровым голосом сказал Саул. — Должна отправиться Эмили.

Питер расстроено смотрел на жену.

— Как мне тебя убедить не делать этого? — прошептал он.

— Никак, — она нежно поцеловала его в лоб. — Просто позаботься о том, чтобы я туда добралась. Знаешь, если ты не хотел приключений, не нужно было на мне жениться.

— Может быть, у меня не было выбора, — пробормотал Питер.

Времяточец ревел в сгущавшейся темноте, из его ноздрей вырывалось голубое пламя.

— Не будь душой, — проворчал он. — Я могу уничтожить тебя без сожалений! Ты мне больше не нужна.

— Подавись, сволочь, — усмехнулась Эйс, утирая рукавом слёзы. — Это хороший день для смерти.

— Ты умрёшь в любом случае. — Времяточец оскалился сталью. — Ты не понимаешь.

— Точно. Объясни мне.

Стоя у врат медальона и готовясь прыгнуть, Эмили захотелось зажать нос. Она чувствовала себя как маленькая девочка, которая готовится в первый раз прыгнуть в воду.

— Ты точно уверена? — спросил Питер. — Я готов пойти, если ты не готова.

— Это невозможно, — вмешался Саул. — Я не смогу связаться с вашим мозгом, когда вы будете двигаться по гиперпространственному тоннелю.

— Заткнись, Саул, — пробормотал Питер, обнимая жену.

— Нет, — тихо сказала Эмили. — Я хочу это сделать. Чтобы спасти их жизни — а я думаю, что уже пора кому-нибудь спасти эту девушку — но ещё и потому, что это будет интересно. Для тебя этого мотива было бы достаточно, дорогой, не так ли?

Питер улыбнулся и поцеловал её.

— Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — пообещал он.

Он глубоко вздохнул, стараясь не расплакаться. Она, как всегда, проявляла выдержку.

— Не переживай, — Эмили в последний раз поцеловала Питера и шагнула к вратам-медальону. — Готов, Саул?

Питер почувствовал, как ментальное щупальце аккуратно пролезло к его любимым уравнениям. Оно, похоже, тоже

оценило их, хотя и более инстинктивным, необразованным образом, и у него возникли те братские чувства, которые он обычно испытывал к коллегам-математикам.

— Готов, — ответил хоровой голос церкви. Питер одновременно сказал то же самое.

— Благослови вас Господь, дитя моё, — Трэло коснулся головы Эмили и посмотрел ей глаза. — Да пребудет с вами сила Его, куда бы вы ни направлялись.

— Спасибо, преподобный, — Эмили глубоко вдохнула. — Правда, спасибо. Ну что, поехали!

Быстро улыбнувшись через плечо, женщина шагнула вперёд и ринулась в пурпурно-синий вихрь. Она завертелась, становилась всё меньше и меньше, и превратилась в точку, исчезающую вдали.

— Контакт установлен, — пропел Саул. — Мы настроились на гармоническую последовательность Доктора и вычисляем связь.

Питер с огромной скоростью представлял многомерную топографию, понимая, что от точности его работы зависит жизнь Эмили. Пару раз он паниковал и чуть было не пропускал контур, но Саул понял общие закономерности и сумел исправить ошибки. Это было словно подключение к мощному компьютеру, их коллективные ресурсы использовались для того, чтобы провести сквозь бурю воздушный змей.

Живой воздушный змей. Змей, которого Питер Хатчингс любил ещё сильнее, чем раньше.

Мысли Доктора были стаей птиц, пролетевшей на пути лодки паромщика. Паромщик уловил блеск в глазе одной из птиц и нахмурился, его беспокойство ускорило его прибытие в его дом, в архитектуру дремлющих шпилей.

— Так близко, — сказал звук машущих крыльев. — Так рискованно.

Третий Доктор стоял на зубчатой стене крепости, украшенной простым узором. Он стоял один, уперев руки в бёдра, высматривая первые признаки атаки. Ему не нужны были солдаты. Мысли Доктора пришли к нему в виде далёкого волчьего воя. Он нахмурился, но его взгляд не дрогнул.

Библиотекарь бежал по библиотеке, выбрасывая книги из мест, охваченных пламенем. Он беспокойно взмахивал руками, суетливо бегал между пылающими стеллажами.

Мысли Доктора явились ему в виде почерневших обрывков, упавших на его пути, как осенние листья. На некоторых из них всё ещё тлели угасающие идеи.

— Я на правильном пути? — говорили обрывки. — В приготовленную для меня зону?

— Нет! — сердито крикнул библиотекарь. — Ты уничтожаешь библиотеку! Теперь нам всем не выжить!

— Слишком поздно, — вздохнули горящие обрывки, потрескивая. — Не сработало.

— Тогда вернись, и сделай так, чтобы сработало! — библиотекарь швырнул на пол один из томов: — Не будет тебе покоя, и нам не будет покоя, пока ты не победишь!

Обрывки улетели, погаснув.

Библиотекарь вздёрнул нос и гордо кивнул. Быть может, эта молодёжь, наконец, прислушалась к нему?

Эмили неслась по коридору голосов, вокруг неё вспыхивали фрагменты опыта.

Темнота, война, слишком много, чтобы запомнить, слишком много, чтобы полностью умереть. Что-то древнее и сильное дерзко кричало перед смертью, его кровь пролилась на Эмили алыми брызгами.

Но оно продолжало жить в столетиях, которые проносились мимо, словно прозрачные призраки. Перемена, перемена, перемена... колесо вращалось, космос расширялся, целые миры возникали и пропадали.

Во всём этом времени была только Эмили... и Другой.

Визг боли, словно нажатые тормоза, и Эмили обнаружила, что тоже визжит, пытаясь очистить лёгкие от жидкости и глотнуть воздуха. Всё, что она помнила, было забыто. Вокруг неё расцвели мысли о рождении, и у Эмили потекли слёзы от близости груди матери. Суровое окружение, кто-то смотрит от двери, великая сила, которая...

Ссоры, маленькие войны, тёмный ребёнок, охваченный ненавистью, разбитое стекло, вырвавшееся время, учителя ревут от злости. Фигуры в мантиях снуют туда-сюда по бесконечным коридорам, бесконечные заговоры, перешёптывания, и юные глаза, которые всё это видели и ничего не понимали.

Одноглазый в капюшоне улыбается и кивает, словно видит полёт Эмили и приветствует её. Перед ним был цветок... Боже мой! Какой он красивый, он переливается внутренней

радугой... И его не стало, он промелькнул, никогда не возвращался, умчался с порывом роз. Её охватила грусть, она чувствовала запах пороха и смерти, фигуру, целеустремлённо идущую по зданию, прикрыв суровое лицо капюшоном.

Пора бежать. Пора убираться из этого старого места. Пора изменить мир.

Воспоминания проносились мимо неё, присоединяясь к гомону голосов, к одному голосу, к каждому голосу. Они проносились над ней, а она падала в вихрь времени, и их личности проносились над ней как волны.

До чего же наглые эти люди, врываться вот так! Да ещё в такое критическое время! Но их присутствие могло многое значить. Да, быть может, это и к лучшему... В конце концов, боже мой, в этой вселенной были ужасные вещи, такие, которые ни для кого не могут быть хороши, даю слово! Люди иногда вляпывались в неприятности, и было чертовски неприятно застрять с ними на одной планете. Это было просто невыносимо, и снова министр звонил! Это было похоже на дурацкую коктейльную вечеринку... Ну, я всегда любил вечеринки, но если бы вечеринку проводил я, я бы себя не пригласил. Глупые штуки эти люди — живут недолго, конечностей слишком много. Но всё-таки, всё-таки! Есть в них что-то очаровательное. Точно. Они очень хорошая компания в сложных обстоятельствах, и я бы ни от чего не отказался. Временами они докучливы, но в целом, я считаю, они просто превосходны! Превосходны! Превосходны! Я же всегда считал их банальными, невыносимыми и, к сожалению, повсеместными! Либо прими их, либо не связывайся, лучше второе. Да, принять их, присматривать за ними, использовать

их в азартных играх. Как там они говорят? Доктор, исцели себя!

— Доктор... — услышала Эмили свой голос, — ну и жизнь вы прожили...

Времяточец смотрел на Эйс своими чужими глазами. В них блестел юмор, возможно, унаследованный от используемого тела. Мир вокруг них темнел, на дне Провала какие-то твари выли и визжали. С каждой секундой темнота и суматоха становились всё сильнее. Это, похоже, радовало дракона.

— Ты думаешь, что этот мир — загробная жизнь?

— Нет, — нахмурилась Эйс. — Не совсем. Я не знаю, что это.

— Это моя естественная среда обитания. Я компьютерный вирус...

— Мы в компьютере?

— Не перебивай. Я компьютерный вирус, который может жить в любой достаточно сложной системе обработки данных. Я могу захватывать такие мозги, как у Бойла, имплантируя в них механизмы, или же я могу вселяться в них полностью. Обычный человек может сопротивляться мне очень недолго. А этот мозг сопротивляется мне уже несколько месяцев.

— Это мозг? — Эйс огляделась, видя всё в новом свете. — Это чьи-то воспоминания, чьи-то сны!

— Именно, — Времяточец шагнул вперёд и, шипя, оскалил зубы. — Я перенёс сюда тебя, Бойла и Хеммингса в виде данных, памяти. Ты стоишь на мосту между полушариями мозга, над пропастью бессознательного. Ты уже догадалась, где мы?

— О, боже мой, — у Эйс возникло жуткое подозрение. Она посмотрела на упавшего Доктора, вокруг которого по камням растекалась кровь. — Нет!

— Да! Это не просто мозг, ёмкость для моего разума. Это могущественное существо, повелитель пространства и времени. Ты не понимаешь, человек? — Времяточец выпустил когти и проревел свой секрет так, что эхо донеслось из самых глубин Провала: — Это мозг Доктора!

ГЛАВА 11

Сочувствие Доктору

*Как я могу жить без своего имени? Я душу вам отдал;
оставьте имя!*

«Суровое испытание»,
Артур Миллер.

Эйс смотрела на существо, ликовавшее на синаптическом мосту.

— Так это разум Доктора?

— Да. Здесь есть пять из его предыдущих воплощений. Когда повелитель времени регенерирует, копия старой личности сохраняется в памяти до тех пор, когда её перенесут в Матрицу, галлифрейскую базу данных. Большинство из его народа держат своих призраков во сне. Доктор как всегда, поступает не так, как все, и это делает его уязвимым. Когда он освободил личность третьего Доктора, чтобы тот ему помог, я воспользовался его ментальным смятением и внедрил крохотную часть себя в его память, убежище на случай, если его охота на меня станет слишком рискованной. Я спрятался, как говорят люди, под самым его носом.

— Пять? — всё, что смогла сказать Эйс.

Времяточец был так увлечён своей речью, что не расслышал вопрос.

— Когда второй Доктор посещал Доктора во снах, я был там, обосновывался. А теперь я готов захватить весь ландшафт

данных, а вместе с ним и тело. Когда сознание Доктора погибнет, Времяточец станет по-настоящему свободным! — существо шагнуло вперёд и выпустило когти.

— Да что ты? — Эйс старалась быть хладнокровной, но на самом деле было похоже, что это конец.

— Когда я перенёс тебя сюда, в моё царство, я хитростью заставил тебя взаимодействовать с Доктором и его ТАРДИС. Ты сфокусировала их псионную энергию на церкви и принесла её на Луну. Знаешь, зачем?

— Нет, — если честно, Эйс вообще не понимала, о чём говорил Времяточец, но пока эта тварь занята разговорами, она не нападает на Доктора.

— Потому что при смерти повелителя времени высвобождается огромное количество ментальной энергии, и я воспользуюсь существом, известным как Саул, для того, чтобы сфокусировать эту энергию в огромный энергетический импульс. Орбита Луны будет нарушена, она будет падать всё ближе и ближе к Земле. Перед тем, как она уничтожит планету, будет очень длинная ночь, одно огромное полное затмение. Миллиарды потоков времени будут оборваны или уничтожены. Миллиарды решений, альтернативных вариантов пропадут в этой ужасной определённости, — Времяточец неспешно шёл вперёд, со смехом продолжая говорить: — Ну не превосходна ли моя схема? Разве она не совершенна? Я получаю постоянную физическую форму, возможности повелителя времени и его корабля, и огромную новую территорию для питания. Мои возможности станут безграничными.

— Да, и что же ты сделал со мной? — Эйс вспомнила кирпич, тень на фоне солнца, звук удара камня по кости.

— Когда я получу тело Доктора, я изменю линию твоей жизни. Во время несчастного случая на игровой площадке Чед Бойл тебя убьёт. Чед сказал мне, что видел тогда Доктора; он стоял у школьных ворот и не пытался спасти тебя. Это был я, я смотрел на твою смерть.

— Зачем? Почему ты хочешь это сделать?

— Потому что это часть того, что подрывает здесь разум Доктора — твоя нестабильность. Я Времяточец, зла во мне не больше, чем в вулкане или водопаде. А теперь, — он провёл пальцем по ладони другой руки. — Пора умирать.

Эйс осторожно шагнула назад. Больше надежды не осталось. Их окружала темнота, Доктор был близок к тому, чтобы умереть от ран. Что бы он сделал, если бы столкнулся с этим существом и не имел оснований для надежды?

Да. Он бы сражался. У неё остался ещё нитро-9, но она не могла воспользоваться им на этом мостике, не разрушив его. Не смотря на планы Профессора, падение в Провал её не привлекало. К тому же, Времяточец мог летать.

Какое ещё оружие у неё есть? Что же... Можно попробовать.

— Профессор? Доктор? Ты меня слышишь? — подумала она. Из глубины Провала донёлся слабый крик. Она предположила, что это ей отвечает бессознательная часть разума Профессора.

Времяточец металлическим оскалом усмехался её отступлению.

— Мне нужно сражаться с ним. Мне нужно защитить тебя,
— Эйс сосредоточилась. — Дай мне меч.

Она не ожидала, что это будет так быстро. Из глубин Провала блеснул вверх серебристый свет, на долю секунды озаривший весь окружающий пейзаж.

А в руке у неё появился меч. В точности такой, какой она представила.

Эйс бросилась на Времяточца и размашисто ударила оружием по животу существа. Тварь закричала от ярости, и в её сверкающем кулаке тоже появился меч.

Тварь пырнула им в голову Эйс, промахнувшись на несколько сантиметров.

Эйс шагнула в сторону и ударила по ногам существа, но оно защитилось. Сверху, сбоку, снизу — противники атаковали и защищались, удар за ударом.

Сцепившись мечами, они приблизились лицом к лицу, сила Времяточца постепенно одолевала решительность Эйс.

— Я не позволю тебе убить Доктора! — крикнула Эйс в лицо Времяточца. — Вначале я сама погибну!

— Где ты научилась так драться, человек? — рявкнул Времяточец.

— На детских площадках Перивейла, мразь!

Увидев в металлических ноздрях свечение, Эйс пнула тварь ногой в грудь, уводя меч в сторону. У неё над головой вспыхнула струя пламени.

Воспользовавшись тем, что Эйс потеряла равновесие, Времяточец сделал выпад и толкнул её вдоль узкого моста. Девушка отчаянно отбивалась от града ударов.

— Твой драгоценный Доктор скоро станет моим! — ревел Времяточец, наслаждаясь схваткой. — Ты лишь затягиваешь его агонию! Он теперь всего лишь идея в его собственной голове...

Меч Эйс отлетел в сторону; он лежал на мосту, но она не могла до него дотянуться. Времяточец занёс меч для последнего удара.

— Как и ты, он всего лишь сон!

— Для кого-то сон, — проревел из-за спины Времяточца голос. Там стоял Доктор, его лицо было в тени, а глаза сияли. — А для кого-то кошмар!

Он схватил маленькое тело Времяточца и, вскрикнув от напряжения, сбросил его с моста. Изрыгнув пламя, монстр с ужасным рёвом понёсся в бездну.

— Саул! — крикнул Доктор в небо; по его лицу текла кровь. — Сейчас!

Вспыхнул яркий белый свет.

Эмили вылетела из вихря времени над фантастическим ландшафтом, над кругом зелёных полей, огромных библиотек, крепостей и сияющих башен. Возможно, за мгновение до её появления тут было темно, но сейчас всё было зелёное, освещённое величественным рассветом.

Она падала сквозь облака, сквозь голубое небо, и на мгновение ей показалось, что она увидела весь этот мир, цельную личность, на которой лежали тяжёлое бремя и великая печаль.

А затем тучи сомкнулись. Когда она снова вылетела из них, она могла разглядеть только детали поверхности, мчащиеся ей

навстречу. Перед ней раскрывался Провал, через который лежал лишь один тонкий мост.

Это было неправильно! Она сейчас умрёт! Как...

Мир изменился, потянулся к ней и помог ей.

Радостно смеясь, Эмили с невероятной скоростью скользила вниз по перилам спиральной лестницы. Лестница была белая, наверху она заканчивалась мерцающими воротами-медальоном. Лестница была органическая, она была из полированной кости, а вниз по её ступеням каскадами лилась чистая вода. Приближался конец перил.

Эмили слетела с него и оказалась на руках у Доктора.

— Здравствуйте, — сказал он. — Добро пожаловать в мой мозг. Простите, что в нём такой беспорядок. А это моя подруга Эйс.

Он аккуратно поставил Эмили, и Эйс поняла, что он приберегал для этого момента свои последние силы. Бледный и дрожащий, он пошатнулся вперёд и упал на колени в воду, стекавшую по ступеням на мост, а с моста вниз, в пропасть.

Он потянулся вперёд, зачерпнул двумя руками воду и плеснул себе на лицо. Рана от когтей исчезла.

— Сила Саула, — пробормотал он удивлённой Эйс. Он быстро зачерпнул ещё воды и выпил. — Она исправляет структуру моих данных. У нас мало времени.

— Разве Времяточец не погиб?

Эйс посмотрела на Эмили и пересеклась со взглядом, в котором было что-то, к чему женщина из Перивейла не привыкла. Что-то вроде материнской любви. Обе хотели что-то сказать, но Доктор торопился. Он встал, его раны залечивались и исчезали.

— Нет. Он лишь временно отступил. Нам нужно подняться по лестнице к вихрю времени. Времяточец поймёт, что Саул взломал его защиту. И придут они.

— Кто? — спросила Эмили. Она изумлённо оглядывалась по сторонам, у неё было столько вопросов.

Но ответы она уже видела сама. Из материала равнины, на которой бушевала буря, формировались существа. Далеки и солдаты ЮНИТ, повелители времени и ужасные мёртвые спутники, которых Эйс видела раньше. Они брели вдоль края Провала, плача и крича Доктору, чтобы он остался. Они то умоляли, то угрожали.

— Все мои сомнения и страхи, — мрачно прошептал повелитель времени. — И не реализованные устремления. Они меня так просто не отпустят.

Они побежали вверх по лестнице. Эйс быстро поняла, что идти против потока воды будет непросто. Шаг за шагом она толкала себя вперёд, но у неё всё ещё были вопросы.

— Профессор, кто она такая и что она тут делает?

— Это Эмили Хатчингс, старый друг.

— Но я вас не знаю, — тяжело дышала Эмили. — Вернее...

— У вас такое чувство, будто вы знали меня всегда. Да, узнаете, — Доктор хитро улыбнулся. — Она и разумная церковь, известная как Саул, помогли мне обхитрить Времяточца. Он думал, что я опущусь в Провал, а не направляюсь вверх. Я не знал, что мне помогут. Я думал, что он перенёс на Луну церковь из своих соображений...

— Но я думала, что он знает всё, что знаешь ты! — воскликнула Эйс. — Я думала... Но это значит... — на её лице

появилась широкая улыбка. — Боже мой! Это всё часть игры, да? Ты играешь в игру!

На мгновение Доктор удивлённо взглянул на неё. По его лицу расползлась старая улыбка.

— Да, и я выигрываю. Как обычно.

— Ну ты и ублюдок! — рассмеялась Эйс.

— Не знаю, — пробормотал Доктор, протянув руку и коснувшись её волос. — Возможно, мы это выясним.

Эйс схватила его руку и широко улыбнулась. Затем она схватила за руку Эмили. Все вместе они шли против течения вверх, и вершина лестницы нависала над ними всё ближе.

Существа начали подниматься по ступеням вслед за ними. Эмили не останавливаясь обернулась через плечо. Господи, эти существа двигались быстрее, чем они. Они догоняли. Если бы она до сих пор не чувствовала, как Питер и Саул её тянут, зовут домой, и если бы у неё не было такого желания помочь этим двум путешественникам, это место могло бы свести её с ума. А так это казалось сном, восхитительным приключением, и именно так она к нему и относилась. У неё было чувство, что именно этим Доктор и занимался — вовлекал людей, чьи жизни были блеклые, и показывал им, какой ужасной и интересной может быть жизнь.

Какой ужасной и какой чудесной. Боже правый! Она посмотрела на бежавшую рядом Эйс. Щёки девушки покраснелись от напряжения, а её лицо наполняла радость, которую чувствуешь, когда сталкиваешься со своими страхами и преодолеваешь их. О, почему же ты не моя дочь? Она посмотрела на Доктора и поразилась. Всё та же мысль, о столкновении со своими страхами.

Но Доктор с ними не справился. А значит, он всё ещё уязвим. У Эмили возникло предчувствие, что это хорошо не кончится.

Они мчались вверх, к мерцающим вратам-медальону, приближались всё ближе и ближе. Демоны Доктора тоже приближались всё ближе, их ноги мутили текущую воду, делали её грязно-коричневой. Их вой разносился по внутреннему пространству повелителя времени.

Когда до ворот оставалось метров двести, Эйс начала отставать. Её силы постепенно покидали её, быстрее, чем должны были. Конечно, она устала, но дело было не только в этом, словно...

Она попыталась вспомнить Ледяной Мир, но не смогла.

Но это означало... Нет. Это значит, что Профессор не победит, что она всё равно погибнет во дворе школы.

Он казался уверенным в себе. Но он ведь всегда такой.

Демоны были уже близко, впереди всех был пылающий мальчик Адрик; его внутренности кипели, и из его рта вырывалось голубое пламя. Металлическая звезда на его груди медленно плавилась и растекалась, превращаясь в странный завиток.

Эмили добежала до ворот и оглянулась. Доктору оставались последние ступени, он устал, но на лице у него было странное устремление. Он обернулся.

— Быстрее, Эйс. Последние...

Но она не могла быстрее. Она споткнулась о ступеньку, и орда демонов мчалась, преодолевая поток, к ней. Доктор побежал по ступенькам к ней, но Эмили схватила его за воротник.

— Не пущу! Я не собираюсь возвращаться без вас!

— Нет, это неправильно, так не должно было быть... — Доктор в отчаянии оглянулся.

Эйс встала, ударила локтём горящего мальчика по лицу и, плюхая ногами, решительно направлялась к ним. Доктор протянул ей свой зонт, и она ухватила за его конец, помогая себе преодолевать поток воды. Тёмные руки взмахнули в воздухе за её спиной.

Она была уже почти на одной ступени с Доктором, когда одна из рук схватила её. В неё вцепилась костлявая рука стареющей женщины, Кингдом. Затем, несмотря на отчаянное сопротивление, её схватили и другие. Доктор сильнее потянул свой зонт.

Поняв, что их переселят, Эмили приняла решение. Крепко схватив Доктора за руку, она прыгнула в вихрь.

— Доктор, мы возвращаемся домой!

Сила времени потянула её в пустоту, во вращающийся коридор, её удерживал у врат только Доктор. Его поднимало за ней, ноги оторвались от земли и единственное, что его удерживало — его зонт. Эйс угрюмо держала тонкий конец зонта, а всё больше и больше рук хватали её и тянули назад.

Доктор чувствовал, как напрягаются его мышцы, растягиваемые между тягой вихря и силой его внутренних демонов. Он застонал, его рука побелела от напряжения.

Эйс посмотрела на его лицо, искажённое болью. Он посмотрел в её глаза; в них были человеческая неудача, человеческие храбрость и грусть. Но было там и ещё что-то. У героев глиняные ноги, но Доктор был больше, чем героем. Он был принципом, чем-то универсально применимым, почти

определением перед лицом бессмысленного ужаса. Добром, победившим зло.

Эйс знала, что у неё нет надежды. Демонов было слишком много. Если так пойдёт и дальше, они доберутся и до Доктора, и до этой Эмили.

Эйс почувствовала горячие слёзы на своих щёках, но смогла выдавить мрачную улыбку. Боже, она сделала больше, добралась дальше, чем когда-либо мечтала. Она станцевала лучший танец во всей вселенной. И всё благодаря ему. Всё потому, что он увидел в ней что-то, похожее на него самого. Волю к победе даже при мизерных шансах, смелость не быть таким, как все, характер, который нужен, чтобы надрать кому-то задницу.

«Что же, Доктор», — подумала она. — «Смотри».

— Пока, Профессор! — крикнула Эйс сквозь слёзы. — Помни меня!

И она отпустила зонт.

Доктора понесло в трепещущий тоннель временного вихря. Эхо доносило его единственный крик:

— Эйс!

На его перекошенное ужасом лицо было невозможно смотреть.

ГЛАВА 12

Блюз распятия

*Услышу ли, когда уйду в иные дали:
«Грехи его считали, а стихи читали».*

Хилэр Беллок,
перевод Алёны Алексеевой.

Трэло смотрел на лежавшую на алтаре неподвижную фигуру Доктора, и не знал, о ком ему больше переживать: об этом человеке или о Сауле с Питером, которые оба бормотали что-то в трансе.

Врата-медальон гудели энергией. Взглянув на них, Трэло с изумлением увидел две крошечные фигурки, которые приближались, вращаясь, становясь в этом вихре всё больше.

Эмили выпрыгнула и, смеясь, схватила викария за руку.

— Это было чудесно, это всё так странно, я даже не представляла... — она обернулась через плечо: — Минуточку, со мной же был Доктор.

— Я вернул его в его настоящее тело, — отозвался Саул.

Питер очнулся, поняв, что его математические сны были реальными. Он прижал к себе Эмили и облегчённо простонал.

— У нас получилось, дорогой, — гордо сказала она, — мы его спасли.

Доктор пошевелился. Трэло обеспокоенно смотрел на него.

— Эйс, мне приснился странный сон, — моргая, бормотал повелитель времени. Он поднёс ладонь к лицу. — Мне приснилось, что я проснулся, и это всё правда!

Он резко сел и осмотрел свои руки, словно ища на них кровь.

— Нет! Нет! — кричал он. — Это неправильно! Эйс! Эйс!

Трэло положил на его плечо руку, чтобы успокоить:

— Доктор, вы снова среди живых. Что произошло?

Доктор стряхнул с себя руку преподобного и вскочил, не обращая никакого внимания на своих спасителей. Он осмотрел церковь, всё ещё ошеломлённый.

— Это была игра. Я изолирую Времяточца в своей голове, воспользовавшись Эйс как приманкой, а затем я её вынимаю, а его уничтожаю ментальной силой... И я не смог... Я пожертвовал ею, как и предсказывала Иштар. Я не смог! — он ударил кулаком по стене, затем посмотрел на него и увидел на пальцах кровь.

— Доктор! — закричал Саул.

Обернувшись, повелитель времени увидел тёмную фигуру Времяточца, стремившуюся к воротам-медальону.

— Нет! — пробормотал Доктор. — Так тебе не выбраться. Закройся!

Медальон с рёвом уменьшился до своего исходного размера, и Доктор спрятал его в карман.

— Пожалуйста, Доктор, — грустно, едва не плача, спросила Эмили. — Объясните, что было не так. Я думала, что я её спасла.

— Вы сделали всё, что могли, — Доктор опустил голову на скамью и снова посмотрел на неподвижное тело Эйс. —

Виноват только я. Я думал, что мы все выберемся на несущем луче Саула. Я готовил этот побег очень давно. Я знал, что во время сна мной управляют. Одно из моих воплощений предупредило меня. Многие из них появлялись во снах, многое мне рассказывали... Я сразу узнал внутренний пейзаж.

Доктор смотрел на свои руки, сжимал и разжимал их, словно ужасаясь отсутствию в них силы.

— Я надеялся, что Времяточец сосредоточит все свои ресурсы на том, чтобы захватить меня изнутри; он так и сделал. Я же тем временем сосредоточился на укреплении моей ментальной защиты. Сейчас я запер его в своём разуме. Я единственный, в ком или в чём есть вирус Времяточца. Ему не выбраться, но вместе с ним заперта душа Эйс.

— Значит, едва ли это пат, — разнёсся по церкви глубокий голос.

В углу стояла древняя бородатая фигура, из-под тёмного капюшона сверкал один глаз. Это существо возникло беззвучно.

— Что?! — закричал Саул. Затем, уже мягче: — Простите, вы меня застали врасплох.

Питер тяжело опустился на скамью.

— Я больше этого не вынесу, — вздохнул он.

Доктор поклонился Отшельнику:

— Я ожидал твоего появления.

— Да. Ты воспользовался стихом, которому я тебя научил, который ты слышал в сердце собственного бытия. Ты спасся. Над чем там ещё размышлять? Я наблюдал за тобой, Доктор. Я знаю, что ты без колебаний рискуешь невинными жизнями в своей войне против тёмных сил вселенной. Эта девушка сама

решила путешествовать с тобой. Она осознавала риск. Ради блага всей вселенной, положи этому конец. Сделай последний ход.

— Я... — качая головой, Доктор прошёл в угол церкви.

— Если ты будешь держать Времяточца внутри себя, он постепенно проест твои защиты. Он замучает тебя чувством вины и скорби. А затем он поглотит тебя, и ты отдашь ему своё тело, ТАРДИС, и всё, что ему нужно для бесконечного питания. Это кукушонок в твоём гнезде. Убей его.

Доктор помолчал, затем кивнул.

— Да, — сказал он.

Фигура отшельника беззвучно исчезла.

— И кто это был? — моргая, удивлённо спросил Трэло.

— Старый учитель, — пробормотал Доктор. — И старый друг. И он прав. Уже сейчас я чувствую, как Времяточец бродит по библиотеке, искажает мои воспоминания, изменяет мои этические взгляды. Скоро ущерб станет необратимым. Я должен положить этому конец.

Вперёд шагнула Эмили:

— Слушайте, я почти ничего из этого не понимаю, но я не позволю вам убить девушку, даже если это нужно для того, чтобы остановить Времяточца.

— Не позволяйте? — с рёвом повернулся к ней Доктор.

Затем по его лицу промелькнул страх. Напрягая волю, он протянул руку и мягко коснулся плеча Эмили:

— Простите. Это уже начинается.

Трэло внимательно посмотрел на лицо Доктора. Казалось, что на лбу появилась тень, которая ползала по морщинам.

Эйс ждала резкой смерти, была готова к тому, что когти растерзают её на части, что её убьют пламя или лёд. Но вместо этого вокруг неё собрались призраки Докторской души, на их лицах был тихий трепет.

Когда ворота исчезли, вода перестала течь по ступеням. Эйс села на ступеньку и посмотрела на армию чудовищ, на смертельно раненых солдат ЮНИТ, на монстров и мучеников.

— Ну? — потребовала она. — Чего вы ждёте? Добивайте уже!

Пылающий мальчик шагнул к ней и поклонился. На его лице постоянно лопалась плоть.

— Мы приветствуем тебя. Теперь ты одна из нас.

— Слушай, приятель, я действовала осознанно. Я не жертва.

— Но в этом и смысл! — прохрипела стареющая женщина, положив морщинистую руку на голову Эйс. — Мы тоже отдали свои жизни по собственной воле. Доктор до сих пор сожалеет об этом, до сих поддерживает нас своим чувством вины.

— И это всё? Вы тут только из-за того, что он чувствует себя виноватым?

— Именно так, — дрожащая женщина, Катарина, целовала ботинок Эйс. — Когда я была жива, жрецы говорили, что все мы лишь вымысел богов. Это тому подтверждение.

Эйс отодвинула от неё свой ботинок.

— А где вы все живёте?

Пылающий парень указал вниз:

— В Провале. Мы живём глубоко, в самых потаённых уголках разума Доктора. Там его совесть до сих пор жива, она прикована и обречена на вечные муки.

— А что будет, если я её освобожу?

Монстры переглянулись и начали тихо обсуждать это.

— Мы перестанем существовать, — сказал великан в угловатой маске.

— А, — сказала Эйс. — Тогда лучше так не делать.

— Но ты должна! — умоляющим голосом сказал пылающий мальчик, у которого расплывались руки. — Думаешь, мы не хотим смерти? Это же Ад, и нам из него не выбраться!

— Но как это скажется на Докторе?

Из толпы вышла рептилия, с которой Эйс говорила раньше.

— Мы существа подавления. Доктор считает, что он подавил голос своей совести, считает, что объявив состояние войны он смирился с тем, что из-за него погибали. Это не так. Если он сможет посмотреть в лицо своей совести, позволить ей снова выйти на свет, занять в его разуме должное ей место, то у него будет сила понять, что для его дилеммы есть и другое решение. Ему не нужно снова убивать.

— Если вы это знаете, то почему этого не знает он?

— Мы пытаемся ему сказать, — вздохнула стареющая женщина, — но он нас не слушает.

Это похоже на правду, — подумала Эйс. Она доверяла своей совести, пользовалась её внутренними импульсами тогда, когда больше не с кем было поговорить. А такие, как Доктор, кому нужно было соответствовать своему вселенскому имиджу, накрывают ночью голову подушкой и

стараятся не видеть сны. Она на секунду задумалась о том, как выглядел внутренний ландшафт Джонни Чесса, или хотя бы её.

— Ладно, — Эйс встала. — Давайте заставим его выслушать.

Она прикрыла рукой глаза от света, который теперь заливал ландшафт данных, и увидела свой меч, всё ещё торчавший в синапсическом мосту.

— Пойдёмте, взглянем на этот Провал.

Быстро спустившись по лестнице, которая после исчезновения врат-медальона начала разваливаться, они подошли к краю Провала. Эйс разглядывала кратер серого вещества, окружавшего вход пропасть. Она стояла на краю ветреного обрыва; сверху трава, внизу мозг.

— Если всё это иллюзия, то почему эта часть так похожа на настоящий мозг? — спросила она у окружившей её группы странных существ.

Капрал Хиггинс из ЮНИТ, державший свою голову подмышкой, поднял руку и сказал:

— Мисс, мне кажется, что Доктор таким образом обрисовывает то, что понимает не полностью. Он обрисовывает это в наиболее общих чертах. Там внизу сильные силы-архетипы, боги, как их назвал бы Юнг. Доктор предпочитает обозначить здесь реальность ситуации.

— Прямо как вы, да? Вы все говорите как Доктор, а не как настоящие вы.

— Не может же он всех нас держать в своём мозгу в полном виде, — пробормотала стареющая женщина, в этот момент снова помолодев. — Мы как персонажи книги,

которую он постоянно переписывает. Если бы он не был честным, он бы переписал нас так сильно, что наша смерть была бы нашей виной.

— Но она ведь не совсем его вина, так?

— Это болезненное место, — сказала Кингдом.

— И предмет споров между парнями, — закончил Хиггинс.

— Что же, — сказала Эйс, забив в утёс вынутый из рюкзака крюк и привязав к нему конец верёвки. — Если это и книга, то чертовски странная.

Она надела кожаные полуперчатки и начала спускаться.

— Не повторяйте такое дома, дети, — пробормотала она себе под нос.

— Будь осторожнее, — крикнула ей вслед Кингдом. — Времяточец всё ещё должен быть где-то там, как и все архетипы богов. Компания у тебя будет опасная.

— Ничего страшного, — крикнула в ответ Эйс. — Я когда-то ходила выпить в «Brixton Academy»¹⁷.

Спуск был хотя и не самым сложным в жизни Эйс, но уж точно самым странным. Порода, по которой она лезла, пульсировала жизнью, ей хотелось поморщиться каждый раз, когда она забивала новый крюк. Много раз ей приходилось лезть без страховки, и взгляды, брошенные на пропасть, не добавляли желания продолжать. Темнота под ней казалась бесконечной, и иногда в этой мгле возникали странные огни и эхо. Один раз посыпавшееся из-под неё вещество приняло

¹⁷ Лондонский зал для проведения концертов популярной музыки, рассчитанный на несколько тысяч зрителей.

форму чего-то летучего, но потом лишь раздалось странное, хохочущее эхо.

Поперёк провала ударила молния, подпалив её рюкзак. Она погасила его, постучав им об стену. От того, что было внизу, поднималось странное тепло, с поднимающимся тёплым воздухом приходил сильный запах. Запах говорил о непередаваемой тоске, агонии, отчаянии.

Эйс прикусила губу и сосредоточилась на лазании.

В конце концов стал виден пейзаж. Дно Провала было покрыто золотым песком, во все стороны расходились маленькие тоннели.

Эйс слезла со стены Провала, вынула последний крюк и осмотрелась. Выбрать тоннель, любой тоннель.

Тот, который она выбрала, быстро вывел наружу.

Вроде как.

Гнетущее грозовое небо бурлило малиновым над суровым пейзажем, в котором было полно острых скал. Общее впечатление было инопланетное, словно это была какая-то кошмарная версия какой-то территории из юности Доктора.

Некоторые скалы были похожи на могильные камни.

Вдали, а «даль» в этой местности было понятием странным, Эйс увидела группу людей. Они стояли на горизонте и, казалось, смотрели на неё.

Что же, других вариантов всё равно нет. Она пошла в их сторону. Она была настроена не думать ни о чём, пока не найдёт эту совесть, как бы там она не выглядела, и не вернёт её на место. Всё это ей напомнило о том, как она когда-то пыталась украсть из книжного магазина в Лондоне дорогую книгу о взрывчатых веществах. Она тогда вернулась и

положила книгу на место, но вместо удовлетворения от правильного поступка она до конца дня чувствовала себя трусихой.

Если профессор мог победить Времяточца, но не мог вернуть ей жизнь, может быть, она будет жить такой же загробной жизнью, как его старые воплощения; немножко в Берлине 1930-х, сражаясь с фашистами, флиртуя со всеми, кого ей доводилось встречать.

Подойдя поближе, Эйс насчитала три фигуры, собравшиеся вокруг котла. Вспомнив уроки английской литературы и десяток юмористических скетчей, она догадалась, что она может сейчас увидеть.

Вокруг котла стояли три женщины. Молодая девушка со светлыми локонами, чуть моложе Эйс, рубенсовская женщина с тёмными глазами и тёмно-рыжими волосами, и старуха с белоснежными волосами. Они подняли головы, глядя на приближавшуюся Эйс.

— Привет, вы тут где-нибудь совесть не видели?

— Она пришла, — прошептала старуха.

Эйс поняла, что это будет непросто.

— Подойди сюда, детка, — пробормотала взрослая женщина с лёгким северным акцентом. — Мы должны показать тебе кое-что.

Странно, но рядом с ними Эйс чувствовала себя как дома, словно они были старыми друзьями, которых она не могла вспомнить. Она подошла к котлу.

— Ладно, но только на минутку.

— Посмотри в котёл, — хихикала девушка.

Эйс посмотрела. Вначале она увидела только своё лицо, отражённое в воде. Затем там появилось ещё что-то, что-то далёкое. Дерево. Огромное дерево, которое поднималось выше, чем показывал котёл.

— Что это? — прошептала она, хотя подозревала, что знает ответ.

— Это омфалос, детка, мировое дерево, — пробормотала старуха. — Это самый центр группового разума Доктора, фокус всего, чем он есть, был, и будет.

— Особенное место, значит, — сказала Эйс. — Как мне туда попасть?

— Иди по дороге, — вздохнула взрослая женщина. — И не позволяй себе отвлекаться, сестра. Есть много способов сбиться с пути. Доктор это прочувствовал на своей шкуре.

Эйс увидела кирпичную дорогу, уводящую вдаль. Она пошла к ней, а затем обернулась:

— Слушайте, я не могу не спросить. А кто вы такие?

— Мы женские стороны Доктора, начала девы, матери, и старухи, — прошептала Мать. — Он давно уже позабыл о нас. Во многом нашу роль для него исполняешь ты. Вот почему ты здесь, чтобы сделать то, что Доктор должен был сделать сам.

— Как обычно, значит, — Эйс вышла на дорогу и пошла.

Пройдя около километра, Эйс подумала, что местность тут довольно невзрачная. Дорога уходила вдаль, вокруг были зловещие угловатые скалы, и Эйс это снова напомнило компьютерную игру. Что же, в этом была своя логика. Это место, как и компьютерные игры, было отображением реальностей, которые в ином виде были бы людям непонятны.

— Дорри! — раздался крик из-за одной из скал недалеко от дороги.

Да, конечно, именно этого в первую очередь и следовало ожидать. Эйс стояла на месте.

Из-за скалы вышла Одри, мама Дорри... нет, Эйс. Она брела вперёд, протянув дочери руку.

— Дорри, я так давно по тебе скучаю. Ты была так далеко.

Она была в точности такая же, как всегда, её голос дрожал от эмоций, которые она не могла проявлять, готовая дать все объяснения, которых её дочь никогда не слышала. Эйс заметила, что обутые в тапочки ноги матери проваливаются. Почва между ней и дорогой была зыбкая. Шаг за шагом она всё глубже погружалась в песок.

— Слушай, я знаю, что ты иллюзия, но ты всё-таки лучше вернись, а? Ты не хочешь меня видеть.

Возле самой дороги Одри погрузилась по шею.

— Дорри, пожалуйста, — плакала она. — Пожалуйста.

— Одри, — вздрогнув, осторожно заговорила Эйс. — Если бы ты была настоящей, я бы тебе помогла. Честно. Но ты не настоящая. Люди, живущие в воспоминаниях, не настоящие. Хватит того, что приходится переживать о настоящих. Теперь я это знаю, а Доктор ещё нет.

Голова её матери погрузилась в песок, крича и булькая от ужаса. Эйс заставила себя смотреть.

— Пепел к пеплу, — пробормотала она. — Прах к праху.

Она пошла дальше, и на душе у неё стало немного тяжелее.

На пути ей встретилось много иллюзий. Иен Браун звал её к себе на закрытую пологом большую кровать («Да ладно, это уж совсем»); люди-гепарды звали её присоединиться к охоте

(«Спасибо, но не сегодня»), а Джонни Чесс предлагал дружбу и место перкуссионистки в группе («Знаешь, куда можешь свои маракасы вставить?»).

Дерево она увидела издалека. Огромный ясень. Он заполнял собой всё небо. Он уходил вверх настолько далеко, насколько можно было видеть, его ветки словно сливались с темнотой.

В небе назревала гроза.

Это был корень «я» Доктора. Всё остальное, всё, чем он был или хотел быть, было построено на верхних ветвях этого дерева.

И к дереву кто-то был привязан.

Эйс подбежала ближе, чувствуя, как её начинает сковывать страх. Она смотрела, не веря своим глазам, на пленника.

Это был молодой мужчина. Его волосы, возможно, были когда-то светлые, но сейчас были в крови и грязи. Его светлая одежда была изорвана. Его глаза были закрыты.

Он был ранен, большой порез в боку, а вокруг горла были красные отметины от удушения. Его рот побелел, он сипел так, словно каждый вздох давался ему с трудом.

Над ним на дереве были вырезаны три руны, в которых Эйс узнала подпись Доктора; они были объединены в один знак. У неё возникло ужасное подозрение, что это было его рук дело.

Руки мужчины были привязаны к стволу, ноги чуть-чуть не доставали до земли. На его лице не было ничего, кроме боли. Заметив Эйс, он заморгал.

— Не подходи... ближе. Спасайся, — прошептал он сквозь сжатые зубы. Его голос был высоким от боли.

— Нет, — ответила шокированная Эйс. — Я Эйс, я пришла спасти тебя.

А затем она заметила ещё кое-что.

Перед деревом рос цветок. Маленький, но просто поразительный. Он был похож одновременно и на розу, и на ромашку, и... на любой другой цветок. Смесь великого замысла и простоты. Его лепестки сияли разноцветной жизнью. Края лепестков были покрытыми сложными складками, и Эйс не могла понять, где они заканчиваются. Фрактальные. Ясно.

В тот же момент Эйс поняла, что в этом и была мука совести Доктора: знать об этом идеальном цветке, запомнить его давным-давно с первого взгляда, но не быть способным прикоснуться к нему.

Она вынула меч, собираясь обрезать грязные верёвки, которыми был привязан мужчина.

С ветвей дерева донеслось хриплое шипение. Вниз по стволу соскользнуло толстое туловище блестящей металлической змеи, в глазах которой сверкал тёмный разум. Времяточец.

— Да, — прошептал Червь. — Я здесь. Я упал сюда с моста. Я поглощаю Доктора ещё быстрее, чем раньше, я играю на каждом из его сомнений и страхов. Ты знаешь, что означает буря у нас над головой, Эйс?

— Нет.

Эйс не хотела играть в эти игры, но информация всегда полезна. Более молодой она бы сразу бросилась на змею, но сейчас она знала, что настоящий воин не бросается в бой очертя голову. Порывшись в памяти, она не досчиталась

многих воспоминаний, но ощущение того, кем она есть, оставалось, и это её воодушевляло. Она посмотрела змее в глаза:

— Так расскажи мне.

— Это Доктор сосредотачивает свою ментальную энергию. Он собирается раздавить нас всех, стереть данные Времяточца и всё остальное, что чужеродно его мозгу. В том числе и тебя.

— Да? — внутри Эйс почувствовала трепет, но её меч не дрогнул. — Молодец, Профессор.

— Но у него не получится, — засмеялся Червь, шепелявя из-за новых зубов. — Я не просто инородные данные, которые можно стереть из памяти Доктора. Теперь я часть его сознания. Я часть его опыта. Я прочёл все его воспоминания и стал частью и их тоже. Он боролся и будет бороться со мной повсюду, куда бы ни отправился. Даже если сам вирус Времяточца удастся уничтожить, здесь, в глубинах разума Доктора, его чувство вины снова создаст меня на основе ужасных воспоминаний. Он воспользуется мной, чтобы наказать себя за твою смерть. О, я хорошо подготовился!

— Боже, Доктор, — пробормотала Эйс небу, — как же ты всё запустил.

Этому кошмару не было конца.

Смерть могла быть благом по сравнению с бесконечными витками этого существа. Она снова повернулась к нему:

— А если я отпущу вот этого?

— Не отпустишь, — улыбнулся Времяточец. — Бойл!

Из-за дерева вышел Бойл.

Ах, да, — подумала Эйс. Он же тоже упал. С Времяточцем в голове. Отлично.

Мальчик, как всегда, улыбался. Он был одет в шипастый доспех, новый и блестящий, что-то вроде гуманоидного варианта Времяточца. В руках у него был большой топор с острым лезвием.

— Привет, Дотти! — смеялся он. — Правда, классная игра? У неё есть конец?

В его голосе были странные нотки истерики, словно он задавал этот вопрос сам себе.

Эйс подняла меч. Одновременно с этим она снова почувствовала потерю возраста и опыта, её будущее утекало. Чем больше возраста она теряла, тем сильнее ей хотелось броситься на Бойла и пролить его кровь.

— Ну, давай! — подначивал её хулиган. — Махни мечом! Попробуй убить меня!

Её годы улетали, и Эйс поняла, что это неправильно, что убийство Бойла будет означать победу Времяточца, что это сотрёт её из истории. Но это было так сложно. Ведь именно так сделали бы люди-гепарды, так поступил бы солдат, Доктор... Нет. Она опустила меч и почувствовала, как её опыт снова возвращается к ней.

— Ты маленький мальчик, — сказала она Бойлу. — Ты просто ещё не понимаешь. А я понимаю.

Эйс подняла меч, сломала его об колено и выбросила обломки. А затем пошла к Бойлу.

Ребёнок пятился от неё, заикаясь:

— Ты не это должна делать. Ты не играешь в игру! Ты действуешь не по правилам!

Эйс тихо отобрала у перепуганного мальчика топор и сняла с него шлем.

— Нет. Не играю. Жизнь — не игра.

Она подошла к дереву и посмотрела на змея.

Времяточец вертел головой по сторонам, словно пытаясь созвать отсутствующее подкрепление. Эйс замахнулась топором, чтобы освободить пленника Дерева.

— Пожалуйста, не надо, — отчаянно вскрикнул Времяточец. — Я тоже хочу жить. Иштар не хочет умирать. Пожалуйста!

Возможно, всего год назад Эйс сказала бы что-то крепкое и усмехнулась бы уничтожению врага, который доставил ей такие мучения. Теперь же она лишь кивнула.

— Это ещё одна ошибка Доктора. С этим вам с ним придётся разбираться.

Она осторожно развязала верёвки, которыми был привязан к дереву блондин. Он упал в её руки, его глаза были мокрые от слёз.

— Здравствуйте, — прошептал он Эйс. — Я Доктор, вернее, я был им раньше, давным-давно.

Он попытался встать, но не смог. Эйс поддержала его.

— Я хотел лишь место для игры в крикет, солнечную лужайку, свежесваренный чай, но он мне не позволил. Он сказал, что мы воюем, — у старого Доктора был голос невинно обиженного. — И мы действительно воевали. Другие Доктора все ему помогали, кто чем мог, но я... Я возражал.

Он осмотрелся, словно впервые видел эту местность.

— Вот это я называю храбростью, — пробормотала Эйс.

— Возможно. Он не виноват, что связал меня... он не мог ничего поделать. А теперь, — голос Пятого Доктора стал

жёстче, — мне нужно кое-что сделать. Помоги мне добраться до цветка.

Времяточец и Бойл с ужасом смотрели, как Эйс забросила руку молодого Доктора себе на плечи и пошла с ним к цветку.

Гроза над ними набирала силы.

Доктор смотрел на свои сжимающиеся-разжимающиеся руки.

— Я должен это сделать, — бормотал он. — Я должен лишить её жизни. Выиграть в игре.

— Нет, Доктор! — кричал Саул. — Это не ты, это Времяточец!

Трэло и Хатчингсы испуганно посмотрели на Доктора. Эмили подняла ребёнка и прижала его к себе, не зная, что сошедший с ума повелитель времени сделает дальше. Казалось, что он участвует в мысленном сражении и проигрывает. Его лицо было напряжено.

— Есть, конечно, и другой вариант, — прошептал он. — Я могу направить ТАРДИС в центр звезды. Приказать ей самоуничтожиться. Времяточец погибнет вместе со мной. Вселенная будет спасена... но без Эйс.

Скривившись от боли, которая, казалось, сопровождала каждое его движение, Доктор пошёл, шатаясь, к алтарю, на котором лежала Эйс. Дрожащей рукой он убрал с её лба прядь волос.

— И может быть где-то есть загробная жизнь, что-нибудь более настоящее, чем Матрица или пространство разума повелителя времени, — он посмотрел на спутницу с

бесконечной грустью, голос его едва слушался. — Такая у меня есть мечта.

Опираясь на Эйс, пятый Доктор протянул руку и взялся за стебель цветка.

— Я вспомнил, что ты потерял, Доктор, — вздохнул он. Затем его голос стал твёрже, решительнее. — Я возвращаю тебе это.

Доктор смотрел сквозь грязные стёкла окна церкви на лунный пейзаж. Его лицо всё ещё было напряжено внутренней болью. Он говорил с бесчувственной Эйс, а может быть, и сам с собой.

— Война, — пробормотал он. — От неё никому нет пользы. Никто в ней не побеждает. Никто никогда не побеждает. Столько времени тратишь на разработку тактики, что маленькие детали, отдельные жизни, остаются без внимания. Иногда мне кажется, что я всего лишь пешка в чьей-то более крупной игре.

Пятый Доктор сорвал цветок и триумфально улыбнулся. Откуда-то донёсся громкий вздох, и группа измученных существ растворилась, отправившись в страну ностальгии и приятных воспоминаний.

Взрывающегося мальчика и его друзей больше не было, и когда они исчезали, они радовались.

Доктор резко обернулся, и его глаза уставились на ребёнка.
— А откуда тут ребёнок? И почему он ни разу не плакал?

Эмили, опасаясь того, что это очередной приступ злости, прижала ребёнка к себе.

— Слушайте, Доктор, этого ребёнка дали мне вы. Вы же не хотите ему ничего плохого сделать?

— Что? Я дал? — Доктор вскочил, перемахнул через скамью, на которой сидел, и начал насвистывать ребёнку, щёлкать пальцами, подпрыгивать.

— Доктор, — обратился к нему Саул.

— Тихо!

Повелитель времени ходил из одного конца церкви в другой, постукивая пальцами по лбу, потом понюхал пальцы и опустился на пол, вынув из кармана мел. Он начал быстро рисовать на каменном полу сложную диаграмму, сложный лабиринт с пометками «если» и «то». В конце концов он вскочил на ноги, оглядел собравшуюся вокруг него компанию и заразительно улыбнулся.

— Сцапал её! — сказал он и приподнял шляпу перед миссис Хатчингс. — Простите, если я вас напугал или напугаю. Вы к этому ещё привыкнете.

— Привыкну?

Доктор на мгновение задержал взгляд на ней.

— Да. Привыкнете, — он снова посмотрел на свои руки. Его больше не трясло. — Вы знаете, возможно, это первый день моей оставшейся жизни.

Эмили была поражена его улыбкой. При сложившихся обстоятельствах такая перемена была просто чудом.

Доктор-блондин выпрямился, его раны залечивались, в нём чувствовалась новая сила. Он засунул руки в карманы.

— Отнесу-ка я это туда, где от него будет наибольшая польза, — пробормотал он, посмотрев на цветок, который теперь был в петлице на лацкане его пиджака. — Я бы сказал, будь храброй... — он посмотрел на Эйс и улыбнулся очаровательной, честной улыбкой, а потом озадаченно нахмурился. — Но ты, кажется, и так храбрая.

И после этих слов он исчез, растаял в тёплом бризе, подувшем по пустоши. Эйс поняла, что тоже улыбается. На далёком горизонте Провала начинался рассвет.

— Нет! — кричал Времяточец. — Я не позволю остановить меня сейчас!

Змей быстро пополз на верхние ветви дерева, крича на пути:

— Эй, вы, тёмные архетипы, внутренние демоны и смертоносные боги! Идите ко мне!

По равнине разнёсся далёкий рёв, Эйс облокотилась на дерево и смотрела на Времяточца. У неё было чувство, что сейчас придут гости.

Питер Хатчингс наблюдал за тем, как странный мужчина делал последние приготовления к... ну, к тому, что он собирался сделать. Всё это казалось таким далёким от его мира, от уюта академии. Это было настолько за пределами его понимания, что с таким же успехом он мог бы быть муравьём, поселившимся в столовой университета. Тем не менее, он сделал свой вклад, и тем самым попал в математическое путешествие.

Странный человечек в пёстром шарфе словно находился посередине между бесконечностью и человечеством, между

Святым Граалем и чашкой чая. Питер подумал, что надо бы воспользоваться случаем и осмотреть лунную поверхность, но события внутри церкви были гораздо интереснее.

Наконец Доктор закончил и полез в карман. Он достал ключ.

— Доктор, — Питер решил, что пора задать вопрос. — А что это был за медальон?

— Портативная темпоральная связь, которую я украл из чёрной коллекции в Прайдонской Академии на Галлифрее, когда был Президентом повелителей времени. Я знал, что когда-нибудь эта штука пригодится.

— И вы её спрятали тут?

— Когда был тут прошлым летом, ещё до того, как Времяточец впервые материализовался в вашем континууме. Он не мог знать об этом устройстве.

— Но вы это всё спланировали? — поразился Питер.

— Это не так удивительно, как остальное.

На мгновение показалось, что на этом Доктор и закончит. Но затем он передумал.

— Позвольте, я вам кое-что расскажу.

Он сел на скамью, а Эмили, Питер и Трэло собрались вокруг. Даже викарий почувствовал в этом некоторое почтение.

— Давным-давно, — начал Доктор, — когда даже Галлифрей был молод, его народы воевали друг с другом. Они пользовались тем, что им было известно о перемещениях во времени, для того, чтобы получить преимущество над врагом. Занимаясь этим, они видели много странного и ужасного.

Один безумный мученик-провидец отправился слишком далеко и увидел Времяточца.

Питер понял, что Доктор рассказывает по памяти какой-то древний текст. Или он описывает свои собственные воспоминания? Тяжело было сказать.

— Он увидел его в одной из линий времени, поглощающим то ли Рассилона, то ли его тень во время Синего Смещения, последнего конфликта, когда Фенрик сорвётся с цепей, и всё зло всех миров откликнется мирам войной. Ибо Времяточец есть Адданк, червь, опоясывающий космос, он спит и просыпается, он хороший и плохой, выбор во плоти.

Доктор помолчал, а потом продолжил.

— Времяточец — это то, чего повелители времени всегда ждали. Некоторых из нас легенды убедили настолько, что они готовились к этому. Давным-давно. Его появление сейчас означает, что конец уже не очень далёк.

— Конец вселенной? — спросил Саул. — Судный день?

— Конфликт, время тьмы. Не переживайте. Галлифрейское понятие о скором времени сильно отличается от вашего.

— Ну что же, тогда всё в порядке, — пробормотала Эмили.

У Трэло кружилась голова. Он вздохнул и посмотрел в глаза Доктора:

— Значит, надежды нет? Конец предопределён?

Доктор подумал, прежде чем ответить.

— Надежда всегда есть, — в конце концов прошептал он.

Трэло кивнул, благодарный за это слабое утешение.

— Иштар, должно быть, видела лишь часть всего этого, — вздохнул Доктор. — Она тоже всего лишь пешка, исполняющая свою роль в игре, которая может быть частью

физических законов разрушения и возрождения. Это её dihenydd, как сказали бы валлийцы. Я сражался с ней больше раз, чем она знает, уже побеждал её, уже проигрывал ей, гонялся за ней вокруг стен Трои, она гонялась за мной в пещерах Нессандхад. Насколько известно ей, это наша четвёртая встреча. Пускай же она станет последней.

— Доктор, я многое принял, но это уже ни в какие ворота не лезет, — начал Питер. — Как...

— Хватит слов. Пора действовать, — Доктор встал и открыл двери ТАРДИС. — Спасибо вам за вашу помощь.

— Куда вы? — спросил Трэло.

— Вовнутрь. Если я не вернусь, вы должны кое-что сделать, — он легонько коснулся носа Эмили.

— Эйс прекратит существовать. А её тело продолжит жить. Умертвите его.

— Доктор! — воскликнула женщина, — вы просите об ужасной вещи.

— Да. Я прошу людей делать ужасные вещи. Это тоже должно прекратиться. Если я не вернусь, кто-нибудь вам поможет, вернёт вас на Землю. Повелители времени весьма щепетильны в такого рода вещах.

Не сказав больше ни слова, он вошёл в ТАРДИС и закрыл дверь.

— Куда он, Саул? — спросил Трэло, когда ТАРДИС исчезла.

— Далеко, — ответила церковь. — Дальше, чем когда-либо бывал.

Эйс схватила Бойла за руку и побежала прочь по терзаемой бурей равнине разума Доктора. Вокруг неё вставали тёмные фигуры, существа более древние и ужасные, чем внутренние сомнения Доктора. Это были боги, насколько этот термин вообще можно было тут применить, мощные расовые символы и принципы, как с Галлифрея, так и с Земли. Среди них Эйс заметила существ, которых раньше могла видеть в кошмарах.

— Закрой глаза! — крикнула она мальчику на бегу. — Всё будет хорошо.

— Ты уверена, Дотти?

— Да. Доктор нас спасёт. И меня зовут Эйс, в крайнем случае Дороти. Нам главное не...

Перед ними выскочило существо, огромный лист пустоты. Не успела Эйс рассмотреть, что это такое, как оно накрыло их обоих собой, покрыло их темнотой.

Доктор ходил против часовой стрелки вокруг консоли ТАРДИС, разговаривая со своим самым старым спутником — с самим кораблём. Он не ждал от неё ответа. Время от времени он что-то нажимал или переключал. Они зависли в вихре.

— Дороти хотела попасть домой. Страшилие нужны были мозги. Железному Дровосеку нужно было сердце. Что же касается Трусливого Льва, то ему нужна была храбрость. Каждый из них нашёл искомое не в приключении, а в самом себе. Они обнаружили, что то, что они пытались найти, было бессмысленно, что единственное, что стоило иметь, было у них внутри. Да, нужно будет ещё раз сыграть с Отшельником в шахматы. Но не пытаться выиграть...

Доктор резко остановился и пошёл в обратную сторону, быстро щёлкая тумблерами, набирая координаты. Он собирался ввести новые указания, как вдруг его левая рука, которая дёргалась и сгибалась, залезла в голые провода, всё ещё торчавшие из-под снятой панели.

Вспышка. Вскрикнув, Доктор упал на спину. Когда он смог сесть, на лице у него была мрачная решимость.

— Но сложно играть ради игры, когда твой соперник играет ради победы. Ладно, что будет, то будет!

Доктор сел на полу в позе лотоса, его руки были в тантрическом положении для медитации. Через какое-то время звук моторов ТАРДИС изменился. Клавиатура ввода координат ожила, и по всей консоли закоротились предохранители, были отключены предупреждающие сигналы.

Монастырский колокол, самый ужасный и тревожный сигнал о надвигающейся опасности, прозвенел трижды... и тоже замолк.

ТАРДИС сошла со своего пути в Вихре, и волчком направилась к текущим калейдоскопическим стенам гравитационного колодца, пробившего дыру в реальности. Ударившись о коридор, она искривилась, обернувшись вокруг пространства-времени, и мгновенно исчезнув синим завитком в шуршащих цветах бесконечности.

Доктор направлял свой корабль, руководствуясь инстинктами, направлял его в интерфейс между его мозгом и его кораблём, выискивая спокойную точку сингулярности. ТАРДИС влетела в сновидения, в воспоминания Доктора, понесла его в его собственное бессознательное.

Понесла его в темноту.

На сцене было темно и тихо, зрители с нетерпением ждали представление. Среди них можно было найти всех древних существ Галлифрея, тёмных богов Земли, все фундаментальные ужасы и несчастья. Им было неуютно в этом высокогорье разума, но Времяточец вынудил их биологией, изменил химический баланс мозга Доктора настолько, что им пришлось либо прийти сюда, либо погибнуть; сюда, на сцену, на которой побывала Эйс в своём путешествии в разум; в цирк шишковидной железы.

Включились прожектора.

В их ярких лучах со стоном возник синий предмет. В разум Доктора прибыла ТАРДИС.

Зрители радостно закричали.

Дверь корабля открылась, и оттуда вышел Доктор; он обвёл взглядом арену.

— Где Эйс?! — проревел он.

— Профессор? Я тут...

На сияние света, шатаясь, вышла фигура. Эйс держалась руками за лицо и неровно дышала.

С перепуганным лицом Доктор взял её за руки. Он отвёл их от её лица.

Эйс раскрыла рот, и там что-то блеснуло, блеснуло... Вспышка пламени обьяла лицо Доктора.

ГЛАВА 13

Полное затмение

Я тот, кто ищет молчания, и какие сокровища я нашёл в молчаниях, которые я могу уверенно раздать?

«Пророк»,
Халиль Джебран.

Доктор откатился в сторону, держась за лицо.

Времяточец хохотал:

— Имея возможность меня уничтожить, ты решил вернуться, повелитель времени. Ты проявил свою слабость. Твоя слабость — эта девушка. Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

— Нет, — Доктор убрал руки от лица и встал. Он не был ранен. — Не знаешь.

Последние слова были шёпотом, но древняя сила, таившаяся в них, заставила демоническую аудиторию замолчать. Каждый из них слышал этот звук, изгонявший их из беспокойных снов, ужасных видений. Это был голос мудрого, сила здравого смысла.

— Как?! — воскликнул поражённый Времяточец. Его форма вновь превратилась в металлическую змею. — В моём царстве я могу повреждать твою структуру данных, я могу уничтожить твою память!

— Можешь, пока тебе это позволено, — Доктор с безразличным видом сложил руки за спиной и осмотрелся. —

Я здесь раньше ни разу не был. Шишковидная железа. Потрясающе. А где Эйс?

Немного заволновавшись, Времяточец двинул пальцем. Два клоуна вывели спутницу Доктора.

Эйс не верила своим глазам. Времяточец снова занял тело Бойла, а её запер в тёмной маленькой камере. В бесконечном цикле, как оно себе это представляло, в кусочке ландшафта данных, из которого она не могла сбежать. Она надеялась, она думала, что Доктор её как-то освободит, но этого она не ожидала.

Она удивлённо смотрела на Доктора. Этот идиот вернулся за ней! Но она не могла сдержать радость. Было приятно видеть на его лице привычную уверенность в себе.

Доктор вернулся.

Ей хотелось броситься к нему и обнять его, но она шла спокойно, не позволяя клоунам торопить её. Странно, что сейчас они её не пугали. Это был детский страх, один из тех, которые оставляют людей по мере взросления, и Боже, она сейчас чувствовала себя взрослой!

— Йоу, Профессор! — сказала она. — Я думала, ты уехал.

— Я передумал, — улыбнулся Доктор. Он посмотрел на собравшуюся тёмную толпу. — Весь мир — театр. Сейчас мой выход.

— Да, знаешь, я бы не назвала их благодарными зрителями, — Эйс кивнула на окружающие их ряды древних демонов. — Нет, вряд ли им понравится игра на ложках...

Обернувшись через плечо, Эйс обратила внимание, что Времяточец исчез. Толпа ревела в предвкушении. Было такое чувство, будто через несколько секунд начнётся

представление, словно зрители ждали этого великого момента. В амфитеатре нарастал гул энергии, и воздух потрескивал от напряжения. Запах серы становился всё сильнее.

— Эйс, — тихо сказал Доктор. — Пора. Зайди в ТАРДИС.

— Ещё нет, — ответила Эйс и приложила палец к губам повелителя времени, пока он не повторил своё требование жёстче. — Я должна найти Чеда Бойла. Это вроде как я виновата в том, что он тут.

Доктор хотел возразить, но в этот момент снова появился луч прожектора, он осветил фигуру, стоявшую в арке, ведущей в амфитеатр.

Коренастая фигура с пылающими глазами. Времяточец в последний раз вселился в своего любимого носителя. ЧервеБойл шагнул вперёд, подняв стальные кулаки. Доктор осторожно повернулся лицом к существу. Зрители нетерпеливо ревели, топая ногами и копытами, размахивая хвостами.

— Итак, — прошептал Времяточец. — Всё сводится к тому, к чему и должно было. Доктор и Вирус. Почему ты меня не убил, повелитель времени?

— Потому что моя подруга оказала мне большую услугу, — Доктор спокойно встретился взглядом с существом. — Она показала мне, что есть и другая возможность. Если бы я тебя уничтожил, ты бы всё равно со временем вернулась. Как моё чувство вины, мои сожаления, ты — часть ужасного цикла. Я не могу отобрать у тебя жизнь. Я отказываюсь делать это. Но я могу дать тебе покой. Идём со мной, Иштар. Позволь мне помочь тебе.

— Почему я должна тебе верить?

— Я тоже этим вопросом задавалась, — Эйс шагнула вперёд, немного удивлённая своей уверенностью. — Ему веришь потому, что нужно кому-то верить. Да, он сделал несколько ошибок, но сейчас он взялся за ум, — Эйс немного помолчала и посмотрела Доктору в глаза: — Я верю тебе, Доктор.

По лицу Доктора пробежало странное выражение, и Эйс на мгновение показалось, что повелитель времени заплачет. Но это выражение быстро промелькнуло, и его сменила уверенность.

— Иштар, если ты всё ещё контролируешь этот организм, я даю тебе слово, что не хочу причинить тебе вред.

— Ты врёшь! — закричала маленькая фигурка, пыхнув пламенем из металлических ноздрей. — Это очередная игра! Я побеждал тебя раньше, смогу победить снова! Я убью твоё сознание здесь и сейчас, захвачу твоё тело и отправлюсь грабить вселенную! Я сожру твою драгоценную Землю!

— Если ты решила быть такой душой, — закричала Эйс, — верни хотя бы Бойла. — Он не заслужил такого.

— Чеда Бойла? — вскрикнул Времяточец. — Маленькое живое существо? Я пожираю целые планеты!

Маленькое тело, в котором находился Времяточец, начало дёргаться и изгибаться, его мышцы сокращались из-за внутреннего давления. Ноги не выдержали, и тело свалилось на землю.

С мерзким треском костей тело Чеда Бойла лопнуло и раскрылось. Из раздираемой плоти хлынула кровь, и изнутри вырвались наружу сверкающие металлические кольца. С триумфальным видом из шеи вырвалась драконья морда.

Обрывки человеческой формы Чеда Бойла смялись под сверкающей массой огромных металлических ламелей, лапы разметали в стороны обрывки хрупкой человечности, пока не осталось от ребёнка ничего.

Времяточец принял свою истинную форму.

Эйс поняла, что плачет, злясь на то, что нечто такое способно так просто отбросить человеческую жизнь. Она не сразу поняла, о ком именно она плачет.

О Чедде Бойле, о её мучителе.

Она надеялась, что где-то найдётся рай и для него.

Доктор смотрел, его лицо потемнело от древней силы. Времяточец метался по сцене, вытягивая энергию из собравшихся демонов бессознательного. Они визжали, пищали и исчезали, растворяясь в бурлящем океане чёрного пара, который расползался по зрительному залу и растворялся, засасываясь в растущую фигуру Времяточца. Руки росли, из пальцев вылезли похожие на сабли когти. Ноги и туловище слились в гигантский извивающийся хвост из блестящей стали. Грани драконьей головы смялись и разгладились, превратившись в лицо молодой женщины. Зрачки глаз Времяточца, последний остаток души Бойла, исчезли, и их сменили красные, светящиеся злым интеллектом. Новая форма закричала от боли и триумфа.

— Зайди в ТАРДИС! — крикнул Доктор Эйс. — Быстро!

Эйс прыгнула в дверь корабля, не успевая следить за окружением, которое менялось всё быстрее и быстрее, цвета и формы размывались в чисто белую пустоту. Остались лишь синяя полицейская будка и два противника, повелитель времени и Времяточец, стоявшие лицом к лицу. Изменённая

Катака возвышалась над маленькой фигуркой Доктора. Выглянув из двери, Эйс увидела, как существо подняло голову и заревело.

— Не будь душой! — орал Доктор. — У тебя нет причин сражаться, тебе нечего больше добиваться!

— Твоей смерти, Доктор! — проревел монстр. — Твоей смерти!

Оно дунуло струёй голубого пламени прямо на стоявшего перед ней Доктора; он закричал, его одежда загорелась, а кожа начала усыхать. Какую бы силу он не призвал для исцеления себя, она не была бесконечной. Он шатнулся вперёд, заслонился рукой, а Времяточец наклонился вперёд и раскрыл рот, чтобы проглотить эту надоедливую букашку.

Доктор обернулся на Эйс, и в эту секунду женщина из Перивейла увидела на его лице подобие гордости. Он словно прощался.

Доктор отвернулся и посмотрел на опускавшиеся на него челюсти.

— Слишком много смерти. Слишком много конфликтов! — крикнул он Времяточцу. — Это должно прекратиться немедленно! Сгинь!

Он протянул руку и дотронулся до существа.

Вселенная вспыхнула светом.

В розарии первый Доктор смотрел на идеальный цветок, который ему принёс пятый Доктор. Сарлейн. Он хорошо прижился в саду, и старый Доктор улыбался и кивал. Это был тот самый цветок, который он так долго пытался вырастить.

Любуясь цветком, сидевший рядом на корточках молодой Доктор улыбнулся, встал, засунул руки в карманы.

— Что же, мне пора, — улыбнулся он. — Нужно приготовить площадку, найти старую биту. Хорошо быть снова свободным. Ты не придёшь сыграть?

— Конечно, — засмеялся старик, держась руками за лацканы алой прайдонской мантии. — От игры я никогда не отказываюсь.

Доктор плавал в пустоте, его тело включало в себя миллиард точек-галактик, медленную вспышку ядерной жизни. Грубая сфера космоса расцветала внутри него, росла у него на глазах, жизнь теснила ночную тень. На его глазах расцветали и рушились космические цивилизации, концепции порядка и хаоса разрастались и ужимались, рождались и умирали вместе со своими культурами языки, каждый из них стремился описать то, что было внутри Доктора. Ни одному из них это не удавалось.

Этот момент продолжался вечно, Доктор созерцал эту внутреннюю прогрессию как течение бесконечной музыки, бесконечный ремикс, в котором одна тема возникала, чтобы оттенить другую; жизнь, смерть и возрождение. Во вздымающихся галактиках, окружённых сияющими квазарами, звёзды расцветали и коллапсировали, их скопления разбивались друг о друга под действием гравитации. Законы формировались из того, как вещество играло в вещество, и эти законы нарушались на поверхности и в центре сферы.

А затем появился Времяточец.

Как верно подметили поэты многих культур, он окружал сферу вселенной, а значит, и Доктора. Он проглотил собственный хвост, бесконечно питаясь самим собой. Он был всем, что было и что будет. Сражаться с ним было всё равно, что воевать с закономерностью, кричать навстречу шторму. В его чешуе отражался свет космоса и все его крохотные войны.

Но в этой концепции, в этой величественной поэме окружения, всё ещё сияла одна жизнь. Очевидно. Времяточец был такой же частью жизни, как дыхание или кровь. Он был тем, на что орали коты августовскими ночами, за чем кайрили следили на небесах своих снов, о чём младенцы думали во время рождения. Доктор прикоснулся к этой жизни.

Жизнь была короткая и в то же время бесконечная. Катака знавала и любовь, и жалость, и смех. Доктор просто предстал перед ней, и она увидела в нём то, чем её механическая форма не могла быть. Она согласилась.

Она хотела домой.

Времяточец почувствовал, что его суть растворяется, вычислил приближающийся факт растворения. Голова отпрянула от своего хвоста, с рёвом бросилась к Доктору, пустив волну, нарушившую эволюцию целых скоплений галактик.

Они воевали в биологии, поэзии и астрономии тысяч рас, звёздный мужчина сражался со змеем.

Как говорят сказители, Змей был готов схватить шею мужчины.

И тогда мужчина улыбнулся.

Саул смеялся.

— В чём дело, Саул? — встревоженно посмотрел вверх преподобный Трэло.

Питера и Эмили этот смех тоже насторожил. Они с тревогой смотрели на тело Эйс, ожидая, что что-нибудь произойдёт.

— Я не знаю, — смеялся Саул. — Просто мне пришло в голову, что вселенная такая смешная!

Питер повертел пальцем у виска, а затем с удивлением увидел, что его жена тоже смеётся.

— Да, — хохотала она. — Я понимаю, о чём ты. Это просто чудо, как будто весь мир ушёл на каникулы.

Трэло тоже не выдержал и улыбнулся. Малыш в его руках начал размахивать ручкой, впервые начав по-настоящему двигаться. Одним пальцем он словно указывал на что-то.

— И что же ты хочешь нам сказать? — спросил викарий.

Внезапно вспыхнул цвет, раздался звук за пределами звука. Эмили успела раскрыть рот, а Питер — прижать ребёнка к груди. Огромная сила сотрясла церковь. Трэло, хотя позже он в этом и не признался бы, в этот момент был готов поклясться, что услышал голос, старый и ужасный, эхом разносившийся по коридорам со времён до начала самого времени.

— Возвращайся домой! — сказал голос.

С рёвом отхлынувшей волны в церковь ворвался солнечный свет. Настоящий зимний солнечный свет, рассеянный далёкими облаками и снегом в воздухе. Хор грачей и хлопанье их крыльев зашумел на соседних деревьях, и Саул закричал во весь голос:

— Дóма! Мы вернулись домой!

Питер и Эмили обняли друг друга, Трэло опустился на колени, благодаря своего Господа. Силой Саула двери распахнулись, и в церковь вошёл поток морозного воздуха.

Был конец дня, и в небольшой долине под холмом, на котором стояла церковь святого Христофора, в деревне Челдон Боннифейс кипела жизнь. Из печных труб поднимался дым, холодный ветер доносил голоса игравших детей и собачий лай.

— Но как? — вскрикнул Саул. — Я же видел, как тут всё разрушилось! Я видел!

— Смотрите! — вскрикнула Эмили и бросилась туда, где лежала Эйс.

Девушка шевелилась, она поднесла руки к лицу. Она резко встала и осмотрелась.

— Доктор? — спросила она.

Эмили вдруг обняла её, и Эйс тоже обняла женщину.

— Вы пришли спасти меня, — ахнула Эйс. — Он таки сделал это, старый дурак. Он пожертвовал собой, чтобы вернуть меня!

Секунду обе женщины стояли и смотрели друг на друга. Затем они обе всхлипнули и снова обнялись. Их тихий плач начал перемежаться захлёбывающимся смехом.

Питер хотел что-то сказать, но, приложив руку к щеке, обнаружил, что он тоже бесконтрольно всхлипывает. Он сел рядом с женщинами и обнял их обеих.

Трэло стоял чуть в стороне, мысленно обнимая Саула. В течение нескольких секунд не было слышно ничего, кроме слёз благодарности.

— Страх всех нас делает спутниками, — прошептал он через какое-то время.

Вся вселенная. С такого расстояния она кажется такой спокойной.

Внутри этой сферы были битвы, конфликты, яркие приключения. Здесь, в пространстве за пределами звёзд, теперь были только мир и спокойствие.

Если он вернётся, ему снова придётся сражаться.

Он мог остаться здесь, наедине с космосом, не сталкиваясь с ним на уровне индивидуумов. Он мог сохранить это отстранённое ощущение масштаба, наслаждаться настоящим спокойствием.

Единство и спокойствие или конфликт и боль.

Доктор посмотрел на звёзды и вздохнул.

Что же, боль так боль.

— Его больше нет, — Эйс утёрла лицо рукавом. — Но ничего, это ничего. Он прикончил Времяточца... Наверное.

— Мы многим ему обязаны, — сказал хоровой голос Саула. — Я проверил вещание и, похоже, что взрыва, который уничтожил деревню, никогда не было.

— Какого взрыва? — спросила Эйс.

— Вот именно, — ответил Саул.

— Я должен написать статью для Королевского Общества, — пробормотал Питер. — Всё, что с нами произошло, всё это... — он размахивал руками.

— Нет, дорогой, — тихо сказала Эмили, всё ещё обнимая одной рукой Эйс. — Они тебя в дурдом отправят. Лучше я напишу роман.

— Что может быть лучше дома, — вздохнула Эйс, похлопала Эмили по руке, высвободилась из её объятий и пошла к дверям. Она выглянула наружу. Её прошлое вернулось, в полной сохранности, превосходный каталог приятных воспоминаний, людей и мест. — Так, во всяком случае, говорят. И это правда. Может быть, есть места и получше, но нигде больше так не пахнет, не чувствуется так...

— Я так с ним толком и не познакомилась, — Эмили подошла к ней ближе. — Но Доктор произвёл впечатление хорошего человека.

— Да, вот этого он тоже так и не понял, — Эйс наблюдала за голубем, севшим на могильную плиту на погосте. — Он очень хорошо знал, что такое хорошо, но никогда не понимал, что такое быть человеком. Я не знаю, почему я сейчас такая счастливая. Может быть, через несколько дней я начну плакать?

— Может быть, — улыбнулась Эмили. — Но у меня такое чувство, что он всё ещё где-то там.

Эйс смотрела на надвигающуюся дымку, щурясь против низкого зимнего солнца.

— Где-то...

Она услышала знакомый звук, далёкий, как звуки на пороге сна. Может быть, это было всего лишь воспоминание, но оно столько для неё значило. Оно означало свободу и любовь, распространяющуюся на чужих, на аутсайдеров и на угнетённых. Этот звук не терпел ненависть и насилие, но не

мог молчать перед лицом зла. Вот почему он звучал, прорывался сквозь время. Эйс казалось, что этот завывающий скрежет приносит откуда-то издалека рождественский ветер, он был словно легенда, такая же глупая и сильная, как Санта Клаус.

Но звук был настоящий. Его громкость нарастала с каждой секундой.

Эйс обернулась, улыбаясь во все зубы.

— Нет, — сказала она. — Не может быть.

ТАРДИС с рёвом появилась в проходе между скамьями, вспыхнула фонарём на крыше и замолчала, издав последний стук. Секунду спустя распахнулась дверь.

— Доктор! — крикнула Эйс.

Доктор вышел, шатаясь, держась за голову, крича что-то невразумительное.

— Так дай же мне взять розу, что растёт внутри, под поверхностью, — орал он. — Позволь мне силу и не прятаться, или дай мне друга, ищущего ложь... — с огромным усилием он приблизился к ребёнку, которого держал на руках Трэло, и прижался лбом к его лбу. — И пусть мой разум больше не воюет!

Между лбами вспыхнул голубой разряд. Доктор откинулся и посмотрел на ребёнка.

Тот стал словно одержим. Его ручки сжались в кулачки, он огляделся по сторонам, его словно впервые наполнил разум.

— Ты поместил Времяточца в ребёнка! — поняла Эйс, подбежала к Доктору и поддержала его. — Но разве это не...

— Тсс, — слабым голосом сказал Доктор. — Смотри.

Ребёнок словно хотел подняться на руках Трэло. Он занёс над головой кулачки и сердито посмотрел на мир. А затем издал могучий рёв и заплакал.

— Есть, наверное, хочет, — пробормотал Доктор. — Бедняжку уже несколько часов не кормили.

Трэло с трепетом смотрел на ребёнка.

— А чем же его кормить? — прошептал он.

— Молоком, — Доктор взял у него ребёнка и вручил его Питеру и Эмили. — Вы этим займитесь. Назовите её Иштар. В школе её, правда, дразнить из-за этого будут, но... — он оглянулся на Эйс, — некоторые извлекают из таких трудностей пользу.

Эмили не сводила взгляда с малыша. Младенец потянулся ручкой и схватил Доктора за палец.

Тот ему улыбнулся.

А затем потерял сознание и упал.

ЭПИЛОГИ:

Обошлось

Не важно откуда ты, важно где ты.

Иен Браун.

Доктор очнулся в доме священника, уютном жилище с пыльной мебелью и безвкусными фарфоровыми украшениями. Он лежал на софе, накрытый шерстяным одеялом. На него озабоченно смотрел Трэло.

— Всё в порядке? — пробормотал повелитель времени.

— Всё хорошо, — заверил его преподобный. — Постарайтесь заснуть.

— Да, — Доктор лёг, мышцы на его лице расслабились. — Воспользовался способностями Времяточца для перестройки реальности. Ничего не было. Одна жертва. И даже это слишком много.

— Доктор, — Трэло поправил под головой спящего подушку, — всё могло быть гораздо хуже.

И на мгновение Трэло краем глаза заметил тёмную фигуру. Мужчина в капюшоне, который скрылся в тени. Он кивал, в его единственном глазе светилось одобрение. Его тяжёлый урок был усвоен. Урок был чем-то похож на то, что Трэло говорил в своих проповедях.

Война не знает морали.

Трэло перекрестился. Взглянув на календарь, он пожелал, чтобы Доктор скорее поправился. Завтра Трэло будет занят.

В своих снах Доктор видел стол, большой дубовый стол посреди банкетного зала. Третий Доктор принимал гостя — паромщика, который, как они оба знали, на самом деле был четвёртым Доктором, пожелай он сохранить своё настоящее имя.

— Просторно, — сказал четвёртый Доктор, отрываясь от бокала вина. — Скажи, а тебе не бывает одиноко, ты же тут живёшь всё время один?

Третий Доктор задумчиво пригубил бокал.

— Нет, старина, — тихо сказал он. — Мне даже нравится уединение.

Спящий Доктор слегка кивнул.

Эйс брела по занесённому снегом погосту, завернувшись в одно из пальто Питера. Уже восемь часов прошло с тех пор, как она вернулась в мир живых, но когда она два часа назад оставила Доктора с Трэло, он всё ещё спал. Хорошо быть снова в настоящем времени. Из плотных белых облаков начали, кружась, падать первые снежинки, они покалывали её лицо и губы.

Она внезапно упала лицом на землю и поцеловала снег, попробовала его на вкус. Эти снежинки... все разные, все недолго живущие, но все красивые. Издали они все выглядели одинаково, но с близкого расстояния они все были такими сложными и разными. Жуткие люди, которых она выдумала в своей фантазии о спокойной обычной жизни, ни за что бы этого не заметили.

Ребёнок скомкал бы эти снежинки и швырнул бы их в другого ребёнка. И это было здорово, если ты ребёнок, ничего в этом плохого. Но она больше не ребёнок.

Она вернулась.

Она встала и струсила с пальто снег. Она бы не стала выходить на улицу, если бы не была уверена, что Доктор поправится. Она это нутром чувствовала. Знал ли он, как она умрёт? Он проверил это одной из тёмных ночей?

Имело ли это значение?

Глядя на деревню, на выглядывающие из окон наряженные ёлки и на разноцветные огни, украшавшие фронтон «Чёрного Лебедя» (который теперь был очень современным пабом), Эйс хотелось побежать к телефону и позвонить всем, кого она любила. Ей захотелось съесть большой бутерброд с беконом, взорвать большой фейерверк, до упаду танцевать и целоваться.

Однажды она умрёт. Она надеялась, что это будет внезапно и без боли. И это нормально. Это даже лучше, чем вообще не умирать. Как персонаж в конце книги, она бы просто прекратила что-то делать. И чего бы она к тому моменту ни достигла, хорошее и плохое, оно останется.

То, что она делала, что она собиралась делать в этом потрясающем мире, будет сильное и красивое, как снежинка.

Эйс широко улыбнулась восходящей луне, засунула руки поглубже в карманы пальто и побежала вниз, с холма, в сторону дома священника, посылая небу воздушные поцелуи.

Питер Хатчингс стоял у двери спальни для гостей и наблюдал, как Эмили кормила из бутылочки Иштар.

Иштар. Как будто чихнул кто-то.

Доктор, поглощая в доме священника большое количество чая с пышками, объяснил, что Времяточец будет существовать всегда, как некий базовый вселенский принцип, но будет оставаться без сознания, во всяком случае, до Тёмных Времён. Человеческая часть, которая сотворила это существо во времена людей, теперь обитала в мозге этого ребёнка. Для этого ей пришлось сбросить большую часть своей памяти, личности, всего, кроме самой жизни.

Иштар Хатчингс будет расти так же, как любой другой ребёнок, разве что пару лишних кошмаров увидит.

Эмили была без ума от счастья. Питер подумал, что его жена со свойственной ей практичностью восприняла все эти события гораздо легче, чем он.

Она подняла на него взгляд и улыбнулась. Он тоже ей улыбнулся и зашёл в комнату, чтобы ещё раз поздороваться со своей дочерью.

Он стоял у подножия холма, на котором стояла церковь святого Христофора. Она спускалась с холма, подходя к нему сзади. Может быть он думал, вспоминал те ужасные события, через которые им пришлось пройти? А может быть, он снова что-то замышлял, планировал очередную сложную кампанию по избавлению вселенной от зла. Эйс решила, что ей, наверное, никогда не узнать ни что он думал, ни даже как он думал.

Услышав её шаги, Доктор обернулся. В опускающихся сумерках его глаза блестели, лицо светилось печальной

мудростью. Он долго смотрел на неё. Эйс заметила, что его глаза снова стали ярко-голубыми.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Доктор. А это моя подруга Эйс.

Двое путешественников долго стояли, обнявшись. Затем, продолжая обниматься, они побрели обратно, к дому священника.

Высоко над ними Саул звонил в колокола в честь Сочельника.

Вечер пролетел за едой, напитками, песнями; и в доме Хатчингсов, и у барной стойки настоящего «Чёрного Лебедя», в который Доктор зашёл с некоторым беспокойством.

Эйс несколько часов провела у телефона викария, безуспешно пытаясь выяснить домашний номер Джонни Чесса, а Доктор развлекал публику импровизированной версией рождественского гимна, исполненной на ложках. Иштар Хатчингс много плакала.

В ночь перед Рождеством Эйс неожиданно проснулась, испугавшись. В комнате был какой-то звук.

Потянувшись к своему рюкзаку, она включила ночник.

Доктор наполнял её колготы яблоками и апельсинами.

— Традиция, — виновато улыбнулся он. — Или ты для этого уже слишком взрослая?

— Нет... — Эйс улыбнулась и снова легла спать. — Охренеть.

На Рождество, после приготовленного Хатчингсами щедрого ужина, Эйс на цыпочках вышла в прихожую и посмотрела на их телефон.

Она не забыла номер.

После всего того, через что она прошла, может быть, ей нужно позвонить домой, сказать, что она жива?

Вдруг им не всё равно будет.

Она подняла трубку и набрала номер. Один гудок. Второй. Никто не берёт трубку.

Голос на том конце, кажется, был мужской, а может, и нет. Эйс положила трубку, не расслышав полностью даже одно слово.

В прихожую вышла Эмили и, поняв, что что-то не так, тут же решила уйти.

— Я просто... — сказала Эйс, и Эмили остановилась. — Просто рассматривала ваш телефон. Отличный телефон. Просто чудесный телефон, он... — по её щёкам текли слёзы, лицо свело от душевной боли.

Эмили провела её в комнату, где спала Иштар. Они сели на кровать, и Эйс поправила на малышке одеяло.

— Я думала, что теперь справлюсь, — прошептала Эйс. — После всего того, что было, я подумала, что больше ничего не боюсь.

— Семья — совсем другое, — Эмили провела рукой по волосам Эйс, поправляя сбившиеся пряди. — Возможно, Доктору тоже когда-нибудь придётся столкнуться с этим, — она посмотрела женщине из Перивейла в глаза. — Я хотела сказать... Я знаю, ты уже, наверное, слишком взрослая для

этого, и с моей стороны это, наверное, наглость, но у меня такое ощущение, как будто мы знакомы уже очень долго...

— Пожалуйста, — Эйс потёрла лоб. — Всё равно скажи это.

— Можешь остаться у нас. Я не против ещё одной дочери, или недавно нашедшейся младшей сестры, если соседи начнут наш возраст сравнивать.

— Я знаю, — сказала Эйс, обнимая Эмили. — Но мне не хочется даже думать о том, что будет с Доктором без меня. Кому-то нужно о нём заботиться. Правда, нужно. К тому же, у вас и так лишний голодный рот появился.

Эйс встала и решительно вытерла слёзы рукавом.

Может быть, некоторые страдания делают тебя тобой.

Подойдя к двери, она обернулась к Эмили.

— Спасибо, что предложила, — всхлипнула она и вышла, чтобы не разбудить плачем ребёнка.

За это время Доктор и Эйс совершили немало коротких путешествий в ТАРДИС, занимаясь, как это называл Доктор, «коррекцией деталей задним числом». Они проникли в генетическую лабораторию двадцать второго века и украли младенца-девочку, искусственно выращенную, которой ещё не дали сенсорного ввода, чтобы она оставалась телом без разума. Это, как Доктор сказал Эйс, было для того, чтобы врачи могли проводить эксперименты с чистой совестью.

Эйс хотела забежать в то судьбоносное воскресенье с ребёнком в церковь святого Христофора, но Доктор настоял, что раз Эмили помнила, что это сделал он, лучше не рисковать, а так и сделать. Он запеленал ребёнка, которому

было суждено стать Иштар, закрыл глаза и бросился в церковь. Пересечение линий времени всегда вызывало у него беспокойство.

Когда Саул ментально обратился к нему, он заставил себя не сказать, что всё будет хорошо.

Ему не хотелось снова проходить через всё это.

Они дали объявление в номере «New Musical Express» из далёкого будущего, и Доктор сказал, что он действительно прочёл журнал Эйс, который она ему одалживала, заметил предупреждение в нём, и понял, что когда-то это будет что-то значить.

— Объявления полезны, — улыбнулась Эйс, рассматривая свежий выпуск газеты, продававшийся напротив выхода из метро. — Эй, Профессор, а это что? «Разыскивается невысокий мужчина со странной манерой одеваться, экстремальным образом жизни и с полицейской будкой. Должен уметь играть на ложках. Остальным просьба не беспокоить»...

— Что? — Доктор выхватил газету из рук Эйс, а она взъерошила ему волосы.

— Купился, — засмеялась она.

Доктор сердито посмотрел на неё.

Даже сквозь варежки он чувствовал, какой кирпич холодный и твёрдый. Его занесённая рука была силуэтом на фоне низкого солнца, и девочка обернулась, увидев резкое движение тени.

Она закричала.

Бойл со всей силы взмахнул своим оружием.

Чья-то рука схватила его за запястье и отобрала кирпич. Чед мельком заметил красивую молодую женщину, лицо которой было прикрыто шарфом. Она его оттолкнула и убежала по игровой площадке за ворота.

Там её ждал мужчина. Мужчину Чед где-то уже видел, быть может во сне. Их взгляды пересеклись, и мужчина удовлетворённо улыбнулся.

Оглянувшись, Чед Бойл увидел, что Дотти окружили девочки, они сердито на него смотрели и говорили, что расскажут об этом мисс Маршалл, и как ему вообще в голову такое пришло — бить девочку кирпичом? Чед не знал. Глупая идея. Вляпался в проблемы на ровном месте.

Когда он снова посмотрел на улицу, странного мужчины уже не было.

— Да, — пробормотала Эйс, снимая с себя шарф в отсеке управления, — я вспомнила, Мидж мне давным-давно рассказывал о Чедде Бойле. Его семья переехала в Барнет ещё до того, как он закончил начальную школу, и в конечном итоге он стал редактором местной газеты. По словам Миджа, у него всё хорошо складывалось. Почему я не знала об этом в стране снов?

— Тогда это ещё не было правдой, — пробормотал Доктор. — Ты только что это создала.

Парк Гринвич сиял белым над серыми башнями Лондона. Доктор и Эйс стояли по разные стороны меридиана. У Доктора уже несколько дней было задумчивое выражение лица. Управлять ТАРДИС становилось всё сложнее и сложнее.

Эйс не решалась спросить о том, что скребётся по ночам в её дверь.

— Какой это год, Профессор? — вместо этого спросила она.

— 1976, — ответил Доктор. — И нет, тебе нельзя пойти к Сиду Вишесу и сказать ему, чтобы он был осторожнее. Да он и не послушался бы.

— Мы ведь скоро покинем Челдон Боннифейс, да? Навсегда?

— Мы в любой момент можем заскочить к ним в гости, — пробормотал Доктор. — Старая дружба — как старый фарфор. Очень ценная и очень хрупкая.

— Но ты улетаешь? Заниматься чем-то другим?

— Да, — Доктор подозрительно посмотрел на неё. — Ты хочешь полететь со мной?

Эйс на минуту опустила взгляд.

— Да, — в конце концов улыбнулась она. — Что мне терять?

Они пошли, завязав разговор о розовом саде Ньютона, о том, что Доктор не верит в И-Цзы, и о многом другом. Позади них неуклюжий студент, ехавший на велосипеде вверх по улице, столкнулся с красивой женщиной.

— Ой, простите меня, — извинился Питер Хатчингс, собирая книги, которые выронила женщина. — Я засмотрелся на куртку той девушки. Столько значков... — он развёл руками.

— Да, — улыбнувшись, кивнула Эмили Вест. — Я тоже на неё засмотрелась.

Собрав свои вещи, она хотела уйти, но затем оглянулась.

— Кажется, вы замёрзли, — улыбнулась она. — Не хотите зайти куда-нибудь, выпить чашечку кофе?

Преподобный Эрнест Трэло стёр с пола церкви святого Христофора последние следы начерченной Доктором схемы. Повелитель времени и его спутница улетели ясным январским утром после похорон головы Руперта Хеммингса. Доктор стоял у могилы, глубоко задумавшись, похожий на тёмного ангела.

Быть может, он всё-таки что-то понял.

Сам же Трэло ломал голову над тем, как ему записать это в церковной книге. Быть может, роман Эмили и вправду будет лучшим решением.

— Кажется, я начинаю всё понимать, Саул, — начал Трэло. — Доктор играл в игру по поимке Времяточца, используя нас как пешек...

— В частности, он воспользовался моей способностью фокусировать человеческую психическую энергию, — хоровым голосом сказал Саул, немного обиженно. — Я, Эмили и ребёнок — слишком идеальная комбинация, чтобы возникнуть случайно, и слишком дьявольский замысел, чтобы быть милостью Божией.

— Верно, — закончив свою работу, Трэло встал. — А Времяточец тоже планировал игру, он хотел воспользоваться тобой для того, чтобы поймать тело Доктора и поглотить Землю. Но выше планов их обоих, кто-то решил преподать Доктору урок о совести и о слабости воина. Думаю, так я это и запишу в архиве.

Он пошёл к двери, осматривая церковь, проверяя, всё ли в порядке.

Много столетий назад люди пришли на место, где сейчас жил Саул, чтобы поклоняться богам. Кельты, затем римляне, затем саксы, мужчины и женщины склоняли головы перед чем-то, что было выше их, перед чем-то великим, созданным из того, из чего была создана вся вселенная, но в то же время бывшее частью того, о чём они беспокоились. С каждой новой религией люди верили во что-то новое, но сама вера была здесь всегда. Саксы привезли сюда камень и взяли на себя тяжёлое строительство. Норманны дополнили их архитектуру, а затем каждая эпоха оставляла после себя какой-то след. Все они знали одно: где-то в ночи есть что-то помимо них, что-то хорошее.

Трэло прошёл к дверям ризницы и, коснувшись древней древесины, поднял взгляд на миллиарды звёзд, сверкавших над головой дугой далёкого волшебства. Он обратился к своему Богу с небольшой просьбой. Где-то, когда-то, среди этих звёзд есть мужчина, который готов сражаться и умереть за принципы, стоящие за этими чудесами. И в этот миг одна из звёзд отделилась от космоса и ринулась вниз, чтобы коснуться Земли. Трэло тихо засмеялся и закрыл дверь.

— Ты сегодня довольный, — пропел в спокойном ночном воздухе голос Саула.

— Я ходил в гости к Хатчингсам. Когда я уходил, малышка Иштар так тихо спала...

— Это хорошо. Тебе и самому нужно выспаться.

Трэло тяжело облокотился о скамью.

— Да, старый друг, нужно. Даже не знаю, как дойду до дома, я так устал...

— Тогда спи тут, — сказал Саул. — Я не дам тебе замёрзнуть.

Трэло прилёг на скамью, подложил под голову вместо подушки свёрнутый коврик для моления, и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Саул.

— Спокойной ночи. Всё тихо. Хороших тебе снов.

И преподобный, улыбнувшись, заснул. Давным-давно, зимой, в английской глубинке.